

Исторія одной души

Елена Келлеръ

Зинаида Алексеевна Рагозина

История одной души: Елена Келлерь

Зинаида Алексеевна Рагозина

Содержание

1. Елена Келлерь	5
2. Во тѣмѣ кромѣшной	9
3. Миссъ Солливанъ	14
4. Сумерки	16
5. Пробужденіе	21
6. Расцвѣтаніе	40
7. Первое горе	71
8. Борьба съ университетомъ	86
9. Университетъ — Впечатлѣнія и оцѣнка	91
10. Личныя характеристики	99
11. «Оптимизмъ» — (Литературный дебютъ Елены Келлерь)	108
A. Приложения к электронному изданию	117
Выходные данные	117
Подготовка электронного издания	119

Список рисунков

1.1. Елена Келлерь (15-ти лѣтъ) и миссъ Солливанъ	5
1.2. Факсимиле письма Елены Келлерь	5
2.1. Усадьба Келлеровъ въ Тускумбѣи (штатъ Алабама)	9
4.1. Елена Келлерь 6-ти лѣтъ (когда поступила къ ней миссъ Солливанъ)	16
5.1. Пунктирная система Брайля	31
6.1. Елена Келлерь (8-ми лѣтъ) со своей собакой «Джумбо»	41
6.2. Елена Келлерь «читаетъ с губъ» миссъ Солливанъ. С ними знаменитый актеръ, мистеръ Джеф- ферсонъ, ветеранъ американской сцены	56
6.3. Елена Келлерь читаетъ въ своемъ кабинетѣ	69
7.1. Елена Келлерь и докторъ Грехемъ Белль	78
7.2. Елена Келлерь и Маркъ Твэнъ	83
8.1. Миссъ Солливанъ читаетъ Еленѣ Келлерь «вслухъ»	87
8.2. Елена Келлерь за пишущей машинкой	89
9.1. Елена Келлерь въ университетской мантии и шапочкѣ	91
10.1. Елена Келлерь (20-ти лѣтъ). Ея подпись (факсимиле)	100
10.2. Елена Келлерь изучаетъ статую Венеры Милосской	101
10.3. «Разговоръ руками»	104
10.4. «Елена Келлерь со своей любимицей, собакой „Физъ“»	105

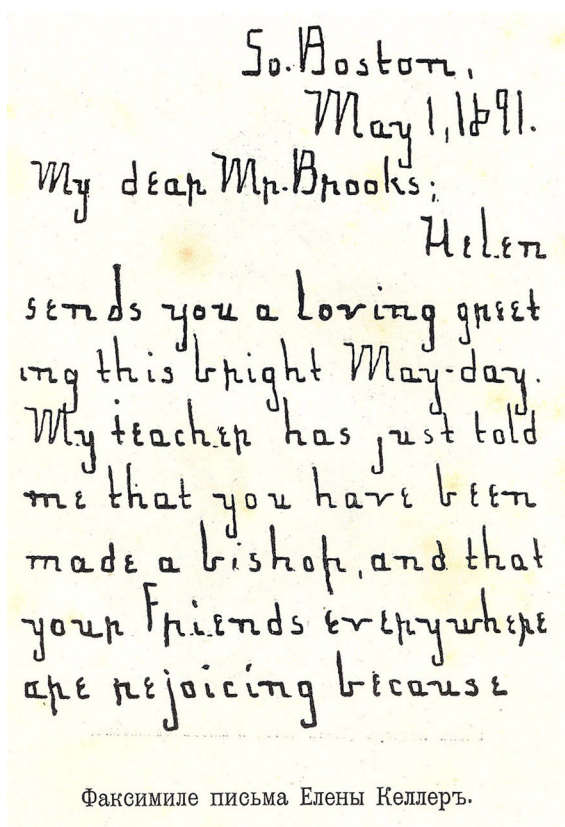
Глава 1. Елена Келлеръ

Таблица 1.1. Елена Келлеръ (15-ти лѣтъ) и мисъ Солливанъ

Елена Келлеръ (15-ти лѣтъ) и мисъ Солливанъ.

Таблица 1.2. Факсимиле писъма Елены Келлеръ

Факсимиле писъма Елены Келлеръ.

Маркъ Твэнъ сказаль, что, по его мнѣнію, въ прошломъ вѣкѣ родилось только два человекъ, которыхъ можно назвать въ полномъ смыслѣ «интересными»: Наполеонъ и Елена Келлерь. Прибавимъ отъ себя, что если между этими двумя личностями сдѣлать выборъ, то преимущество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ останется на сторонѣ послѣдней.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ дѣвочку, слѣпую и глухонѣмую, стало-быть — имѣющую одно единственное средство общенія съ міромъ, одинъ единственный органъ духовной жизни: осязаніе. И вотъ, эта дѣвочка, — теперь уже двадцатичетырехлѣтняя дѣвушка, — кончаетъ курсъ высшихъ наукъ въ женскомъ отдѣленіи гарвардскаго университета въ Кембриджѣ (штатъ Массачусетсъ, близъ Бостона), со степенью бакалавра (Bachelor of Arts, B. A.), и является, внѣ всякаго сомнѣнія, одной изъ самыхъ высоко и многосторонне образованныхъ женщинъ въ мірѣ: хорошій математикъ, замѣчательная лингвистка, знаетъ основательно французскій и нѣмецкій языки, по-латыни и по-гречески читаетъ съ наслажденіемъ. Съ дѣтства уже обнаруживала писательскій даръ и на родномъ англійскомъ языкѣ обладаетъ слогомъ, поражающимъ своеобразной прелестью, живописной красотой и, въ то же время, благородной простотой; наконецъ, блистательно заявила себя передъ всѣмъ культурнымъ міромъ недавно вышедшей своей автобіографіей. Кромѣ того, она прекрасно говоритъ, отчетливо и внятно произноситъ слова. Какъ ни великъ Наполеонъ, представляетъ ли онъ **такое** феноменальное явленіе?

Если ко всему этому прибавить привлекательную наружность, отражающую душу рѣдкой чистоты и благородства, любящую и незлобивую, безмятежно ясную, нравъ счастливый и веселый, нелишенный шаловливости и тонкаго юмора, мы получимъ образъ личности дѣйствительно единственной въ мірѣ, — одно изъ тѣхъ феноменальныхъ явленій, изобрѣсти которыхъ не отважилась бы самая смѣлая фантазія, и къ которымъ можно примѣнить глубокое изреченіе: «**Credo, quia absurdum**».

Не мѣсто здѣсь перечислять все, что сдѣлано по части воспитанія слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Извѣстно, что и тѣ, и другіе уже принадлежатъ къ числу людей всего мірового культурнаго братства: зрѣніе у однихъ, слухъ и осязаніе у другихъ изошрены до того, что почти вполнѣ замѣняютъ недостающее или утраченное чувство. Но несчастные, лишенные и слуха, и зрѣнія, до сихъ поръ оставались внѣ заповѣднаго круга, и специалисты-педагоги даже сильно сомнѣвались, способны ли эти обездоленные воспринять настоящее образованіе, даже если бы нашелся способъ установить полное духовное общеніе съ ними. Сомнѣніе это тѣмъ болѣе понятно, что, даже если бы такой способъ былъ найденъ, для примѣненія его съ полнымъ результатомъ требовались бы еще геніальный субъектъ и почти столь же геніальный наставникъ. Между тѣмъ, способъ существовалъ, и очень простой: алфавита глухонѣмыхъ, продѣлываемый пальцами, съ которымъ каждый можетъ ознакомиться въ любомъ иллюстрированномъ энциклопедическомъ словарѣ; только, какъ примѣнить его къ слѣпымъ? И это оказалось очень просто: нашлась свѣтлая голова, которая набрела на мысль продѣлывать буквы на ладони ученика; ощущаютъ же ихъ вмѣстѣ съ ладонью и всѣ пальцы, которые почти инстинктивно подражаютъ каждому ощущаемому движенію и воспроизводятъ знакъ. Разъ понято значеніе этого таинственнаго общенія, то уже установлена связь съ внѣшнимъ міромъ, съ духовнымъ міромъ окружающихъ людей, ученикъ, конечно, усердно упражняется и научается бѣгло понимать и «разговаривать». Печатаніе выпуклымъ шрифтомъ раскрываетъ передъ нимъ и міръ книгъ. Всего труднѣе, конечно, установить первоначальную связь, какъ видно будетъ изъ слѣдующихъ страницъ.

Въ началѣ прошлаго вѣка въ Бостонѣ жилъ докторъ Самуилъ Гридли Хау (Samuel Gridley Howe), великій филантропъ, особенно интересовавшійся воспитаніемъ слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, слабоумныхъ, вообще, обиженныхъ природой дѣтей. Въ 1837 году, въ бытность его директоромъ института для слѣпыхъ имени Перкинса, въ Бостонѣ, ему привезли слѣпо- глухонѣмую дѣвочку, Лору Бриджмэнъ, съ которой онъ достигъ результатовъ, дотолъ неслыханныхъ, о чемъ у насъ, вѣроятно, помнятъ многіе, читавшіе въ молодости американскія замѣтки Диккенса, такъ какъ онъ писалъ о ней съ восторгомъ и довольно подробно.

Дѣвочкѣ тогда было почти восемь лѣтъ. Скарлатина лишила ее зрѣнія и слуха, когда ей было два года и два мѣсяца. Докторъ Хау самъ занимался съ нею два года. Сначала онъ употреблялъ только слова, печатанныя выпуклымъ шрифтомъ: наклеивалъ на предметы билетки съ именемъ предмета, потомъ заставлялъ ее самой подбирать билетки къ предметамъ и наоборотъ, и, наконецъ, разлагать слова на составныя буквы и опять собирать слова изъ буквъ. Ясно, однако, что этимъ способомъ дальше именъ наглядныхъ предметовъ не пойти; и вотъ, онъ придумалъ научить Лору глухонѣмому ручному алфавиту и приучилъ ее читать то, что этими знаками писалось на ея ладони, или, вѣрнѣе сказать, въ ея рукѣ. По истеченіи двухъ лѣтъ, докторъ Хау передалъ ее своимъ учительницамъ, которыхъ тѣмъ временемъ подготовилъ по изобрѣтенной имъ методѣ. Дѣвочка оказалась способностей довольно заурядныхъ, такъ что особенно блестящихъ результатовъ съ нею не было достигнуто; но самый фактъ, что она могла получить хотя бы только первоначальное

образование, считался, не без основания, небывалымъ подвигомъ педагогики. И этимъ былъ положенъ первый камень того удивительнаго зданія, вѣнцомъ котораго является даровитая Елена Келлеръ.

Непостижимо, какимъ образомъ слава объ этомъ феноменальномъ существѣ миновала Россію. Съ того самаго дня, когда къ семилѣтней дѣвочкѣ поступила ея воспитательница, миссъ Солливанъ, въ 1887 г., вся Америка съ неослабнымъ интересомъ и любовью, шагъ за шагомъ, слѣдила за ея развитіемъ; въ газетахъ то и дѣло появлялись отчеты объ ея успѣхахъ, часто, разумѣется, съ искаженіями и преувеличеніями, къ великому огорченію ея воспитательницы. Въ мартѣ 1888 г. она пишетъ одной подругѣ:

Я очень рада, что не знаю всего, что пишется и говорится объ Еленѣ и обо мнѣ. Я и такъ знаю болѣе, чѣмъ довольно. Почти каждая почта приноситъ какую-нибудь нелѣпость, печатную или писанную. Кажется, ужъ чего удивительнѣе дѣйствительности? Такъ нѣтъ, газетамъ мало, и онѣ выдумываютъ всякія небылицы. Одна сообщаетъ, что Елена демонстрируетъ геометрическія задачи посредствомъ своихъ кубиковъ!..

Опровергать всякую глупость не было возможности, но и совѣмъ игнорировать не приходилось. Волей-неволей, миссъ Солливанъ должна была отъ времени до времени писать для печати отчетъ о ходѣ своей дѣятельности, съ точнымъ обозначеніемъ того, чего ея ученица достигла въ данное время; частныя письма ея, содержащія много драгоцѣннаго матерьяла, тоже появлялись то въ томъ, то въ другомъ изданіи. Наконецъ, сама Елена, по просьбѣ бостонскаго журнала для юношества «Youth's Companion», написала собственныя воспоминанія и впечатлѣнія. Ей тогда было двѣнадцать лѣтъ, и, читая эти удивительныя страницы, дѣйствительно недоумѣваешь, какихъ еще чудесъ надо газетнымъ собирателямъ сенсационныхъ **faits divers**. Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ нихъ:

...Нѣтъ такого радужнаго лѣта, за которымъ не слѣдовала бы зима. Въ холодномъ, пасмурномъ февралѣ мѣсяцѣ, когда мнѣ было девятнадцать мѣсяцевъ отъ роду, я тяжко заболѣла. У меня до сихъ поръ сохранились путанныя воспоминанія объ этой болѣзни. Мать моя сидѣла возлѣ моей кровати, стараясь унять мои лихорадочныя стоны, и въ смущенномъ сердцѣ молилась: «Отецъ Небесный, пощади жизнь моей дѣвочки!» Но лихорадка все росла и огнемъ жгла мнѣ глаза, и въ теченіе нѣсколькихъ дней мой добрый докторъ думалъ, что я умру.

Но рано утромъ однажды лихорадка ушла такъ же таинственно и неожиданно, какъ пришла, и я спокойно уснула. Тогда родители мои поняли, что я буду жива, и были очень счастливы. Прошло уже нѣсколько времени послѣ моего выздоровленія, а они еще не знали, что злая лихорадка унесла мое зрѣніе и слухъ, — похитила свѣтъ, и музыку, и радость изъ моей жизни.

Но я была слишкомъ мала, чтобы понимать то, что со мной случилось. Когда я очнулась, впотѣмахъ и въ безмолвіи, я, должно-быть, подумала, что это — ночь, и вѣроятно дивилась, почему день такъ долго медлитъ. Но я постепенно свыклась съ окружающими меня мракомъ и молчаніемъ и забыла, что были когда-то свѣтъ и звуки. Забыла все, кромѣ нѣжной любви матери. Скоро умолкъ и дѣтскій говоръ мой, потому что я перестала слышать звуки.

Но не все пропало! Вѣдь, наконецъ, зрѣніе и слухъ, — это только два изъ многихъ благъ, которыми Богъ надѣлилъ меня. Самый драгоцѣнный, самый дивный изъ Его даровъ все же остался при мнѣ: умъ мой былъ живъ и ясенъ, если и навсегда бѣжалъ отъ меня дневной свѣтъ...

Много ли двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, поставленныхъ въ самыя благопріятныя условія, способны написать что-нибудь подобное?

Нѣтъ романа, нѣтъ драмы, болѣе приковывающихъ, болѣе захватывающихъ, чѣмъ исторія этой души. Нельзя иначе, какъ съ страстнымъ участіемъ, съ трепетнымъ напряженіемъ слѣдить за этимъ пробужденіемъ, этимъ расцвѣтаніемъ. Читаешь и все забываешь; весь міръ какъ-то исчезаетъ или, вѣрнѣе, сосредоточивается въ интимной душевной драмѣ съ двумя дѣйствующими лицами: ребенкомъ и его воспитательницей. Интересъ усиливается еще потому, что она съ начала до конца, отъ первыхъ робкихъ надеждъ до полного, превосходящаго всѣ ожиданія, торжества, рассказана этими двумя женщинами такъ просто, безъ громкихъ

фразъ и «жалкихъ словъ». Какой тутъ богатый матерьялъ, сколько драгоцѣнныхъ уроковъ для психолога, педагога, даже физиолога!

«Исторія моей жизни» — такъ Елена Келлеръ озаглавила описаніе своей жизни, — жизни исключительно внутренней. Съ внѣшней стороны эта жизнь не представляла бы особенно выдающихся чертъ и, можетъ-быть, протекла бы мирно, красиво, съ пользою для многихъ, какъ жизнь тысячей умныхъ, хорошихъ американскихъ женщинъ, обеспеченныхъ и высоко образованныхъ. Елена — изъ хорошей старинной семьи. По странному совпаденію, прадедъ ея, швейцарецъ Каспаръ Келлеръ, поселившійся въ штатѣ Мерилэндѣ, былъ правнукомъ перваго учителя глухонѣмыхъ въ Цюрихѣ, написавшаго книгу о воспитаніи ихъ. Дедедъ Елены, сынъ Каспара, «записался», какъ тогда говорилось, на большой трактъ пустопорожней земли въ штатѣ Алабамѣ. Разъ въ мѣсяцъ онъ верхомъ ѣздилъ изъ маленькаго городка Тускумбѣи въ Филадельфію за припасами для плантаціи, и въ семьѣ хранятся еще письма его, очень занимательно описывающія эти поѣздки.

Келлеры въ Америкѣ породнились со многими дѣятелями войны за освобожденіе, а впослѣдствіи и съ дѣятелями междоусобной войны на сторонѣ южанъ; бабушка Елены, дочь одного изъ адъютантовъ Лафайетта, даже приходилась троюродной сестрой знаменитому вождю южанъ, генералу Роберту Ли, а отецъ ея служилъ капитаномъ въ арміи южанъ. Но у нихъ были родственныя и дружескія связи и на Сѣверѣ, въ первенствующемъ умственно штатѣ Массачусетсѣ и эти столь различные темпераменты и культуры слились въ даровитой дѣвочкѣ въ такую богатую, многостороннюю натуру, которая и при нормальныхъ условіяхъ считалась бы замѣчательнымъ явленіемъ.

Жизнь Елены дѣлится на двѣ неравныя части: то, что было **до** появленія ея наставницы, и то, что было **послѣ** того. Не безынтересны будутъ выдержки изъ ея воспоминаній о первомъ періодѣ. По нимъ можно судить, чѣмъ была бы ея жизнь, да и сама она, если бы она была предоставлена самой себѣ, то-есть если бы, почти восемь-десять лѣтъ назадъ, не родилась такая же несчастная, какъ она, и не попала въ руки геніальнаго воспитателя, доктора Хау. Посмотримъ же, какія впечатлѣнія дѣвочка вынесла изъ того времени, когда она пребывала буквально во тьмѣ кромѣшной.

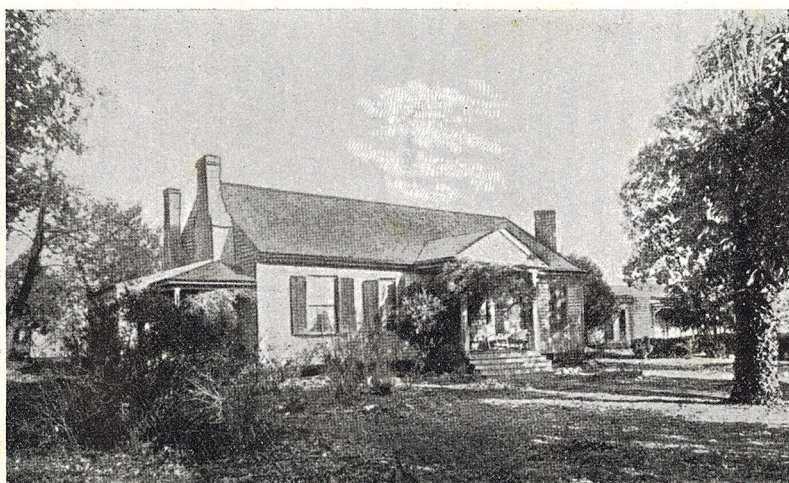

Глава 2. Во тьмѣ кромѣшной

...До болѣзни, лишившей меня зрѣнія и слуха, я жила въ крошечномъ домикѣ, состоявшемъ изъ одной большой комнаты и другой маленькой, для прислуги. Отецъ мой построилъ его послѣ войны, невдалекѣ отъ большого семейнаго дома, и, женившись, поселился въ немъ съ моей матерью. Домикъ весь исчезалъ подъ виноградомъ, розами и каприфолиемъ. Это было царство пчелъ и колибри. Въ нѣсколькихъ шагахъ начинался садъ, — рай моего ранняго дѣтства... Я ощупью пробиралась между жесткими, прямолинейно обстриженными буксовыми изгородями и, руководясь обоняніемъ, находила первый ландышъ и фіалки. Тамъ же, послѣ одного изъ моихъ припадковъ бѣшенства, я искала утѣшенія и находила его, зарывшись горячимъ лицомъ въ прохладную листву и траву. Какая радость — теряться въ этомъ цвѣтущемъ саду, беззаботно бродить съ мѣста на мѣсто, пока вдругъ не наткнусь на полуразрушенную бесѣдку на другомъ концѣ его, которую я узнавала по цвѣтамъ и листьямъ покрывавшей ее чудной глицинии. Тутъ же былъ и дикій виноградъ, и волочились длинныя лозы душистаго жасмина и какія-то рѣдкія лиліи съ тонкимъ ароматомъ, похожія на крылья бабочекъ. Но всѣхъ прелестнѣе были розы. Никогда въ сѣверныхъ теплицахъ не встрѣчала я такихъ душу радующихъ розъ, какъ ползучія розы моей южной родины. Онѣ длинными фестонами свѣшивались съ крыши нашего крылечка, наполняя воздухъ благоуханіемъ, къ которому не примѣшивался даже запахъ земли, а рано утромъ, умытая росой, онѣ на осязаніе были такія нѣжныя, чистыя, мягкія, словно прямо изъ Божьяго сада...

Таблица 2.1. Усадьба Келлеровъ въ Тускумбіи (штатъ Алабама)

Усадьба Келлеровъ въ Тускумбіи (штатъ Алабама).

...Я совсѣмъ не помню, что было въ первые мѣсяцы послѣ моей болѣзни. Знаю только, что я сидѣла у матери на колѣняхъ или цѣплялась за ея платье, когда она ходила по хозяйству. Руки мои ощупывали каждый предметъ, слѣдили за каждымъ движеніемъ, и я такимъ образомъ многому научилась. Скоро я ощутила потребность общенія съ другими и стала дѣлать немудреные знаки. Качаніе головой означало «нѣтъ», кивокъ — «да»¹, притягиваніе къ себѣ — «приди», толчокъ — «уйди». Если я хотѣла хлѣба, я дѣлала жестъ, будто отрѣзываю ломти и намазываю ихъ масломъ. Если я хотѣла мороженого къ обѣду, я дѣлала жестъ замораживанія и вздрагивала плечами, будто отъ холода. Матери моей удалось меня многому научить. Я всегда понимала, когда она меня за чѣмъ-либо посылала, и бѣгала навѣрхъ или куда ей надо было. Ея мудрой любви я обязана всѣмъ, что было хорошаго въ моей безпробудной ночи.

---

¹ Интересный вопросъ: стало-быть, эти два примитивные знака или жесты съ ихъ неизмѣннымъ значеніемъ, дѣйствительно, **прирожденные** у человѣка, не приобретенные? По всей вѣроятности, да: не у животныхъ же перенялъ ихъ первобытный человѣкъ!

Я многое понимала изъ того, что происходило кругомъ меня. Пяти лѣтъ я научилась складывать и убирать бѣлье, когда его приносили изъ прачечной, и узнавала свое. Я всегда знала по одеждѣ ихъ, когда мать и тетка уходили со двора, и непременно просилась съ ними. Когда бывали гости, за мною всегда посылали, и когда они уходили, я имъ на прощаніе махала ручкой. Этому жесту я выучилась еще до болѣзни и смутно помнила его значеніе...

Не помню, когда я впервые поняла, что я не такая, какъ всѣ; но я это знала еще до прибытія моей наставницы. Я давно замѣтила, что мать моя и прочіе окружающіе меня не выражали своихъ желаній знаками, подобно мнѣ, а говорили ртомъ. Я иногда становилась между двумя разговаривающими и пальцами касалась ихъ губъ. Я не понимала и сердилась. Я шевелила губами и жестикулировала, какъ полоумная, конечно, безъ толка, и это иногда такъ бѣсило меня, что я билась и кричала до изступленія.

Кажется, я сознавала, когда дурно себя вела, потому что я знала, что Элль, моей нянѣ, больно, когда я ее бью ногами, и когда проходилъ припадокъ бѣшенства, я ощущала нѣчто въ родѣ сожалѣнія. Но не припомню, чтобы это когда-нибудь меня удержало отъ повторенія такихъ же сценъ.

Постоянными моими товарками въ то время были маленькая черная дѣвочка, по имени Марта Вашингтонъ, дочка нашей кухарки, и Бэлла, престарѣлый сеттеръ, бывшая нѣкогда замѣчательной охотничей собакой. Марта понимала меня, и мнѣ не трудно было заставить ее дѣлать все, что я хотѣла. Мнѣ доставляло удовольствіе командовать ею, и она обыкновенно покорялась мнѣ, потому что я была сильна, ловка, безстрашна, всегда отлично знала, чего хотѣла, и, чтобы поставить на своемъ, не задумывалась пускаться въ ходъ зубы и ногти. Мы проводили много времени въ кухнѣ: лѣпили булки изъ тѣста, мололи кофе, вертели мороженое, кормили куръ и индюшекъ, толпившихся у кухоннаго крыльца... Цесарки любятъ прятать яйца въ самыя невозможныя мѣста, и однимъ изъ величайшихъ моихъ удовольствій было искать эти яйца въ высокой травѣ. Чтобы сказать Мартѣ, что я хочу идти на поиски за яйцами, я руками изображала нѣчто круглое у самой земли, и она понимала. Если намъ удавалось найти гнѣздо, я никогда не позволяла ей нести яйца въ домъ, всячески давая ей понять, что она ихъ уронитъ и разобьетъ.

Хлѣбные амбары, конюшни, дворъ, гдѣ утромъ и вечеромъ доили коровъ, были для насъ источниками безконечныхъ восторговъ. Мнѣ позволяли прикладывать руки къ коровѣ, пока ее доили, и не разъ меня порядкомъ хлесталъ длинный хвостъ, въ наказаніе за мое любопытство.

Приготовленія къ Рождеству всегда приводили меня въ восторгъ. Я, конечно, не понимала, въ чемъ дѣло, но мнѣ нравились пріятные запахи, наполнявшіе домъ, и лакомые кусочки, которыми надѣляли меня и Марту, чтобы мы сидѣли смирно. Мы страшно всѣмъ мѣшали, но это ни мало насъ не смущало. Намъ позволяли молоть корицу, гвоздику и прочія пряности, перебирать изюмъ и облизывать ложки, которыми мѣшали всѣ эти сладости. Я подъ Рождество вывѣшивала свой чулокъ, потому что такъ дѣлали другіе; однако не помнится, чтобы эта церемонія особенно меня интересовала во всякомъ случаѣ, любопытство мое не было настолько велико, чтобы заставить меня проснуться до зари, осмотрѣть мои подарки.

Марта Вашингтонъ была такая же проказница, какъ и я. Въ одинъ жаркій іюльскій день на ступеняхъ веранды сидѣли двѣ маленькія дѣвочки. Одна — черная, какъ уголь, и на головѣ ея во всѣ стороны торчали маленькія, жесткія точно штопоръ, косички, завязанныя башмачными шнурками. Другая — бѣлая, съ длинными золотыми кудрями. Одной — шесть лѣтъ, другая — годами двумя- тремя старше. Младшая дѣвочка, слѣпая, была я, другая — Марта Вашингтонъ. Мы усердно вырѣзывали куклы изъ бумаги, но эта забава намъ скоро надоѣла. Тогда мы искромсали шнурки отъ своихъ башмаковъ и поотрѣзали всѣ листья на каприфоліи, сколько мы могли достать со своего мѣста. Наконецъ, я обратила свое вниманіе на Мартины косички. Она сначала отбивалась, однако кончила тѣмъ, что покорилась, но скоро, по чувству справедливости, потребовала своей очереди и такъ отрѣзала одинъ изъ моихъ локоновъ; не подоспѣвъ во-время моя мать, она отрѣзала бы всѣ.

...Другая товарка моя, собака Бѣлла, была стара, лѣнива, — только бы ей все спать у печки или у камина. Я всячески старалась научить ее моимъ знакамъ, но она оказывалась невнимательной и непонятливой, чѣмъ очень меня сердила... Встанеть, бывало, раза два презрительно фыркнуть, лѣниво потянется, да уйдетъ на другую сторону камина и ляжетъ опять, а я, скучная и сердитая, отправлюсь отыскивать Марту.

Я до сихъ поръ твердо помню нѣкоторые отдѣльные факты и происшествія изъ моего ранняго дѣтства, и они съ необычайной яркостью, рѣзко выступаютъ на фонѣ вѣчнаго мрака и безмолвія моего тогдашняго безцѣльнаго, безсодержательнаго существованія.

Однажды я какъ-то облила водой свой передникъ и развѣсила его сушить передъ огнемъ, тлѣвшимъ въ каминѣ, въ гостиной. Передникъ не такъ скоро сохъ, какъ мнѣ хотѣлось, поэтому я подошла ближе и бросила его прямо на горячую золу. Пламя разомъ вспыхнуло вокругъ меня, и платье въ одинъ мигъ уже ярко горѣло на мнѣ. Въ испугѣ я, должно-быть, издала какіе-то неистовые звуки, потому что старая няня моя прибѣжала на выручку. Она закутала меня одѣяломъ и чуть не задушила, но огонь потушила. Только волосы и руки пострадали, остальное обошлось благополучно.

Около этого времени я придумала, на чтѣ годится ключъ. Въ одно прекрасное утро я заперла мать въ буфетной, и она пробыла тамъ битыхъ три часа, потому что люди почему-то всѣ находились на другомъ концѣ дома. Она неустанно, изо всѣхъ силъ колотила въ дверь, а я сидѣла на ступенькахъ крыльца и помирала отъ хохота, чувствуя сотрясеніе отъ ударовъ. Эта-то совсѣмъ уже незабавная шалость убѣдила моихъ родителей, что надо начать учить меня, какъ можно скорѣе. Когда ко мнѣ пріѣхала миссъ Солливанъ, я ту же шалость продѣлала и съ нею: пошла наверхъ съ чѣмъ-то, что мать велѣла передать миссъ Солливанъ, и, едва передавъ ей въ руки, выбѣжала вонъ, захлопнула дверь, повернула ключъ и спрятала его подъ большой платяной шкапъ въ прихожей. Никакъ не могли отъ меня добиться, чтобы я показала, гдѣ онъ. Отецъ былъ вынужденъ приставить лѣстницу и освободить плѣнницу черезъ окно, къ моему великому восторгу. Ключъ я отдала нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Когда мнѣ было около пяти лѣтъ, мы перебрались изъ маленькаго, зарытаго въ зелени дома въ большой, новый. Семья состояла изъ моего отца, матери, двухъ старшихъ братьевъ, отъ первой жены отца, и моей родной сестры маленькой Мильдредъ. Мое первое ясное воспоминаніе объ отцѣ представляетъ мнѣ, какъ я пробираюсь къ нему черезъ цѣлые сугробы газетъ и нахожу его однимъ, держащимъ передъ лицомъ своимъ большой листъ бумаги. Меня очень озадачивало, чтѣ это онъ дѣлаетъ? Я подражала ему, даже очки его надѣвала, думая, что они, быть-можетъ, помогутъ мнѣ разгадать тайну. Но это мнѣ удалось только черезъ нѣсколько лѣтъ. Тогда я узнала, что это за бумаги, и что отецъ мой издаетъ одну изъ нихъ.

Онъ былъ чрезвычайно любящій и снисходительный, большой домосѣдъ, рѣдко уходилъ отъ насъ, только въ охотничій сезонъ, такъ какъ онъ былъ большой охотникъ и, какъ я слышала, знаменитый стрѣлокъ. Послѣ семьи онъ любилъ своихъ собакъ и ружье. Онъ былъ хлѣбосоль, даже не въ мѣру, и рѣдкій день не приводилъ домой гостя. Особенно гордился онъ большимъ садомъ, гдѣ онъ разводилъ лучшіе арбузы и землянику, какъ говорили, во всемъ околоткѣ, и всегда приносилъ мнѣ самыя отборныя ягоды и первый спѣлый виноградъ. Я помню ласкающее прикосновеніе его руки, когда онъ водилъ меня отъ дерева къ дереву, отъ лозы къ лозѣ, и какою всегда было для него радостью доставить мнѣ удовольствіе.

Онъ былъ извѣстный рассказчикъ. Когда я научилась говорить, онъ, бывало, довольно неловко выписывалъ въ моей рукѣ свои остроумнѣйшіе анекдоты, и всегда ужасно любилъ, когда я, при случаѣ, пересказывала ихъ.

Я была на Сѣверѣ въ 1896 г. — наслаждалась послѣдними чудными лѣтними днями, когда получила извѣстіе о смерти отца. Онъ болѣлъ недолго... Это было мое первое большое горе, первое личное столкновеніе со смертью.

Какъ мнѣ писать о матери? Она мнѣ такъ близка, что какъ будто неделикатно о ней говорить.

Долгое время я смотрѣла на маленькую сестру свою, какъ на непрощенную гостью. Я знавала, что перестала быть единственной любимицей у матери, и сознание это наполняло меня ревностью. Она постоянно сидѣла у матери на колѣняхъ, гдѣ прежде сиживала я, и, повидимому, поглощала все ея время и заботу. Однажды случилось нѣчто, что переполнило чашу обиды.

У меня въ то время была одна любимая, страшно истасканная кукла, которую я впослѣдствіи назвала «Нэнси». Она же бывала и жертвой моихъ бѣшеныхъ вспышекъ. Бывали у меня куклы, которыя говорили, пищали, раскрывали и закрывали глаза, но ни одну я такъ не любила, какъ эту убогую Нэнси. У меня была люлька, и я ее укачивала иногда цѣлый часъ и дольше того. И куклу, и люльку я охраняла съ ревнивейшей заботливостью. Вдругъ, однажды, нахожу мою маленькую сестренку, мирно спящую въ люлькѣ. Такая дерзость со стороны существа, съ которымъ меня еще не связывали никакія узы любви и нѣжности, страшно разозлила меня. Я набросилась на люльку и опрокинула ее, и малютка могла бы до смерти убитъ, если бы мать не подхватила ее. Такъ-то, пока мы странствуемъ въ нашемъ ужасномъ одиночествѣ, мы не знаемъ тѣхъ нѣжныхъ чувствъ, которыя порождаются ласками, рѣчами, полными любви, и взаимностью. Впослѣдствіи, когда я вступила въ свои человѣческія права, мы съ маленькой Мильдредъ стали близки сердцами и весело гуляли вмѣстѣ рука объ руку, хотя она не понимала моего нѣмого языка, а я — ея дѣтскаго лепета.

Между тѣмъ, желаніе высказываться росло во мнѣ. Немногихъ знаковъ, придуманныхъ мною, совсѣмъ уже не хватало, и за моими безуспѣшными попытками добиться пониманія окружающихъ неизбѣжно слѣдовалъ припадокъ бѣшенства. Я чувствовала, точно невидимыя руки сковывали меня, и дѣлала безумныя усилія, чтобы освободиться. Я боролась, это не помогало; но духъ противленія былъ силенъ во мнѣ; дѣло кончалось слезами и физическимъ изнеможеніемъ. Если мать моя была близко, я забывалась въ ея объятіяхъ, слишкомъ убитая, чтобы даже помнить, что дало поводъ къ бурѣ. Но дошло до того, что такія сцены повторялись каждый день, иногда по нѣсколько разъ въ день.

Мои родители грустили и не знали, что дѣлать. Мы жили далеко отъ всякаго учебнаго заведенія для слѣпыхъ или глухихъ, и не было вѣроятія, чтобы кто-нибудь поѣхалъ въ такую глушь учить ребенка и слѣпого, и глухого. Единственный проблескъ надежды мать моя нашла въ путевыхъ замѣткахъ Диккенса, у котораго она когда-то читала о Лорѣ Бриджмэнъ, и смутно помнила, что дѣвочка была не только глухонѣма, но и слѣпа, и все же получила воспитаніе. Но она также вспомнила съ безнадежной скорбью, что д-ръ Хау, открывшій способъ обучать слѣпыхъ глухонѣмыхъ, уже много лѣтъ, какъ умеръ. Не умерло ли съ нимъ и его открытіе? А если и нѣтъ, то могла ли воспользоваться имъ дѣвочка, проживающая въ глухомъ городкѣ далекаго штата Алабамы?

Когда мнѣ было около шести лѣтъ, отецъ услышалъ о нѣкоемъ замѣчательномъ глазномъ врачѣ въ Бальтиморѣ, который не разъ имѣлъ успѣхъ тамъ, гдѣ другіе отказывались лѣчить. Родители мои тотчасъ порѣшили свезти меня въ Бальтиморъ посмотреть, нельзя ли чего сдѣлать для моихъ глазъ.

Поѣздка, которую я хорошо помню, доставила мнѣ большое удовольствіе. Я перезнакомилась съ пассажирами. Одна дама дала мнѣ коробку раковинокъ. Отецъ въ нихъ про сверлилъ дырочки, такъ что я могла нанизать ихъ на шнурокъ, и я съ ними долго возилась, вполне довольная. И кондукторъ попался добрый. Когда онъ обходилъ вагоны, собирая и пробивая билеты, я ходила за нимъ, держась за его фалды. Его щипцы, съ которыми онъ позволялъ мнѣ поиграть, оказались презанятной игрушкой. Прикурнувъ въ уголку, я по часамъ забавлялась ею, протыкая дырочки въ кусочкахъ картона.

Тетка моя сдѣлала мнѣ большую куклу изъ полотенецъ. Уморительная вышла штука, безъ носа, глазъ, рта, ушей, — ничего, что даже дѣтское воображеніе могло бы обратить въ подобіе лица. Любопытно, что больше всѣхъ недостатковъ поразило меня отсутствіе

глазъ. Я всѣмъ и каждому указывала на него съ назойливой настойчивостью, но никто какъ-то не умѣлъ придумать, какъ помочь бѣдѣ. Мнѣ же пришла въ голову блестящая мысль. Я слѣзла съ сидѣнія и стала шарить по немъ руками, пока не нашла тетину накидку, отдѣланную большими бусами. Я содрала двѣ бусы и дала ей понять, чтобъ она пришила ихъ къ куклѣ. Она подняла мою руку къ своимъ глазамъ, и я энергически закивала въ отвѣтъ на понятый вопросъ. Бусы были пришиты, куда слѣдуетъ, и я не помнила себя отъ радости, но тотчасъ же перестала интересоваться куклой. Во всю дорогу я ни разу не злилась, такъ много было новаго, что занимало умъ мой и пальцы.

Докторъ принялъ насъ любезно и отнесся съ участіемъ, но ничего не могъ сдѣлать. Однако сказалъ, что меня можно учить, и совѣтовалъ отцу сѣздить въ Вашингтонъ, къ доктору Александру Грэхемъ Вэлль, который въ состояніи сообщить ему всѣ свѣдѣнія по части школъ и воспитателей для слѣпыхъ или глухихъ дѣтей. По его совѣту, мы тотчасъ же проѣхали въ Вашингтонъ, — отецъ съ тяжелымъ сердцемъ и малой надеждой, я же веселая в довольная разнообразными дорожными впечатлѣніями и самымъ путешествіемъ. Какъ я ни была мала, однако, я сразу почувствовала доброту и нѣжность сердечную, благодаря которымъ д-ръ Бэлль былъ дорогъ столь многимъ сердцамъ, помимо дани удивленія, воздаваемой его замѣчательнымъ трудамъ. Онъ держалъ меня на колѣнѣ, пока я изслѣдовала его часы, и забавлялъ меня ихъ боемъ. Онъ понималъ мои знаки, и я тутъ же его полюбила. Но мнѣ не снилось тогда, что эта встрѣча окажется дверью, черезъ которую я выйду изъ мрака въ свѣтъ, изъ одиночества въ міръ дружбы, общенія съ людьми, знанія, любви.

Д-ръ Бэлль посовѣтовалъ отцу написать директору института Перкинса, въ Бостонѣ, мистеру Анагносу, зятю и преемнику д-ра Хау. Отецъ мой немедленно написалъ, и черезъ нѣсколько недѣль былъ полученъ очень любезный отвѣтъ, съ отряднымъ извѣщеніемъ, что наставница для меня найдена. Это было лѣтомъ 1886 г.; но миссъ Солливанъ пріѣхала къ намъ лишь въ слѣдующемъ мартѣ мѣсяцѣ...

Самый знаменательный день во всей моей жизни тотъ, въ который пріѣхала ко мнѣ моя наставница, Анна Мэнсфильдъ Солливанъ. Мнѣ было безъ трехъ мѣсяцевъ семь лѣтъ.

Въ этотъ день я стояла на крыльцѣ, чего-то ждала. Изъ знаковъ, которые дѣлала мнѣ мать, и изъ суеты въ домѣ я догадывалась, что должно случиться нѣчто необычайное, и потому пошла къ двери и ждала на ступенькахъ. Послѣполуденное солнце проникало черезъ густую массу каприфолия и падало на мое, поднятое къ нему лицо. Пальцы мои почти безсознательно играли знакомыми листьями и цвѣтами... Я не знала, какія чудеса хранить мнѣ будущность. Злоба и горечь много недѣль изводили меня неустанно, и глубокое уныніе слѣдовало за страстной борьбой...

Я почувствовала приближающіеся шаги. Я протянула руку, думая, что это мать. Кто-то взялъ мою руку, поднялъ меня съ земли, и къ груди своей впервые крѣпко прижала меня та, которая пришла ко мнѣ, чтобы раскрыть передо мною чудеса міра и, главное, любить меня.

Глава 3. Миссъ Солливанъ

Для такого ребенка, какъ Елена Келлеръ, была возможна только такая воспитательница, какъ Анна Солливанъ, и что благосклонной судьбѣ угодно было свести ихъ, это — одно изъ тѣхъ совпаденій, которыя укрѣпляютъ отрадную вѣру въ прямое вмѣшательство Провидѣнія въ людскія дѣла. Даже разница въ годахъ была самая подходящая: миссъ Солливанъ было всего двадцать лѣтъ, когда она взяла шестилѣтнюю дѣвочку на свое попеченіе. Стало-быть, она не только могла приступить къ поставленной ей, почти сверхчеловѣчески трудной задачѣ съ полнымъ запасомъ непочатыхъ еще физическихъ и духовныхъ силъ, но и съ жизнерадостной свѣжестью сердца, молодымъ пониманіемъ дѣтской души и способностью быть для ребенка другомъ и даже товарищемъ въ играхъ и забавахъ. Наконецъ, она лучше всякой другой могла сочувствовать дѣвочкѣ, мысленно поставить себя на ея мѣсто, потому что едва сама не ослѣпла въ дѣтствѣ и, когда она, четырнадцати лѣтъ, въ 1880 г. (въ самый годъ рожденія Елены), поступила въ институтъ Перкинса, имѣлась весьма слабая надежда на спасеніе ея почти совсѣмъ потеряннаго зрѣнія. Вначалѣ ее учили, какъ слѣпую, и пришлось помѣстить ее въ приготовительный классъ вмѣстѣ съ совсѣмъ маленькими дѣтьми, но необыкновенныя способности и сила воли скоро восторжествовали; по мѣрѣ того, какъ глаза ея поправлялись, она ставила себѣ все болѣе высокія задачи, и, когда она кончила курсъ въ августѣ 1886 г., директоръ указывалъ на нее, какъ на лучшую преемницу д-ра Хау въ самой трудной отрасли ея преподавательской деятельности.

Готовиться спеціально къ предстоявшему ей подвигу она могла всего пять мѣсяцевъ, да и то почти только чтеніемъ отчетовъ и замѣтокъ, оставленныхъ д-ромъ Хау. Лучшей подготовкой, пожалуй, послужило ей то, что она всѣ шесть лѣтъ своей бытности въ заведеніи прожила въ одномъ домѣ съ самой Лорой Бриджмэнъ. Впрочемъ, она не ощущала слишкомъ большой потребности въ механической, такъ сказать, подготовкѣ посредствомъ чтенія и запоминанія чужихъ мыслей, наблюденій и приемовъ; она была слишкомъ талантливой и самостоятельной натурой, чтобы нуждаться въ помощи извнѣ. Она готовилась внутренне, устремивъ всѣ свои помышленія на поставленную себѣ задачу и заранѣе посвящая всю себя великому дѣлу, къ которому призывала ее судьба, какъ къ нѣкому священнодѣйствію. Она впослѣдствіи сознавалась, что на нее находили минуты малодушія, сомнѣнія въ своихъ силахъ, но ее поддерживала и воодушевляла любовь, — горячая любовь къ незнакомому еще, беспомощному существу, для котораго она должна была сдѣлаться вторымъ провидѣніемъ, вѣрнѣе, вторымъ творцомъ.

Само собою разумѣется, что первое время было самое тяжелое. Именно вслѣдствіе страстнаго желанія успѣха, молодая дѣвушка, сама еще полурепенокъ, подавляемая притомъ страшной отвѣтственностью, впадала въ отчаяніе отъ каждой, неизбежной въ началѣ, неудачи, но никогда надолго, и все это она умѣла таить въ самой себѣ; наружно же ей не измѣняли ни бодрость, ни надежда: она слишкомъ сознавала, какъ тяжело малѣйшее колебаніе, малѣйшій признакъ унынія съ ея стороны должны были отразиться на сердцахъ родителей, видѣвшихъ въ ней одной спасеніе любимаго дитяти. Притомъ, она уже съ первыхъ шаговъ усвоила себѣ великій секретъ плодотворной педагогики: «Довлѣетъ дневи злоба его», т. е. надо, чтобы работа каждаго дня логически вытекала изъ работы предыдущаго дня, **подсказывалась** ею, а затѣмъ уже можно довѣриться вдохновенію минуты для разрѣшенія неожиданныхъ задачъ.

Одно время въ публикѣ существовало такое впечатлѣніе, будто миссъ Солливанъ воспитывала Елену «подъ надзоромъ и руководствомъ директора Анагноса». Впечатлѣніе это совершенно ошибочно, и ужъ никакъ не самъ директоръ вызывалъ его. Онъ, напротивъ, при всякомъ случаѣ выражалъ удивленіе, именно, самостоятельности, съ которой эта замѣчательная дѣвушка справлялась съ непомѣрно трудной задачей. Въ теченіе трехъ лѣтъ она нѣсколько разъ возила свою воспитанницу въ Бостонъ, гдѣ онѣ гостили въ институтѣ Перкинса; но тамошніе преподаватели ничѣмъ ей не помогали, а м-ръ Анагносъ даже не владѣлъ свободно ручнымъ алфавитомъ. Въ своемъ отчетѣ отъ ноября 1888 г. онъ писалъ: «По моей настоятельной просьбѣ, Елена, въ содрожженіи матери и наставницы, пріѣхала въ маѣ, и онѣ гостили у насъ нѣсколько мѣсяцевъ... Мы съ удовольствіемъ предоставили имъ пользованіе нашими книгами съ выпуклымъ шрифтомъ, нашими чучелами, раковинами, моделями растений и цвѣтовъ, и всѣми нашими аппаратами для обученія слѣпыхъ черезъ посредство осязанія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онѣ отъ всего этого получили много удовольствія и немало пользы. Но, дома ли Елена, или въ гостяхъ, или въ разъѣздахъ, она постоянно находится подъ непосредственнымъ надзоромъ и исключительнымъ попеченіемъ своей наставницы. Никто не вмѣшивается въ планы послѣдней, не раздѣляетъ ея трудовъ. Ей дана полная свобода дѣйствій относительно методы и средствъ для выполненія ея великой задачи, и по результатамъ можно судить, какъ умно она распоряжается. Всѣмъ извѣстны и всѣхъ приводятъ въ изумленіе поистинѣ чудесные

успѣхи маленькой ученицы за эти девять мѣсяцевъ. Но только тѣ, которые слѣдили шагъ за шагомъ за подробностями этой великолѣпной работы, знаютъ, чѣмъ Елена обязана разсудительности, проникательности, изобрѣтательности, неусыпному упорству и непреклонной волѣ наставницы, слѣдившей за всѣми фазисами ея умственного и нравственного развитія съ материнской заботливостью и восторженной преданностью».

Развитіе это шло такъ быстро, личность Елены развертывалась съ такой стремительностью и многосторонностью, что воспитательница должна была, такъ сказать, бѣжать, не переводя духъ, чтобы поспѣвать за увлекавшей ее безъ устали ученицей, да къ тому же она всегда должна была беречь глаза; поэтому у нея не хватало ни времени, ни силъ вести правильныя записки, о чемъ, съ научной точки зрѣнія, конечно, нельзя не сожалѣть. Притомъ, она вовсе не желала подвергать дѣвочку разнымъ опытамъ въ интересахъ науки. Когда ей говорили, что она обязана записывать свои наблюденія ради общей пользы, она возражала, что обязана, прежде всего, посвящать всѣ свои силы и все свое время своей ученицѣ. Впрочемъ, она вела постоянную, подробную переписку съ миссисъ Хопкинсъ, пожилой пріятельницей, замѣнявшей ей мать во все время ея пребыванія въ Бостонѣ, да изрѣдка, по желанію директора Анагноса, посылала болѣе или менѣе подробные отчеты для печати.

Сомнительно, найдется ли въ цѣлыхъ томахъ теоретическихъ трудовъ ученыхъ кабинетныхъ педагоговъ или въ самомъ добросовѣстномъ дневникѣ практика-рутинера столько **живого** матеріала, столько плодотворныхъ указаній и наблюденій, какъ въ безыскусственныхъ замѣткахъ этой простой, не очень ученой дѣвушки. Не только спеціалистъ по обученію слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, но и всякій, имѣющій дѣло съ дѣтьми, почерпнетъ изъ нихъ много дѣльнаго и поучительнаго, не говоря уже о теплотѣ чувства, которою проникнута каждая строка, и о постоянно возрастающемъ обаяніи развертывающейся передъ читателемъ личности Елены.

Глава 4. Сумерки

Нерѣдко случается, что Елена въ своей автобіографіи и миссъ Солливанъ въ своихъ письмахъ или отчетахъ пишутъ (на разстояніи многихъ лѣтъ) объ одномъ и томъ же. Въ такихъ случаяхъ оба разсказа представляютъ равный, но разнородный интересъ. Ученица вспоминаетъ полученныя впечатлѣнія; наставница представляетъ полную, связную, осмысленную картину того, что было ею сознательно задумано и совершено. Это особенно замѣтно въ повѣсти о первыхъ мѣсяцахъ, о пробужденіи дѣвочки къ духовной жизни. Сама она посвящаетъ этому важнѣйшему моменту всего нѣсколько, правда, глубоко прочувствованныхъ, страницъ, затѣмъ переходитъ къ болѣе ярко сознаннымъ ею позднѣйшимъ фазисамъ своего развитія, и чѣмъ далѣе подвигается разсказъ къ годамъ полнаго сознанія, тѣмъ онъ становится полнѣе, связнѣе. Миссъ Солливанъ, наоборотъ, всего долѣе останавливается именно на этихъ первыхъ мѣсяцахъ, а сравнительно только скользитъ, по позднѣйшимъ удивительнымъ успѣхамъ своей даровитой ученицы, до ея университетской карьеры включительно. Это вполне понятно и соответствуетъ желанію читателя. Именно **пробужденіе** этой томящейся въ потемкахъ юной души кажется такимъ невѣроятнымъ, почти невозможнымъ; интересны именно **первые** шаги ея на новомъ пути; остальное въ значительной мѣрѣ логически вытекаетъ изъ нормальнаго роста, органическаго развитія.

Первое свое письмо миссъ Солливанъ писала 6-го марта 1887 г., три дня спустя послѣ своего приѣзда, значить, подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Таблица 4.1. Елена Келлеръ 6-ти лѣтъ (когда поступила къ ней миссъ Солливанъ)

Елена Келлеръ 6-ти лѣтъ
(Когда поступила къ чей миссъ Солливанъ).

...Было 6.30 пополудни, когда я приѣхала въ Тускумбію. На станціи меня дожидались миссисъ Келлеръ и сынъ ея мужа, мистеръ Джемсъ Келлеръ. Они сказали мнѣ, что уже второй день, какъ они встрѣчаютъ каждый поѣздъ. До дома было недалеко ѣхать, всего одна миля; мѣстность очень красивая и мирная. Миссисъ Келлеръ удивила меня молодостью: она на видъ немного старше меня. Мужъ ея встрѣтилъ насъ на дворѣ, весело привѣтствовалъ меня и радушно пожалъ мнѣ руку. Первымъ вопросомъ моимъ было: «Гдѣ Елена?» Я всѣми силами старалась совладать съ волненіемъ, отъ котораго меня бросало въ дрожь, такъ что я еле могла ходить. Подходя къ дому, я увидѣла ребенка, стоящаго въ дверяхъ, и капитанъ сказалъ: «Вотъ она. Она весь день знала, что кого-то ждутъ, и сама не своя съ тѣхъ поръ, какъ мать уѣхала на станцію за вами». Я едва ступила на нижнюю ступень, какъ она бросилась ко мнѣ съ такой стремительностью, что сшибла бы меня съ ногъ, если бы отецъ ея не стоялъ за мною. Она оцупала лицо мое и платье и, взявъ изъ рукъ моихъ дорожную сумку, пробовала раскрыть ее. Она нелегко отпиралась; Елена старательно щупала ее, ища замка, и, когда нашла, обернулась ко мнѣ, дѣлая рукой, какъ будто поворачиваетъ ключъ въ замкѣ, и указывая на сумку. Тутъ вмѣшалась мать и показала ей знаками, чтобы она не трогала сумки. Она вся вспыхнула и, когда мать, попро-

бовала отнять у нея сумку, очень разсердилась. Я отвлекла ея вниманіе, показавъ и давъ ей въ руки свои часы. Буря разомъ стихла, и мы вмѣстѣ пошли наверхъ. Тутъ я отперла сумку, и она мигомъ все въ ней перешарила, вѣроятно думая найти что-нибудь съѣдобное. Должно-быть, знакомые приносили ей конфеты въ сумкахъ, и она думала найти ихъ и въ моей. Я дала ей понять, указывая на чемоданъ, стоявшій въ коридорѣ, потомъ на себя и кивая головой, что у меня есть чемоданъ, затѣмъ повторила знакъ, которымъ она передъ тѣмъ выразила ѣду, и опять закивала. Она мигомъ поняла и побѣжала внизъ рассказать матери энергическими знаками, что въ чемоданѣ есть для нея конфеты. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась и стала помогать мнѣ убирать мои вещи. Ужъ очень комично было, какъ она примѣряла мою шляпу и наклоняла голову то на одну сторону, то на другую, стоя передъ зеркаломъ, точно она въ него смотрѣлась и могла себя видѣть. Я почему-то ожидала найти блѣднаго, хилаго ребенка, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ того, что д-ръ Хау рассказывалъ о маленькой Лорѣ. Но Елена совсѣмъ не такая. Она — крупная, сильная, румяная и такъ же свободна въ движеніяхъ, какъ молоденькій жеребенокъ. У нея нѣтъ ни одной изъ тѣхъ нервныхъ замашекъ, которыя такъ непріятно поражаютъ въ слѣпыхъ дѣтяхъ. Тѣлосложеніе у нея прекрасное и сильное, и мать говорить, что она ни одного дня не хворала послѣ болѣзни, лишившей ея зрѣнія и слуха. У нея красивая голова, и постановка ея на плечахъ — прекрасная. Лицо ея трудно описать: умное, но не хватаетъ подвижности, что ли, или души, или не знаю чего. Ротъ у нея довольно большой, но красивой формы. Сразу видно, что она слѣпа. Одинъ глазъ побольше другого и замѣтно выпуклѣе. Она рѣдко улыбается. Со дня моего пріѣзда я у нея не болѣе двухъ разъ видѣла улыбку. Она неотзывчива на ласку, даже не терпитъ ласки ни отъ кого, кромѣ матери. Она очень своенравна и вспылчива, и никто, кромѣ брата ея, Джемса, никогда не пытался усмирять ее. Самая трудная задача, которую мнѣ придется разрѣшать, это — какъ пріучить ее къ дисциплинѣ и повиновенію власти, не ломая ея натуры? Не буду спѣшить сначала, а постараюсь, чтобы она полюбила меня. Не буду пытаться покорить ее одной силой, но буду настойчиво требовать разумнаго послушанія съ перваго же дня. Однимъ свойствомъ Елена всѣхъ поражаетъ: неутомимой подвижностью. Она ни одной минуты не сидитъ на мѣстѣ. Она тутъ, тамъ, вездѣ. Руки ея за все берутся, но ничто надолго не приковываетъ ея вниманія. Бѣдное дитя! Душа ея ошущью ищетъ въ потемкахъ. Ея неумѣлыя руки не находятъ себѣ дѣла и сокрушаютъ все, что попадаетъ имъ, потому что не знаютъ, что дѣлать съ вещами.

Вотъ какой дичокъ достался садовницѣ на выправку! Но именно это было для обѣихъ великимъ счастьемъ: дичокъ, по крайней мѣрѣ, былъ непопорченный, росъ себѣ прямо, какъ Богъ велѣлъ, и никто его не гнулъ, не коверкалъ, не продѣлывалъ надъ нимъ никакихъ педагогическихъ опытовъ. А вотъ и первый урокъ:

«Она помогла мнѣ разложить вещи, когда принесли мой чемоданъ, и была въ восторгѣ, найдя куклу, которую прислали ей дѣвочки» (Слѣпая дѣвочки въ Бостонѣ. Обшила куклу и одѣла сама Лора Бриджмэнъ). Я сочла это удобнымъ случаемъ научить ее первому слову: я медленно написала въ ея рукѣ слово **d-o-l-l** («кукла»), затѣмъ указала на куклу и закивала головой: эта пантомима, повидимому, означаетъ у нея «обладаніе». Когда ей что-нибудь даютъ, она указываетъ на предметъ, потомъ на себя, и киваетъ головой. На лицѣ ея выразилось недоумѣніе; она стала шупать мою руку, и я повторила буквы. Она ихъ отлично повторила за мною и указала на куклу. Я же взяла у нея куклу, думая отдать ей, когда она снова составитъ буквы, но она вообразила, что я совсѣмъ отнимаю, мигомъ разсердилась и хотѣла вырвать у меня куклу. Я качала головой и пробовала составить буквы ея пальцами; она разозлилась еще пуще! Я сообразила, что не будетъ пользы продолжать борьбу, а нужно какъ-нибудь отвлечь ея мысли, и выпустила ее, но куклы не дала, а пошла внизъ и достала кусокъ кэкса (она очень любитъ сладкое). Я показала его Еленѣ и написала въ ея рукѣ слово **c-a-k-e** («кэкъ»). Она, конечно, хотѣла взять кусокъ, но я опять продѣлала слово и погладила ея руку. Она быстро повторила буквы, тогда я дала ей кэксъ, который она проворно съѣла, боясь, вѣроятно, что я отниму. Тогда я ей опять показала куклу и продѣлала **d-o-l-l**. Она поняла и написала въ моей рукѣ три буквы **d-o-l**. Второе **l** я написала сама и отдала ей куклу; она схватила ее и побѣжала съ нею внизъ, и въ этотъ день я уже никакими уговорами не могла заманить ее въ мою комнату.

Такъ миссъ Солливанъ описываетъ свой первый день подъ внезапнымъ, свѣжимъ впечатлѣніемъ. На разстояніи семнадцати лѣтъ сама Елена дополняетъ этотъ рассказъ слѣдующими строками:

Я побѣжала внизъ къ матери, подняла руку и продѣлала буквы **d-o-l-l**. Я не знала, что составляю слово; не знала, что есть на свѣтѣ слова, и что это такое. Я просто шевелила пальцы, подражая по-обезьянни. Въ слѣдующіе затѣмъ дни я выучилась съ тѣмъ же непониманіемъ продѣлывать множество словъ. Но **наставница моя пробыла со мною нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ я поняла, что каждый предметъ имѣетъ названіе...**

А все же отъ этого перваго урока остался смутный проблескъ пониманія какой-то связи между знаками и предметомъ. Это оказалось на слѣдующій день, когда миссъ Солливанъ дала дѣвочкѣ одну изъ тѣхъ картонныхъ карточекъ, съ проколотымъ узоромъ для прошиванія шерстинкой, которыя употребляются въ дѣтскихъ садахъ. Она сразу поняла и съ восторгомъ принялась за забавную работу. Вся ея дѣятельная натура рвалась вонъ изъ удручающей ее праздности, требовала занятія, не отдавая себѣ отчета въ этомъ, какъ вообще ни въ чемъ, и она впервые познала наслажденіе, самое законное изо всѣхъ для всякаго живого организма: примѣненіе къ дѣлу своихъ способностей. Миссъ Солливанъ, конечно, научила ее и названію предмета, даннаго ей въ руки: **c-a-r-d**, — сама нѣсколько разъ продѣлала буквы, и ее заставила повторить. Она продѣлала первыя двѣ буквы, **c- a**, — и вдругъ задумалась, потомъ сдѣлала свой знакъ «ѣды», указала рукой внизъ и стала толкать наставницу къ двери. Та сначала не понимала, но вдругъ смекнула, что Елена посылаетъ ее за кѣсомъ! Эти двѣ буквы тѣ же, что начальныя буквы вчерашняго слова **c-a-k-e**, напомнили ей о любимомъ лакомствѣ. Чтобы подтвердить въ ея умѣ эту, случайно найденную ею связь, миссъ Солливанъ исполнила ея желаніе, и она ликовала.

Но такое слабое мерцаніе нельзя было еще назвать даже зарей сознанія, — скорѣе блѣдными сумерками. До пробужденія было еще далеко!

Зато шла тяжелая работа другого рода: борьба разумной власти съ богатой, но еще неразумной натурой, не знавшей дотолѣ ни удержу, ни мѣры.

Сегодня утромъ у меня съ Еленой было генеральное сраженіе, — писала миссъ Солливанъ спустя немного дней по прибытіи своемъ въ Тускумбію. — Я вообще стараюсь избѣгать столкновений, но это очень трудно...

У Елены, между прочимъ, за столомъ манеры были отвратительныя. Она ко всѣмъ лѣзла въ тарелки руками и, когда обносили блюда, на лету хватала съ нихъ, что ей вздумается, кидала на полъ салфетку, ложку и пр. При первыхъ же попыткахъ миссъ Солливанъ отучить, ее хотя отъ самыхъ грубыхъ привычекъ, происходили невѣроятныя сцены: дѣвочка бросалась на полъ, брыкалась, кричала, старалась вытащить изъ-подъ миссъ Солливанъ стулъ, щипалась и кусалась. Малѣйшая уступка на этихъ первыхъ порахъ сдѣлала бы роль наставницы навсегда невозможною. Необходимо было побороть маленькую дикарку настойчивостью, отчасти и силой. Борьба длилась иногда цѣлые часы. Кончалось тѣмъ, что ребенокъ покорялся, потому что выбивался изъ силъ, а бѣдная молодая дѣвушка уходила въ свою комнату, въ изнеможеніи бросалась на постель и проводила полдня въ слезахъ, терзаемая и жалостью, и сознаніемъ необходимости снова и снова выдерживать подобный баталіи.

Весьма скоро, — писала она своей пріятельницѣ: — я порѣшила, что мнѣ съ Еленой не сладить въ семейной средѣ. Она всѣхъ тиранила: отца, мать, прислугу, черныхъ дѣтей, игравшихъ съ нею... Малѣйшее сопротивленіе вызывало страшныя сцены... Заставить ее дѣлать самыя простыя вещи, — причесаться, умыть руки, застегнуть ботинки, — можно было только силой. Семейные естественно порывались вмѣшаться, особенно отецъ, который не выносилъ ея слезъ, и всѣ готовы были уступить ради мира и спокойствія. Все ея прошлое, всѣ привычки и воспоминанія были противъ меня. Я ясно видѣла, что нечего и думать учить ее чему бы то ни было прежде, чѣмъ она научится мнѣ повиноваться. Я много думала и чѣмъ больше думала, тѣмъ больше убѣждалась, что послушаніе — единственная дверь, черезъ которую знаніе и любовь войдутъ въ душу ребенка. Я хотѣла дѣйствовать, не спѣша. Я воображала, что мнѣ удастся заручиться довѣріемъ и любовью дѣвочки тѣми же способами, какъ если бы она была зрячая и со слухомъ. Но я скоро поняла, что мнѣ отрѣзанъ всякій доступъ къ ея сердцу... Она все принимаетъ отъ меня, какъ должное, ласки же совсѣмъ не терпитъ... Хочетъ или не хочетъ — и конецъ. **Такъ-то мы учимся, составляемъ планы, готовимся къ данной задачѣ, а когда настанетъ пора дѣйствовать, оказывается, что система, выработанная съ такимъ усердіемъ и гордостью, никуда не годится, и ничего не остается, какъ только положиться на нѣчто въ насъ самихъ, на какую-то врожденную способность познавать и дѣйствовать, способ-**

ность, существование которой, мы в себя не подозревали, пока не вызвала ее наружу внезапная, понудительная необходимость.

Золотые слова, сознательно продумать и написать которых было бы в пору маститому практику-воспитателю, не то что молодой дѣвушкѣ со школьной скамьи. В них разоблачена вся тайна неудовлетворительности практических результатов при несомнѣнно прекрасной теоретической подготовкѣ. Мы создаемъ себя субъекта, мысленно одаряемъ его всевозможными добрыми или недобрыми качествами, смотря по надобности, ставимъ его во всевозможныя благопріятныя или неблагопріятныя условія, **предвидѣнныя нашей теоріей**, и примѣряемъ на немъ эту теорію: немудрено, что, какъ мы ни вертимъ, она «сидитъ» на немъ безукоризненно, такъ какъ по ней созданъ субъектъ. А вотъ, какъ мы вступимъ въ жизнь, и въ рукахъ у насъ окажутся не «субъекты», а живыя души, изъ которыхъ, притомъ, ни одна не похожа на другую и каждая предъявляетъ свои требованія, представляетъ свои задачи, то все, такъ добросовѣстно заученное, сразу рушится, и остаются въ помощь намъ лишь два-три вѣчно-разумныя начала, которыя и безъ ученія даютъ намъ здравый смыслъ, да выручаютъ насъ то «нѣчто» **свое**, что такъ рано, при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, почувствовала въ себя миссъ Солливанъ. Хорошо, у кого оно есть. **А у кого своего нѣтъ?** Тотъ и будетъ вѣчно бесплодно возиться съ заученнымъ, по праву, данному дипломомъ, да болѣть о неуспѣхѣ своихъ стараній. Впрочемъ, всего вѣрнѣе, что этого неуспѣха онъ и не замѣтитъ вовсе, потому что посредственность блаженно самодовольна. Сознать свой неуспѣхъ, — это уже первая степень талантливости. Значитъ, въ воспитательномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, — и болѣе, чѣмъ во многихъ, — все, въ сущности, сводится къ даровитости или бездарности каждаго отдѣльнаго дѣятеля. Къ счастью маленькой Елены, Богъ послалъ ей личность, въ высшей степени даровитую. А попади она въ руки добросовѣстной, но безтактной бездарности, вся ея собственная необычайная даровитость не спасла бы ее отъ плоской заурядности.

Миссъ Солливанъ откровенно объяснилась съ матерью дѣвочки и убѣдила ее въ необходимости хотя на нѣсколько недѣль совершенно отдѣлать ее отъ семьи, пока она не свыкнется съ новыми порядками и не сознаетъ свою полную зависимость отъ новой власти, такъ непонятно для нея вторгнувшейся въ ея жизнь. Имъ отвели тотъ маленькій домикъ, въ которомъ Елена родилась и провела первые годы своей жизни. Кушаніе посылалось имъ изъ большого дома, а для услуженія имъ дали негритенка-подростка. Отецъ и мать каждый день навѣщали ихъ, но такъ, чтобы Елена не знала о ихъ приходѣ.

Планъ этотъ удался на удивленіе, хотя, конечно, не сразу. Дѣвочка сначала недоумѣвала, но скоро узнала мѣстность. Поскучала, однако недолго; первый день прошелъ очень бурно, но потомъ уже не было больше сценъ. Она только замѣтно притихла, играла съ куклами, съ большимъ удовольствіемъ принялась за разныя работки, какимъ учать въ дѣтскихъ садахъ; особенно полюбилось ей нанизывать бусы разныхъ сортовъ въ извѣстномъ порядкѣ и вязать длинные шнуры изъ гаруса крючкомъ. Она охотно учила слова, но все еще не понимала связи между предметомъ и названіемъ. Однажды къ ней пустили ея любимую собаку, Баллу. Она очень обрадовалась ей, обняла ее за шею, сѣла къ ней на полъ и начала возиться съ ея лапами и когтями: хотѣла научить ее продѣлывать слова! Къ наставницѣ она понемногу привыкала, позволяла ей бѣгать съ нею въ саду и показывать ей новыя игры. Но цѣловать себя не позволяла и сама не ласкалась. Самой большой уступкой было то, что она минуты двѣ-три посидитъ у нея на колѣняхъ. Однакожь, къ концу двухъ недѣль открытой вражды уже не было; маленькая дикарка значительно смирилась и слушалась не хуже любого благовоспитаннаго ребенка. Но она была равнодушна, невесела, пасмурна.

Миссъ Солливанъ очень просила оставить ихъ вдвоемъ еще хотя недѣльку, но отецъ не вытерпѣлъ: пришлось вернуться въ большой домъ. То, чего она такъ боялась, дѣйствительно случилось: въ первый же день по возвращеніи ребенка въ семейный кругъ и знакомую обстановку, за столомъ произошла одна изъ прежнихъ сценъ. Маленькій инцидента очень интересно рассказанъ въ письмѣ миссъ Солливанъ: «Елена забрала себя въ голову обойтись безъ салфетки. Кажется, просто она хотѣла посмотрѣть, что будетъ. Я нѣсколько разъ пробовала завязать ей салфетку вокругъ шеи; но она каждый разъ срывала ее, швыряла на полъ, и, наконецъ, стала ногами топтать подъ столомъ. Я отняла у нея тарелку и хотѣла вывести ее изъ комнаты. Но отецъ вмѣшался и объявилъ, что никогда, ни за какую вину, онъ своего ребенка, — ее или другого, — не лишитъ пищи.»

Послѣ ужина Елена не пришла въ мою комнату, и я больше не видѣла ее до слѣдующаго утра. Она уже сидѣла на своемъ мѣстѣ за столомъ, когда я вошла въ столовую. На ней была салфетка, только подколота подъ подбородкомъ, а не завязанная за шеей, какъ всегда. Она обратила мое вниманіе на это нововведеніе и, когда я не сдѣлала замѣчанія, осталась очень довольна и погладила себя. Уходя изъ столовой, она взяла мою руку и погладила. Я

изъ этого заключила, что она хочеть мириться и рѣшила, хотя заднимъ числомъ испытать немного дисциплины. Я вернулась въ столовую и достала салфетку. Когда Елена явилась ко мнѣ на урокъ, я разставила на столѣ всѣ предметы въ томъ же порядкѣ, какъ всегда, за исключеніемъ тарелки съ кѣксомъ, который я обыкновенно даю ей по кусочкамъ, въ награду, когда она скоро и вѣрно составитъ слово. Она сразу замѣтила отсутствіе кѣкса и своимъ знакомъ потребовала его. Я показала ей салфетку, приколола къ ея шеѣ, потомъ сорвала, бросила на полъ и покачала головой. Эту процедуру я повторила нѣсколько разъ. Она, должно-быть, отлично поняла, потому что два или три раза ударила себя по рукѣ и покачала головой. Мы приступили къ уроку. Я подала ей какой-то предметъ, и она вѣрно продѣлала пальцами слова (она знаетъ уже двѣнадцать). Продѣлавъ половину словъ, она вдругъ остановилась, какъ-будто ей пришла какая-то мысль, и стала искать руками салфетки. Найдя ее, она сама себѣ приколола и своимъ знакомъ попросила кѣкса. (Употребить **слово** ей, какъ видите, не пришло въ голову). Я приняла это за обѣщаніе, что, если я ей дамъ, она будетъ умница. Я дала ей кусокъ больше обыкновеннаго; она тихонько засмѣялась и погладила себя.

Итакъ, первый шагъ былъ сдѣланъ: звѣрѣкъ приручался. Пошли спокойные, сравнительно счастливые дни, проводимые болѣею частью въ саду. Роскошное расцвѣтаніе природы ранней южной весной благотворно дѣйствовало на дѣвочку, и она посвящала свою наставницу во всѣ свои любимыя занятія и забавы. Ей, видимо, пріятно было имѣть умнаго и добраго товарища вмѣсто глупыхъ и грязныхъ черныхъ ребяташекъ: въ этомъ сказывалась ея изящная и нѣсколько брезгливая, аристократическая натура. Она быстро выучилась вязать на спицахъ и крючкомъ и даже шить: сшила куклѣ передникъ даже лучше другихъ дѣвочекъ своихъ лѣтъ. И слова она охотно учила. 31-го марта она знала восемнадцать названій: «кукла, собака, кружка, ключъ, булавка, вода, молоко» и проч., и три глагола: «сидѣть, стоять, гулять». 1-го апрѣля она выучила семь словъ въ одинъ день. Часъ, отъ 12-ти до 1 ч., по росписанію посвящался ученію новыхъ словъ, но миссъ Солливанъ и во всякое другое время писала въ рукѣ своей маленькой ученицы все, что онѣ вмѣстѣ дѣлали цѣлый день. Она убѣдилась, что Елена гораздо легче заучиваетъ и запоминаетъ то, что ей дается въ неурочное время, а не въ положенные часы, и всегда и впослѣдствіи съ большимъ успѣхомъ держалась этого открытаго ею правила. Но настоящаго значенія словъ Елена все еще не постигла и не употребляла ихъ въ своемъ разговорѣ. Если ей подавали куклу, или ложку, или чашку, она послушно продѣлывала буквы, но не отдавала себѣ отчета въ словахъ; это было для нея чѣмъ-то въ родѣ новой игры и забавляло ее. Но если она просила конфету или кусокъ кѣкса, она дѣлала придуманный ею знакъ; употребить же выученное слово ей не приходило въ голову. Иногда она путала слова. Продѣлаетъ «молоко» и указываетъ на кружку. Продѣлаетъ «кружка» и дѣлаетъ знакъ питья или выливанія. Настоящій лучъ свѣта еще не засіялъ въ ея потемкахъ.

Глава 5. Пробужденіе

(Апрѣль—декабрь 1887 г.).

Ровно мѣсяць по прїѣздѣ своемъ, 5-го апрѣля 1887 г., миссъ Солливанъ писала своей прїятельницѣ:

Сегодня у насъ произошло важное событіе; Елена сдѣлала второй и рѣшительный шагъ: **она теперь знаетъ, что всему есть названья и что ручная азбука есть ключъ ко всему, что ей хочется знать.**

...Послѣ завтрака я новела Елену къ водокачкѣ и заставила ее держать кружку подъ желобомъ, пока я накачивала воду. Вода, наполнивъ кружку, облила и руку ея, и я въ то же время написала слово «вода» въ ея свободную руку. Слово «вода» вмѣстѣ съ ощущеніемъ холодной воды на ея рукѣ поразило ее. Она уронила кружку и стояла неподвижно. Лицо ея озарилось совершенно новымъ свѣтомъ. Она нѣсколько разъ повторила пальцами «вода». Вдругъ она опустилась на траву и спросила, какъ зовутъ землю, водокачку, заборъ; затѣмъ, быстро повернувшись ко мнѣ, спросила, какъ меня зовутъ. Я отвѣтила «**teacher**» (тичеръ, «наставница, учительница»). Въ эту минуту няня принесла маленькую сестру Елены; она мигомъ продѣлала «бэби». Во всю дорогу обратно къ дому она была внѣ себя отъ восторга и съ одного раза выучивала названія всѣхъ встрѣчавшихся предметовъ. Въ этотъ день она въ нѣсколько часовъ прибавила тридцать новыхъ словъ къ своему словарю: «дверь, отворить, затворить, дать» и много другихъ.

Этотъ великій день такъ глубоко врѣзался во все существо шестилѣтней дѣвочки, что она, взрослая, семнадцатилѣтъ спустя, испытала безконечное множество тоже въ своемъ родѣ неизгладимыхъ впечатлѣній, описала его вполне сознательно и съ гораздо большими подробностями, чѣмъ сама ея наставница, для которой, однако, онъ тоже обозначалъ моментъ первой важности въ ея жизни: первое и рѣшительное торжество въ борьбѣ съ жестокимъ демономъ, державшимъ бѣдное дитя въ своихъ оковахъ. Вотъ этотъ, потрясающій по безыскусственности, рассказъ:

Однажды я играла съ моей новой куклой. Миссъ Солливанъ, положивъ мнѣ на колѣни и старую, большую, писала въ моей рукѣ слово **d-o-l-l** и старалась внушить мнѣ, что это слово примѣняется къ обѣимъ. Утромъ того же дня мы долго бились надъ словами **m-u-g** (кружка) и **w-a-t-e-r** (вода). Она всячески старалась внушить мнѣ, что «кружка» — **кружка**, а «вода» — **вода**, но я все сбивалась и смѣшивала оба понятія. Въ отчаяніи она бросила споръ съ тѣмъ, чтобы возобновить его при первомъ удобномъ случаѣ. Ея настойчивость меня раздосадовала, и, схвативъ новую куклу, я изо всей силы швырнула ее на полъ. Когда я почувствовала куски разбитой куклы у ногъ своихъ, это доставило мнѣ злобное удовольствіе. За страстной выходкой не послѣдовало ни сожалѣніе, ни чувство виноватости. Я куклу не любила. Въ безмолвномъ, темномъ мірѣ, въ которомъ я жила, не было особенно нѣжныхъ чувствъ. Я чувствовала, какъ моя наставница сметала обломки на одну сторону очага, и ощущала прїятное сознаніе, что убранный предметъ, досадившій мнѣ. Она принесла мнѣ мою шляпу, и я поняла, что сейчасъ буду гулять на тепломъ солнышкѣ. Мысль эта, — если можно назвать мыслью безсловесное ощущеніе, — заставила меня прыгать и бѣгать отъ удовольствія.

Мы пошли по дорожкѣ къ водокачкѣ; насъ туда привлекало благоуханіе каприфоля, которымъ былъ покрытъ домикъ, въ которомъ она помѣщалась. Кто-то качалъ воду, и моя наставница взяла мою руку и держала ее подъ желобомъ насоса. По мѣрѣ того, какъ прохладная струя лилась на одну руку, она въ другую писала слово «вода» сначала медленно, потомъ быстрѣе. Я замерла; все мое вниманіе сосредоточилось на движеніяхъ ея пальцевъ. Вдругъ я почувствовала, какъ въ туманѣ, точно сознаніе чего-то забытаго, словно дрогнула во мнѣ проснувшаяся мысль; и **какъ** — не знаю, но тайна человѣческой рѣчи открылась мнѣ. Я **знала**, что «в-о-д-а» означаетъ именно и только это чудное «что-то», что льется на мою руку. Живое слово разбудило мою душу, озарило ее свѣтомъ, дало ей радость, надежду, — освобожденіе! Еще были преграды, правда, но такія, которыя могли со временемъ быть снесены.

Я отошла отъ водокачки съ жаждой знанія. Каждый предметъ имѣлъ имя, и каждое имя порождало новую мысль. На пути къ дому мнѣ казалось, что все, чего я касалась, трепетало жизнью. Это было оттого, что я на все смотрѣла вдругъ даннымъ мнѣ новымъ, дивнымъ зрѣніемъ. Входя въ нашу дверь, я вспомнила про разбитую мною куклу. Я направилась къ очагу и подобрала куски. Я тщетно старалась собрать ихъ. И вдругъ глаза мои наполнились слезами: я **сознала**, чтѣ я сдѣлала, и впервые почувствовала сожалѣніе и раскаяніе.

Я въ этотъ день выучила очень много новыхъ словъ. Не помню, какія именно, то-есть не всѣ, но знаю, что въ числѣ ихъ были: **отецъ, мать, сестра, teacher (тичеръ, «наставница»)**, — слова, отъ которыхъ весь міръ для меня зацвѣлъ, какъ Аароновъ жезлъ. Трудно было бы найти дитя счастливѣе меня, когда я легла въ свою постельку въ концѣ этого достопамятнаго дня, переживая въ умѣ радости, которыя онъ мнѣ принесъ, и въ первый еще разъ страстно желая прихода новаго дня.

Коснувшійся души ребенка лучъ свѣше не только озарилъ мракъ, въ которомъ она такъ долго томилась, но и согрѣлъ ее: сразу словно оттаялъ сковывавшій ее ледъ замкнутости и отчужденія, и, вмѣстѣ съ радостью прозрѣнія, она раскрылась болѣе высокимъ, дотолѣ невѣдомымъ ей радостямъ благодарности и любви. На слѣдующее же утро въ припискѣ къ своему письму, миссъ Солливанъ уже дѣлится со своей пріятельницей счастьемъ, которымъ это чудесное перерожденіе преисполняетъ сердце ея:

Приписка отъ 6-го апрѣля. — Я вчера не успѣла на почту; поэтому припишу двѣ строчки. Елена встала сегодня радужная, какъ маленькая фея. Она все утро порхаєтъ отъ одного предмета къ другому и на радостяхъ то и дѣло обнимаетъ меня. Вчера вечеромъ, когда я легла въ постель, она приластилась ко мнѣ и въ первый разъ сама меня поцѣловала. Я думала, у меня сердце разорвется отъ счастья.

Ступивъ на новый путь, Елена идетъ уже безъ остановки, съ быстротою, почти пугающей ея близкихъ. Миссъ Солливанъ пишетъ отъ 10-го апрѣля:

10-е апрѣля. — Елена развивается съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ. Гдѣ бы мы ни находились, гдѣ бы ни гуляли, она спрашиваетъ названія предметовъ, которыхъ нѣтъ въ домѣ. Она непремѣнно хочетъ, чтобы всѣ домашніе учились разговаривать съ ней, и всѣхъ и каждого учить азбукѣ. Она бросаетъ свои прежніе знаки и жесты по мѣрѣ того, какъ узнаетъ слова, и каждое новое приобрѣтеніе доставляетъ ей живѣйшую радость. И мы замѣчаемъ, что лицо ея съ каждымъ днемъ становится выразительнѣе.

Теперь, наконецъ, наставница могла собраться съ мыслями и, на основаніи полученныхъ данныхъ, начертать нѣчто въ родѣ плана будущихъ дѣйствій. Достигнувъ перваго великаго успѣха, легче было обдумать приемы для достиженія и дальнѣйшихъ результатовъ. Освобожденная изъ оковъ природа сразу принялась за работу; оставалось помогать ей и при такой даровитой натурѣ не столько направлять ее, сколько слѣдовать за нею. Думы страстно преданной своему дѣлу воспитательницы въ этотъ торжественный и рѣшительный моментъ поражаютъ глубиной и смѣлостью и свидѣтельствуютъ о замѣчательной самостоятельности молодой дѣвушки въ такой области, гдѣ нельзя шага ступить, не натыкаясь на какую-нибудь теорію.

Я рѣшила, — пишетъ она того же 10-го апрѣля: — не назначать пока времени для правильныхъ уроковъ. Я буду поступать съ Еленой совершенно, какъ съ двухлѣтнимъ младенцемъ. Мнѣ на-дняхъ пришла мысль, что нелѣпо требовать отъ ребенка, чтобы онъ являлся въ извѣстное время въ извѣстное мѣсто для того, чтобы повторять извѣстные уроки, когда у него еще нѣтъ достаточнаго запаса словъ. Я куда-то уснула Елену и сѣла у себя хорошенько все обдумать. Я спросила себя: **какъ нормальное дитя научается говорить?** Отвѣтъ простой: «**подражаніемъ**». Ребенокъ является на свѣтъ со способностью говорить и научается самъ собою, лишь бы былъ къ тому извнѣ достаточный стимулъ. Онъ видитъ, какъ другіе дѣлаютъ то или другое, и дѣлаетъ то же. Онъ слышитъ, какъ другіе произносятъ слова, и тоже старается. **Но задолго до того дня, когда онъ произнесетъ первое слово, онъ отлично понимаетъ то, чтѣ ему говорятъ**. Я послѣднее время наблюдала за Елениной маленькой кузиной. Ей около пятнадцати мѣсяцевъ, и она уже

много понимаетъ. Въ отвѣтъ на разные вопросы она премило указываетъ на свой носикъ, ротикъ, глазки, щечку, ушко. Если я спрошу: «А гдѣ у бѣби другое ушко?» — она вѣрно покажетъ. Если я дамъ ей цвѣтокъ и скажу: «Дай мамѣ», — она несетъ матери. Если я скажу: «Гдѣ маленькая плутовка?» — она прячется за маминъ стулъ или закрываетъ лицо ручками и выглядываетъ оттуда съ лукавымъ, плутовскимъ выраженіемъ. Она исполняетъ всякія приказанія въ родѣ слѣдующихъ: «приди ко мнѣ», «поцѣлуй», «иди къ папѣ», «запри дверь», «дай мнѣ сухарикъ». Но я еще не слыхала, чтобы она сама пробовала выговорить хотя бы одно изъ этихъ словъ. Эти наблюденія послужили мнѣ ключомъ къ той методѣ, по которой надо учить Елену. **Я буду говорить ей въ руку, какъ младенцу говорить въ ухо**, исходя изъ того положенія, что она обладаетъ такою же способностью къ усвоенію и подражанію, какъ и нормальное дитя. **Я буду говорить съ нею цѣлыми фразами**, дополняя смыслъ сказаннаго, по мѣрѣ надобности, изобрѣтенными ею знаками и жестами, но не буду стараться приковывать ея вниманіе къ чему-нибудь одному, а, напротивъ, буду всячески стараться заинтересовать ее и возбуждать дѣятельность ея ума.

Ровно двѣ недѣли спустя миссъ Солливанъ писала:

Полный успѣхъ! Елена теперь знаетъ значеніе болѣе ста словъ и каждый день учить новыя слова, нимало не подозрѣвая, что она дѣлаетъ нѣчто особенное. Она учится, потому что нельзя иначе, какъ птица научается летать. Только, пожалуйста, не думайте, будто она выражается свободно. Подобно своей маленькой кузинѣ, она смыслъ цѣлой фразы вмѣщаетъ въ одно слово. «Молоко!» съ прибавленіемъ извѣстнаго жеста значить: «дай еще молока». «Мама?» съ вопросительнымъ выраженіемъ значить: «Гдѣ мама?» «Гулять» значить: «Пойдемте гулять» или «Я хочу гулять». Но когда я пишу въ ея рукѣ «Дай мнѣ хлѣбъ», она подаетъ. И если я пишу: «Пойди, достань шляпку; мы пойдемъ гулять», она это немедленно исполняетъ. Одни слова «шляпа», «гулять», вызвали бы въ ея умѣ то же представленіе, но **цѣлая фраза, повторенная много разъ въ теченіе дня, запечатлѣвается въ мозгу, и она весьма скоро сама повторяетъ ее.**

Миссъ Солливанъ научила Елену искать предварительно спрятанный предметъ. Первые три дня дѣвочка искала въ невозможныхъ мѣстахъ: напримѣръ, мячикъ — подъ аспидной доской, или большую катушку — въ крошечной коробочкѣ, но весьма скоро навестила.

Сегодня я спрятала сухарь, — рассказываетъ миссъ Солливанъ. — Она искала вездѣ, гдѣ только могла придумать, и уже пришла въ отчаяніе, какъ вдругъ ее озарила новая мысль: она подбѣжала ко мнѣ и, заставивъ меня широко раскрыть ротъ, подвергла его основательному обыску. Не найдя и тутъ слѣдовъ сухаря, она указала на мой желудокъ и продѣлала слово — «ѣсть». Нельзя было яснѣе сказать: «Ужъ не съѣла ли?»

На-дняхъ кто-то ей далъ нѣсколько конфетъ; она ихъ съѣла кромѣ одной, которую спрятала въ карманъ своего фартучка. Придя домой, она отыскала мать и сказала: «Конфетка дать бѣби». Мать отвѣчала: «Бѣби ѣсть — нѣтъ». Тогда она подошла къ люлькѣ, ощупала ротикъ малютки и указала на свои зубы. Мать написала въ ея руку: «Зубы». Елена подумала, покачала головой и продѣлала пальцами: «Бѣби — зубы — нѣтъ: бѣби — ѣсть — нѣтъ», то-есть, «Бѣби не можетъ ѣсть, потому что у нея нѣтъ зубовъ».

Еще двумя недѣлями позже (8-го мая 1887):

Нѣтъ, не присылайте больше вещей изъ дѣтскаго сада; бусы, проколотыя карты, соломинки и пр. намъ больше не нужны.

Я начинаю подозрительно относиться ко всѣмъ мудренымъ и спеціальнымъ воспитательнымъ системамъ. Мнѣ кажется, онѣ построены на предположеніи, что каждый ребенокъ — нѣчто въ родѣ идиота, котораго надо учить мыслить. На самомъ же дѣлѣ, если ребенка предоставить самому себѣ, онъ будетъ мыслить больше и правильнѣе. Пусть онъ свободно ходитъ туда, сюда, знакомится съ настоящими предметами и самъ разбирается въ своихъ впечатлѣніяхъ вмѣсто того, чтобы сидѣть въ комнатѣ за круглымъ столикомъ и слушать, какъ ласковая учительница кроткимъ голосомъ предлагаетъ ему построить каменную стѣну изъ деревянныхъ кубиковъ, или соорудить раду изъ полосокъ цвѣтной бу-

маги, или же заставляетъ его сажать соломенные деревья въ горшочки изъ разныхъ бусъ. Такое ученіе наполняетъ умъ искусственными понятіями, отъ которыхъ потомъ ребенку надо отдѣлаться, прежде чѣмъ ему можно будетъ развивать самостоятельныя понятія изъ дѣйствительно имъ испытаннаго.

Еленѣ прилагательныя и нарѣчія даются такъ же легко, какъ имена и глаголы. Понятіе у нея всегда предшествуетъ слову. У нея задолго до меня были знаки, означающіе «большой» и «маленькій»... На-дняхъ я замѣнила эти знаки словами, и она тотчасъ же стала употреблять ихъ и бросила знаки. Теперь я могу говорить ей, чтобы она принесла мнѣ большую книгу или маленькую тарелку, чтобы шла по лѣстницѣ медленно, бѣжала быстро и пр. Сегодня она въ первый разъ употребила союзъ «и». Я сказала ей, чтобы она заперла дверь, а она добавила «и на ключъ».

Полчаса назадъ она съ шумомъ ворвалась ко мнѣ въ комнату. Я сначала не могла разобрать, въ чемъ дѣло, что ее такъ волнуетъ. Она все повторяла: «собака — бэби» и пересчитывала свои пять пальцевъ, потомъ сосала ихъ. Первою моею мыслью было, что которая-нибудь изъ собакъ укусила маленькую Мильдредъ, но сіяющее лицо Елены успокоило меня. Она непременно настаивала, чтобы я шла съ нею куда-то, что-то смотрѣть. Она повела меня къ водокачкѣ, и тамъ, на соломѣ, въ углу, лежала одна изъ собакъ, сеттеръ, и съ нею — пять прелестныхъ щенятъ! Я тутъ же научила Елену слову «щенокъ», потомъ провела ея рукой по всѣмъ и написала множественное: «щенята». Она крайне интересовалась кормленіемъ и нѣсколько разъ продѣлала «мама — собака» и «бэби». Она замѣтила, что у щенятъ глаза закрыты, и сказала: «Глаза — закрыты; спать — нѣтъ», т. е. «глаза у щенятъ закрыты, но они не спятъ»... Она указала на каждого щенка особо, потомъ на свои пять пальцевъ, и я научила ее слову «пять». Тогда она подняла одинъ палецъ и сказала: «бэби». Я поняла, что она думаетъ о сестрѣ, и написала: «одинъ бэби и пять щенятъ». Поигравъ съ ними, она вдругъ спохватилась, что у щенятъ, какъ и у людей, должны быть имена, и спросила, какъ каждого зовутъ. Я сказала, чтобы она спросила у отца, но она сказала: «нѣтъ — мама». Вероятно, разсудила, что мамы болѣе свѣдущи по части всякихъ бэби. Она замѣтила, что одинъ щенокъ гораздо меньше другихъ, и продѣлала слово «маленькій» и въ то же время изобрѣтенный ею условный знакъ, я же написала «очень маленький». Она поняла, что слово «очень» означаетъ то новое понятіе, которое только что пришло ей въ голову, и упражнялась въ немъ по дорогѣ домой, употребляя его совершенно вѣрно. Подниметъ два камешка: одинъ — «маленькій», другой — «очень маленький». Касаясь рукой сестры, она сказала: «Бэби — маленький; щенокъ — очень маленький». Затѣмъ стала дѣлать сперва большіе шаги, потомъ меньшіе, наконецъ совсѣмъ крошечные, приговаривая: «большой», «маленькій», «очень маленький». Въ настоящую минуту она ходитъ по всему дому и примѣняетъ новыя слова ко всевозможнымъ предметамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я бросила правильные уроки, Елена учится гораздо быстрѣе. **Я убѣждена, что время, которое учительница проводитъ въ добываніи изъ ребенка того, что она въ нею вложила, чтобы убѣдиться, тамъ ли оно и пустило ли корни — время потерянное.** По-моему, гораздо лучше принять на вѣру, что ребенокъ дѣлаетъ свое дѣло, и что положенное въ него сѣмя въ свое время принесетъ плодъ...

16-е мая 1887. — Мы съ нѣкоторыхъ поръ дѣлаемъ большія прогулки каждое утро, тотчасъ послѣ завтрака. Погода чудесная, и воздухъ пропитанъ ароматомъ земляники. Цѣль наша — маленькая пристань на рѣкѣ Теннесси, мили двѣ отъ дома. Мы никогда не знаемъ, какъ туда дошли или гдѣ мы находимся въ данную минуту. Но это только увеличиваетъ наше наслажденіе, особенно, когда все, что мы встрѣчаемъ, для насъ ново. По правдѣ сказать, мнѣ иногда сдается, что я до сихъ поръ ничего не видала, такъ много Елена находитъ, о чемъ спрашивать во всю дорогу. Мы гоняемся за бабочками; иногда одну поймемъ. Тогда мы садимся подъ дерево или въ тѣни куста и бесѣдуемъ о ней. Если она переживетъ урокъ, мы ее выпускаемъ; но обыкновенно ея жизнь и красота приносятся въ жертву на алтарь науки; хотя опять-таки, въ другомъ смыслѣ, она живетъ вѣчно, такъ какъ она претворилась въ прекрасныя мысли. Удивительно, какъ слова порождаютъ идеи! Каждое новое слово, которому Елена научается, точно создаетъ необходимость въ множествѣ другихъ. Умъ ея растетъ своею собственною непрерывною дѣятельностью.

Наша пристань служила войскамъ во время войны мѣстомъ высадки, но она давно развалилась и поросла мохомъ и сорными травами. Полное уединеніє настраиваетъ на тихія думы. Возлѣ пристани бьетъ прелестный, живой ключъ, который Елена прозвала «бѣличья чашка», послѣ того, какъ я ей сказала, что бѣлочки ходятъ сюда пить... Домой приходимъ какъ разъ къ обѣду, и Елена порывается матери рассказать все, что видѣла. **Это желаніє передать другимъ то, что ей сказано, отмѣчаетъ большой шагъ въ ея умственномъ развитіи и служить неоцѣненнымъ стимуломъ къ пріобрѣтенію языка. Я прошу всѣхъ близкихъ поощрять ее рассказывать о своихъ походахъ и совѣтую имъ выказывать какъ можно больше любопытства и удовольствія, выслушивая ея маленькія приключенія.** Это льститъ дѣтской любви къ одобренію старшихъ и заинтересовываетъ ее... Она, конечно, дѣлаетъ много ошибокъ, переставляетъ слова, выворачиваетъ фразы наизнанку, страшно путается въ именахъ и глаголахъ, но то же самое дѣлаетъ и нормальный ребенокъ. Я увѣрена, что это все само собою выправится. Важно желаніє **передать**. Я подсказываю слово-другое, иногда и цѣлую фразу, напоминаю о чемъ-нибудь пропущенномъ или забытомъ. Такимъ образомъ, ея запасъ словъ быстро растетъ, новыя слова всходятъ, какъ сѣмена, и порождаютъ новыя понятія.

Сама Елена и теперь хорошо помнитъ малѣйшія подробности изъ этого перваго лѣта, послѣдовавшаго за ея умственнымъ пробужденіемъ. Заколдованный темный боръ, въ которомъ она дотолѣ блуждала, путаясь въ безвыходной поросли и расхибаясь о стволы и пни, вдругъ превратился въ волшебный, залитый солнцемъ садъ, гдѣ на каждомъ шагу благодѣтельные феи подносили ей душистые цвѣты и плоды; каждый часъ ознаменовывался какимъ-нибудь открытіемъ или событіемъ. Теперь было зачѣмъ жить; исчезло гнетущее чувство безцѣльности и пустоты, и пожирающая, неутомимая любознательность, находя во всякое время удовлетвореніє, сдѣлалась источникомъ не раздражительности и припадковъ отчаянія, а нескончаемаго праздника.

Когда пришло время полевымъ цвѣточкамъ, — рассказываетъ Елена: — миссъ Солливанъ взяла меня за руку и повела въ поля, гдѣ люди готовили почву для посѣва, да на берегу рѣки Теннесси и тамъ, сидя на прогрѣтой солнцемъ травѣ, впервые бесѣдовала со мной о благодати природы. Я узнала, какъ солнце и дождь поднимаютъ изъ земли растенія, которыя радуютъ взоръ, даютъ вкусную пищу; какъ птицы вьютъ гнѣзда, и живутъ, и благоденствуютъ; какъ бѣлка, олень, левъ и всякая прочая тварь находитъ себѣ пропитаніє и пристанище. По мѣрѣ того, какъ расширялись мои знанія обо всемъ, я болѣе и болѣе сознавала, въ какомъ дивномъ мірѣ я живу. Задолго передъ тѣмъ, какъ я выучилась разрѣшать арифметическую задачу или описывать видъ земли, миссъ Солливанъ научила меня чувствовать красоту въ благоуханныхъ лѣсахъ, въ каждой былинкѣ, въ мягкихъ очертаніяхъ и ямочкахъ на ручкѣ моей маленькой сестренки. Она самая первыя мои мысли слила съ природой, пробудила во мнѣ чувство родства съ цвѣтами и птицами.

Помню то утро, когда я впервые спросила значеніє слова: «любовь». Я тогда еще немного знала словъ. Я въ саду нашла нѣсколько раннихъ фіалокъ и принесла ихъ моей наставницѣ. Она хотѣла поцѣловать меня, но въ то время я еще не любила, чтобы меня цѣловалъ кто-либо, кромѣ моей матери. Миссъ Солливанъ нѣжно обняла меня одной рукой, а другою написала въ моей ладони: «люблю Елену».

Что такое любовь? — спросила я ¹.

Она прижала меня ближе къ себѣ и сказала: «любовь тутъ», указывая на мое сердце, біеніє котораго я тогда впервые сознательно замѣтила. Слова ея сильно озадачили меня, потому что я въ то время еще не понимала ничего, чего я не могла трогать руками.

Я понюхала фіалки въ ея рукѣ и спросила, наполовину словами, наполовину знаками: «Любовь — не благоуханіє ли цвѣтовъ?».

«Нѣтъ, — отвѣтила она.»

Опять я задумалась. Солнце жарко пригрѣвало насъ.

¹ «Любовь, любить, люблю, любимъ, любите, любяты, любви», — все одно слово: «love».

Не это ли любовь? — спросила я, протягивая руку по тому направленно, съ котораго шло тепло.

Мнѣ казалось, что не могло быть ничего чудеснѣе солнца, отъ котораго все цвѣтеть и растеть. Но миссъ Солливанъ покачала головой, и я сильно недоумѣвала и огорчилась. Мнѣ казалось страннымъ, почему моя наставница не можетъ показать мнѣ любовь?

Дня два спустя я нанизывала бусы разной величины симметрическими группами: двѣ большія, три маленькія и такъ далѣе. Я надѣлала много ошибокъ, и миссъ Солливанъ снова и снова указывала мнѣ ихъ съ кроткимъ терпѣніемъ. Наконецъ, я сама замѣтила крупную ошибку въ распредѣленіи бусъ и на мгновение сосредоточила свое вниманіе на урокъ и старалась сообразить, въ какомъ порядкѣ слѣдовало мнѣ нанизать ихъ. Миссъ Солливанъ дотронулась до моего лба и энергически стала чертить въ моей ладони: «подумай»².

Мигомъ, какимъ-то наитіемъ, я поняла, что это слово означаетъ процессъ, въ ту минуту совершавшійся въ моей головѣ. **Это было первое, осмысленно постигнутое мною отвлеченное понятіе.**

Долго я сидѣла смирно, — не думала о бусахъ, насыпанныхъ у меня на колѣняхъ, а старалась пріискать значеніе слову «любовь» при свѣтѣ этой новой мысли. Солнце весь день пряталось за облаками, и выпадали краткіе ливни: но вдругъ оно вновь показалось во всемъ южномъ великолѣпіи. Опять я спросила свою наставницу: «Не это ли любовь?»

«Любовь, — отвѣтила она: — нѣчто въ родѣ облаковъ, которыя были на небѣ, прежде чѣмъ солнце показалось». Затѣмъ, въ нѣсколько болѣе простыхъ, понятныхъ мнѣ словахъ пояснила: «Мы вѣдь не можемъ рукой достать облака, но мы чувствуемъ дождь, знаемъ, какъ рады ему цвѣты и жаждущая земля послѣ знойнаго дня. Такъ и до любви мы не можемъ прикасаться руками, но мы чувствуемъ сладость, которую она изливаетъ на все. Безъ любви тебѣ не было бы весело и не хотѣлось бы играть.»

Чудная истина разомъ озарила умъ мой: я вдругъ почувствовала, что отъ моей души до другихъ душъ протянуты невидимыя нити...

Все, чему учила меня миссъ Солливанъ, она поясняла интереснымъ, поэтическимъ рассказомъ или даже стихотвореніемъ. Когда что-нибудь особенно занимало или восхищало меня, она объ этомъ бесѣдовала со мною, словно сама была маленькой дѣвочкой... И то, о чемъ другія дѣти съ ужасомъ вспоминаютъ, какъ о многотрудномъ странствованіи черезъ дебри грамматики, сухихъ задачъ и еще болѣе сухихъ опредѣленій, у меня въ памяти осталось самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ.

Я не могу объяснить удивительную симпатію, съ которою она относилась къ моимъ дѣтскимъ радостямъ и потребностямъ. Къ тому же, она обладала удивительнымъ даромъ описывать. Она быстро скользила по неинтереснымъ подробностямъ и никогда не раздражала меня вопросами, имѣвшими цѣлью удостовѣриться, запомнила ли я третьягоднишній урокъ. Она вводила научныя техническія детали понемногу, и каждый предметъ у нея выходилъ такой живой, что я не могла бы не запомнить.

Мы много занимались на открытомъ воздухѣ, предпочитая лѣсъ и солнце сидѣнію заперти. Отъ всѣхъ моихъ первыхъ уроковъ вѣетъ благоуханіемъ лѣсовъ, тонкимъ смолистымъ ароматомъ хвои, съ запахомъ дикаго винограда...

Иногда я вставала на зарѣ, чтобы прокрасться въ садъ, пока роса тяжелыми каплями еще лежала на травахъ и цвѣтахъ. Рѣдко кто знаетъ, какое наслажденіе чувствовать въ ладони легкое прикосновеніе розы или мѣрное движеніе лиліи, колеблемой утреннимъ вѣтеркомъ. Иногда, срывая цвѣтокъ, я находила въ немъ насѣкомое и чувствовала вибрацію отъ тренія или трепетанія крылышекъ испуганнаго маленькаго созданія, вдругъ замѣтившаго легкое давленіе снаружи.

---

² «Думать, думаю и пр., думай, подумай и пр., — все одно слово: think»

Еще любила я фруктовый садъ, гдѣ плоды созрѣвали въ началѣ іюля. Крупные, пушистые персики свѣшивались до самой моей руки, яблоки падали мнѣ къ ногамъ, срываемыя съ деревьевъ шаловливымъ вѣтромъ. Съ какимъ восторгомъ я собирала ихъ въ фартукъ, прикладывала щеки къ гладкой кожѣ яблоковъ, еще теплыхъ отъ солнца, и бѣжала съ моей добычей домой!

Самой любимой у насъ была прогулка къ развалившейся пристани на рѣкѣ Теннесси, гдѣ въ междоусобную войну высаживались войска. Тамъ провели мы много счастливыхъ часовъ, и я, играя, училась географіи. Я строила плотины изъ камушковъ, сооружала острова и озера, рыла рѣчныя русла, — и не снилось мнѣ, что я учу урокъ. Съ возрастающимъ изумленіемъ внимала я описаніямъ обширнаго земного шара съ его огнедышащими горами, зарытыми городами, скованными льдомъ рѣками и другими чудесами. Миссъ Солливанъ лѣпила ландкарты изъ глины, на которыхъ я могла пальцами выслѣживать горныя цѣпи, долины и извилистое теченіе рѣкъ. Мнѣ и это нравилось; но дѣленіе земли на полюсы и полюсы сбивало и сердило меня. Для нагляднаго представленія широтъ употреблялись шнуры на апельсинѣ, и до сихъ поръ слово: «умѣренная полоса» прежде всего вызываетъ въ моемъ воображеніи путанные круги изъ веревочекъ...

Одно, чего я не любила, помнится мнѣ, — ариѳметика. Меня съ самаго начала не занимала наука чиселъ. Миссъ Солливанъ старалась учить меня посредствомъ нанизыванія бусъ группами, и, съ помощью соломинокъ, я одолѣла сложеніе и вычитаніе. У меня никогда не хватало терпѣнія устраивать больше пяти или шести группъ за одинъ присѣсть. Совѣсть моя тогда была покойна на весь день, и я убѣжала играть.

Такъ же легко познакомилась я съ зоологіей и ботаникой.

Однажды одинъ господинъ, имени котораго я не помню, прислалъ мнѣ коллекцію ископаемыхъ: крошечныхъ раковинокъ, съ прелестными, отчетливыми помѣтками, кусочки песчаника съ отпечатанными на нихъ слѣдами птичьихъ лапокъ и чудесный папоротникъ. То были ключи, которые открыли мнѣ сокровищницу чудесъ допотопнаго міра. Дрожащими пальцами внимала я разсказамъ миссъ Солливанъ о страшныхъ, съ невозможными именами звѣряхъ, которые нѣкогда тяжелыми, неуклюжими шагами бродили по первобытнымъ лѣсамъ, ломая себѣ на кормъ сучья исполинскихъ деревьевъ, и умирили въ пустынныхъ болотахъ, въ глубинѣ отдаленной, неподдающейся исчисленію старины. Долгое время эти странныя твари преслѣдовали меня даже во снѣ, и этотъ мрачный періодъ сдѣлался темнымъ фономъ, на которомъ тѣмъ свѣтлѣе отдѣлялось радостное настоящее, наполненное солнечнымъ сіяніемъ, розами. Какъ ясно помню я мою лошадку-пони, его сердитое фырканье и пряный, клеверный запахъ его дыханія, когда мы съ миссъ Солливанъ, бывало, изловимъ его на лужайкѣ и взнуздаемъ его, какъ онъ не былъ похожъ на тѣхъ мрачныхъ, допотопныхъ звѣрей!

Много разъ растенія были темой нашихъ уроковъ. Мы купили лилію и поставили на солнечное окно. Скоро длинные, остроконечные бутоны собрались раскрываться. Узенькіе, похожіе на листья, наружные лепестки раздвинулись медленно, казалось мнѣ, нехотя, какъ бы неохотно открывая взорамъ дотолѣ защищаемую ими нѣжную красоту. Однако, разъ процессъ начался, онъ подвигался быстро, но систематично, по порядку. Всегда былъ одинъ бутонъ больше и красивѣе прочихъ. Красавица словно торжественнѣе скидывала съ себя покрывало и, представая міру въ своемъ шелковистомъ, блестящемъ, бѣломъ нарядѣ, точно сознавала себя царицею надъ болѣе скромными сестрами, которыя какъ-то робко разоблачались, пока все растеніе не обращалось въ одно сплошное чудо красоты и благоуханія.

Однажды мы поставили на окно между растеній стеклянный глобусъ, въ которомъ плавало одиннадцать лягушечьихъ головастиковъ. Очень весело было погрузить руку въ воду и чувствовать, какъ они тамъ рѣзвятся и скользятъ между моими пальцами; одинъ, посмѣлѣе, какъ-то разъ прыгнулъ выше края и упалъ на полъ, гдѣ я его нашла, почти полумертвымъ. Единственнымъ признакомъ жизни было вздрагиваніе хвостика. Однако, лишь только опять попалъ въ свою стихію, онъ стремглавъ пустился ко дну и тотчасъ же поплылъ большими кругами, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ показалъ свою отвагу,

посмотрѣлъ, что тамъ за стеклянной стѣной, и теперь, совершенно довольный, остался жить въ своемъ прозрачномъ домѣ, подъ большой фуксіей, въ ожиданіи своего конечнаго превращенія въ полноправную лягушку. Затѣмъ его переселили въ хорошенькій прудикъ въ концѣ сада, гдѣ онъ, вѣроятно, не одну лѣтнюю ночь задавалъ лягушечьи концерты.

Около этого времени со мной было приключеніе, научившее меня, что природа не всегда милостива. Моя наставница и я однажды возвращались домой съ дальней прогулки. Утро было ясное, но, когда мы, наконецъ, повернули къ дому, становилось жарко и душно, такъ что мы раза два- три останавливались подъ деревомъ у дороги, отдохнуть въ послѣдній разъ подъ дикимъ вишневымъ деревомъ, уже очень неподалеку отъ дома. Въ тѣни его было пріятно, и забраться на него было такъ легко, что я, съ помощью миссъ Солливанъ, вскарабкалась на одинъ изъ нижнихъ сучьевъ и преудобно тамъ усѣлась. И такъ тамъ было хорошо, прохладно, что миссъ Солливанъ предложила тутъ позавтракать. Я обѣщала сидѣть смиренно, и она пошла домой, за провизіей.

Вдругъ съ деревомъ что-то произошло. Изъ воздуха исчезло тепло. Я поняла, что небо почернѣло, потому что для меня понятіе о теплѣ сливалось съ понятіемъ о свѣтѣ. Станный запахъ поднялся съ земли. Онъ мнѣ былъ знакомъ: это тотъ запахъ, который всегда предшествуетъ грозѣ, и сердце мое замерло въ бессознательномъ страхѣ. Я чувствовала себя вполнѣ одинокой, отрѣзанной отъ своихъ и отъ твердой почвы. Необъятное, невѣдомое окружило меня; я притаилась въ неподвижномъ ожиданіи; холодный ужасъ овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ. Я страстно желала возвращенія моей наставницы; но больше всего желала я сойти съ этого дерева.

Наступила минута зловѣщаго затишья, затѣмъ вся листва одновременно зашевелилась. По всему дереву пробѣжала дрожь, за которой послѣдовалъ такой порывъ вѣтра, что я непремѣнно бы свалилась, если бы не уцѣпилась изо всѣхъ силъ за толстый сукъ. Дерево раскачивало и гнуло. Маленькія вѣтки ломались и сыпались на землю кругомъ меня. Я неудержимо стремилась соскочить, но страхъ приковывалъ меня къ мѣсту. Я вся съежилась и прикинула къ раздвоенному суку. Вѣтви такъ и хлестали меня. Я ощущала толчки, словно упало что-то тяжелое, и сотрясеніе снизу сообщалось стволу и достигало до сука, на которомъ я сидѣла. Это довело мое нервное напряженіе до пароксизма, и я ждала, что вотъ-вотъ и дерево, и я сама вмѣстѣ повалимся, какъ вдругъ знакомая рука схватила меня и потянула внизъ. Я прижалась къ моей наставницѣ, дрожа отъ радости, что подъ моими ногами опять земля. Я заучила новый урокъ: что природа иногда открыто воюетъ противъ своихъ дѣтей и что за ея лаской скрывается иногда опасность.

Послѣ этого приключенія я долго не рѣшалась болѣе взлѣзть на дерево. Отъ одной мысли я приходила въ ужасъ. Страхъ мой, наконецъ, побѣдила мимоза въ полномъ цвѣту. Въ одно чудное весеннее утро я сидѣла одна въ бесѣдкѣ, читала, какъ вдругъ почувяла въ воздухѣ тонкое, необыкновенно сладостное благоуханіе. Я встала и протянула инстинктивно руки. Словно сама весна наполнила бесѣдку своимъ присутствіемъ. «Что это?» — подумала я и въ ту же минуту узнала благоуханіе цвѣта мимозы. Я ошупью пробралась къ тому концу сада, зная, что мимоза тамъ, у забора, на поворотѣ тропинки. Да! вотъ она вся трепещетъ подъ жаркимъ солнечнымъ свѣтомъ, и отяжелѣвшія вѣтви почти касаются высокой травы. Нѣжные цвѣты содрогаются и закрываются отъ малѣйшаго прикосновенія, словно изъ рая дерево пересажено на землю! Подъ дождемъ сыпавшихся на меня лепестковъ я пробралась до толстаго ствола и постояла съ минуту неподвижно, но, вдругъ рѣшившись, занесла ногу на низкій сукъ, схватила другой, повыше, и подтянулась на рукахъ. Было не совсѣмъ легко, потому что сучья были толстые, и отъ коры было больно рукамъ. Но меня подбодряло сознаніе, что я совершаю, нѣкоторымъ образомъ, подвигъ, и я взбиралась все выше и выше, пока не добралась до маленькаго сидѣнія, которое кто-то устроилъ тамъ такъ давно, что оно срослось съ самимъ деревомъ. Долго-долго я тутъ сидѣла; казалось мнѣ, будто я фея на розовомъ облакѣ. Съ тѣхъ поръ я проводила много часовъ на моемъ райскомъ деревѣ, думая свѣтлыя думы и предаваясь сладкимъ грѣзамъ...

Такъ-то я жила и училась у самой жизни. Въ началѣ я представляла только массу возможностей. Вызвала, развила ихъ моя наставница. Съ самаго ея пришествія, все вокругъ меня дышало любовью, радостью, все получило смыслъ и значеніе. Никогда не пропустила она

ни одного случая, чтобы не указать мнѣ на красоту, живущую во всемъ, ни на минуту не переставала она мыслью, дѣйствіемъ, примѣромъ дѣлать жизнь мою счастливою и полезною. Ея геніальности, чуткому сочувствію, любящему такту я обязана всѣмъ обаяніемъ первыхъ годовъ моего воспитанія. Знанія потому давались мнѣ такъ легко и доставляли мнѣ столько удовольствія, что она умѣла выбирать именно самую благопріятную минуту для того, чтобы сообщить ихъ мнѣ. Она понимала, что дѣтскій умъ подобенъ мелководному ручью, который весело бѣжитъ по кремнистому руслу, отражая тутъ цвѣтокъ, тамъ — кустъ, далѣе — облачко, и долженъ питаться водами многихъ горныхъ притоковъ и сокровенныхъ подземныхъ ключей, прежде чѣмъ изъ него образуется широкая, глубокая рѣка, способная отражать въ своей тихой глади и волнистые холмы, и свѣтомъ пронизанныя тѣни деревьевъ, и синее небо, и милый видъ маленькаго цвѣточка.

Всякій преподаватель можетъ усадить ребенка въ классную; но не всякій способенъ его чему-нибудь научить. Ребенокъ не станетъ охотно и бодро работать, если не будетъ чувствовать, что онъ свободенъ, все равно, занятъ ли онъ или нѣтъ. Надо, чтобы ему были знакомы и радостное чувство побѣды, и замѣраніе сердца отъ, постигшей его неудачи, прежде чѣмъ онъ добровольно и съ усердіемъ возьмется за несимпатичныя ему задачи и рѣшится храбро пробиться черезъ скучную рутину учебниковъ.

Моя наставница такъ близка мнѣ, что я едва могу думать о самой себѣ отдѣльно отъ нея. Насколько моя способность наслаждаться всѣмъ прекраснымъ — врожденная, и насколько я этой способностью обязана ей, мнѣ не разобрать. Я чувствую, что наши натуры нераздельны и что я прошла жизненный путь по ея стопамъ. Что есть лучшаго во мнѣ — все ея; нѣтъ во мнѣ ни одного таланта, ни одного стремленія, ни одной радости, которые не были бы вызваны къ жизни ея любящимъ прикосновеніемъ.

Крайне интересно это описаніе вихря ощущеній, доставляемыхъ однимъ осязаніемъ и чуткостью нервной системы. Не менѣе замѣчательно такое сознательное, почти, можно сказать, критическое отношеніе къ самому явленію и своей пассивной роли въ немъ въ такомъ юномъ возрастѣ.

Въ октябрѣ 1887 г. миссъ Солливанъ, по настоятельной просьбѣ директора Анагноса, послала ему свой первый отчетъ, въ которомъ содержатся крайне поучительныя свѣдѣнія объ интереснѣйшей стадіи въ воспитаніи дѣвочки, — ея ознакомленіи съ основами и механизмомъ челоѳческой рѣчи. Вотъ какъ она описываетъ способъ, придуманный ею для нагляднаго объясненія словъ, означающихъ мѣстныя отношенія между предметами:

...Я положила ея платье **въ** сундукъ, потомъ **на** сундукъ и написала на ея ладони: «платье въ сундукъ», «платье на сундукъ». Она очень скоро поняла разницу между этими двумя предлогами, хотя не такъ-то скоро научилась сама употреблять ихъ. Она продѣлывала этотъ урокъ въ лицахъ: для нея было большимъ удовольствіемъ становиться **на** стулъ или запереться **въ** шкафъ; но къ концу апрѣля она уже составляла такія фразы: «Мильдредъ въ постелькѣ»; «Елена въ шкапу»; «папа на кровати»; «коробка на столѣ». Такія фразы она составляла уже въ концѣ апрѣля.

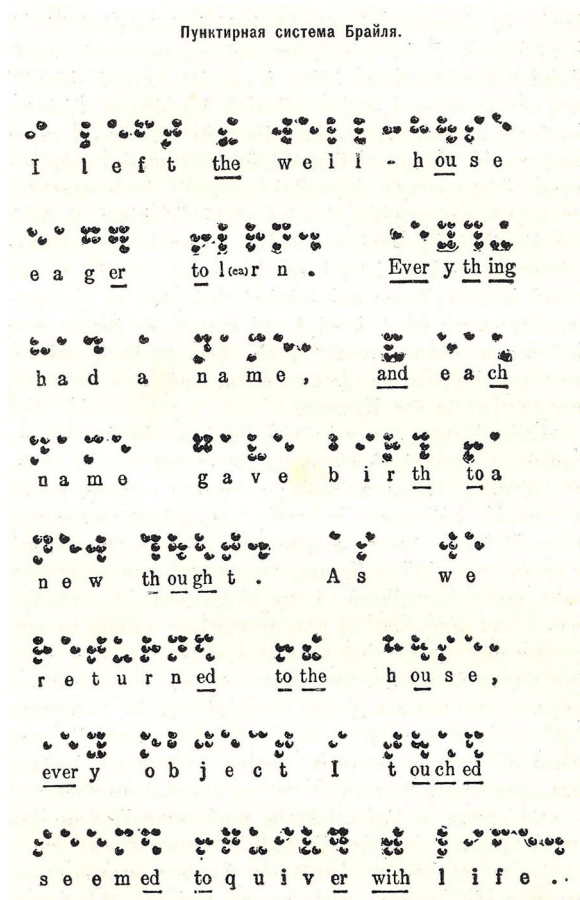
Затѣмъ последовали слова, означающія свойства предмета, обыкновенно попарно. Для перваго урока я приготовила два шара: шерстяной мячикъ, большой, мягкій, и круглую ружейную пулю. Она сразу замѣтила разницу въ величинѣ. Взявъ въ руку пулю, она сдѣлала свой обычный знакъ, означающій «**маленькій**», т. е. ущипнула маленькій кусочекъ кожи на одной рукѣ; взявъ мячикъ, она широко растопырила надъ нимъ обѣ руки: читай — «**большой**». Я замѣнила оба знака словами, затѣмъ обратила ея вниманіе на твердость пули и мягкость мячика, и она тутъ же выучила: «**твердый, мягкій**». Нѣсколько минутъ спустя, она пощупала головку своей сестренки и сама сказала матери: «Мильдредъ голова маленькая и твердая». Затѣмъ, я старалась внушить ей понятія о **быстротѣ** и **медленности**. Я дала ей наматывать шерсть и заставила ее мотать сперва скоро, потомъ тихо, продѣлывая слова поочередно пальцами. На другой день, во время прогулки, она то ускоряла, то замедляла шагъ, приговаривая: «Елена — ходить — скоро»; «Елена — ходить — тихо»... Длина словъ или мудреное сочетаніе буквъ ее, повидимому, нисколько не затрудняетъ. Такія слова, какъ **геліотропъ** и **хризантема**, она запоминаетъ даже скорѣе, чѣмъ коротенькія. Къ концу августа она знала 625 словъ.

Я рѣшила, что настало время учить ее читать печатное. Бумажку съ напечатаннымъ выпуклымъ шрифтомъ словомъ «**box**» («ящикъ») я положила на деревянный ящикъ и повторила то же со многими предметами, но она не сразу догадалась, что печатное названіе относится къ предмету. Тогда я взяла листъ съ напечатаннымъ на немъ выпукло алфавитомъ и провела палецъ ея по буквѣ **A**, въ то же время продѣлывая букву своими пальцами. Она водила пальцами по порядку по всѣмъ буквамъ, слѣдя за моими пальцами. Въ одинъ день она выучила всѣ буквы, простыя и прописныя. Тогда я опять взялась за первую страницу азбуки и провела пальцы ея по слову «**cat**» («кошка»), опять-таки одновременно продѣлывая его своими пальцами. Въ одну секунду ей все стало ясно, и она немедленно стала просить меня отыскать ей слово «**dog**» («собака») и множество другихъ. Она осталась очень недовольна тѣмъ, что въ книгѣ не отыскалось ея имя. У меня еще не было тогда доступныхъ ея пониманію фразъ выпуклымъ шрифтомъ; но она по часамъ выводила каждое слово, и, когда встрѣчала знакомое слово, удивительно милое выраженіе озаряло лицо ея, которое съ каждымъ днемъ становилось душевнѣе и осмысленнѣе. Около этого времени я послала м-ру Анагносу списокъ извѣстныхъ ей словъ, и онъ имѣлъ любезность отдать ихъ отпечатать выпуклымъ шрифтомъ во многихъ экземплярахъ. Мы съ матерью Елены изрѣзали много листовъ на отдѣльныя слова, такъ что она могла составлять изъ нихъ фразы. Это упражненіе понравилось ей больше, чѣмъ все, что она до того дѣлала, и подготовило уроки писанія. Никакого труда не стоило объяснить ей, какъ карандашомъ на бумагѣ чертить тѣ же фразы, которыя она ежедневно составляла изъ нарѣзанныхъ словъ, и она весьма скоро поняла, что она не обязана довольствоваться заученными фразами, но можетъ этимъ путемъ сообщить намъ все, что ей самой придетъ въ голову. Я вложила въ сложенную бумагу выпукло наливанную деревянную дощечку, какія дѣлаются специально для слѣпыхъ, и дала ей ознакомиться съ азбукою квадратныхъ буквъ, которымъ она должна была учиться. Затѣмъ я взяла ея руку и начертила ею слова: «Кошка пьетъ молоко». Когда она кончила, она была въ восторгѣ, особенно когда мать, которой она тотчасъ же снесла свою работу, правильно прочла слова. День за днемъ она водила карандашомъ по бумагѣ, ни на минуту не выказывая нетерпѣнія или усталости.

«Какъ только она научилась выражать мысли свои на бумагѣ, я научила ее писать по пунктирной системѣ Брайля (**Braille** — продавленными съ изнанки точками, расположенными условными группами, которыя на правой сторонѣ выходятъ слегка выпуклыми). Она стала учиться усердно, какъ только поняла, что по этой системѣ можетъ сама читать написанное, и это доставляетъ ей неистощимое удовольствіе. Она по цѣлымъ вечерамъ сидитъ за столомъ и пишетъ все, что приходитъ ей въ голову, и я почти всегда безъ труда могу читать то, что она написала». (Только, выучившись писать **брайлемъ**, Елена возненавидѣла карандашъ, и миссъ Солливанъ съ большимъ трудомъ могла уговорить ее писать имъ письма. «Карандашъ усталъ» или «карандашъ боленъ», — было ея любимой отговоркой).

Ея успѣхи въ ариѳметикѣ не менѣе замѣчательны. Она очень проворно дѣлаетъ сложеніе и вычитаніе до **ста** и твердо знаетъ таблицу умноженія до пяти включительно. Недавно она работала надъ числомъ «сорокъ», и я вдругъ сказала ей: «сосчитай, сколько разъ два». Она, не задумываясь, отвѣтила: «двадцать разъ два — сорокъ». Попозже я сказала: «напиши пятнадцать три и сосчитай». Я думала, что она напишетъ пятнадцать группъ 111 и потомъ сосчитаетъ сколько выйдетъ. Въмѣсто того, она мигомъ отвѣтила: «пятнадцать три будетъ сорокъ пять».

Таблица 5.1. Пунктирная система Брайля

Миссъ Солливанъ вообще не могла надивиться тому, съ какой легкостью Еленѣ все давалось. Глаголы она выучивала, продѣлывая означенное дѣйствіе въ лицахъ, обративъ это въ очень забавную игру. Къ чтенію же она до того пристрастилась, что ее трудно было даже на время разлучить съ книгой. Она какимъ-то чутьемъ воспринимала смыслъ цѣлыхъ фразъ, отгадывая по общему смыслу незнакомыя слова. Однажды миссъ Солливанъ, собираясь ложиться спать, замѣтила, что она заснула, крѣпко прижавъ къ груди обѣими руками большущую книгу. Когда она ее утромъ спросила объ этомъ, дѣвочка отвѣчала съ плутовскимъ выраженіемъ: «книга боится одна ночью; книга будетъ спать съ Еленой». Она хотѣла этой хитростью обезпечить себѣ возможность почитать контрабандой на сонъ грядущій, а то и ночью, если случится не во-время проснуться. Но она была настолько уже непохожа на прежнюю дикарку, что безпрекословно покори-лась, когда миссъ Солливанъ объявила ей, что «книга вовсе не боится и должна спать у себя въ шкапу».

Писать она научилась, буквально, играя. Въ августѣ мѣсяцѣ было получено письмо отъ Лоры Бриджмэнъ, и миссисъ Келлеръ, взглянувъ на него, съ изумленіемъ воскликнула: «Помилуйте, миссъ Анни, вѣдь Елена теперь уже пишетъ почти что не хуже ея!» Это было въ концѣ іюля.

Однажды она принесла миссъ Солливанъ листъ бумаги, весь исколотый по брайлевскому способу, и пресерьезно просила вложить въ конвертъ и отправить по почтѣ, объявивъ, что это — письмо брату Фрэнку. Миссъ Солливанъ глазамъ не вѣрила, потому что не подозрѣвала, чтобы маленькая плутовка даже имѣла понятіе о томъ, что такое письмо. Онѣ, правда, ходили вмѣстѣ на почту, но Елена по этому поводу ее особенно не спрашивала. И вдругъ — такой сюрпризъ. Миссъ Солливанъ спросила ее, что же она написала брату? И дѣвочка съ величайшей готовностью отвѣтила: «Много словъ. Собака — мама — щенята, — пять. Бѣби — плакать. Жарко. Елена гулять — нѣтъ. Солнце — огонь — гадкое. Фрэнкъ — пріѣхать. Елена — цѣловать Фрэнкъ. Земляника — очень вкусно». Цѣлый дневникъ!

А писать письма Еленѣ очень полюбилось. Ея деятельная натура требовала немедленнаго практическаго примѣненія выученнаго. 17-го іюня, ровно три съ половиной мѣсяца послѣ того, какъ въ ея рукѣ было начертано первое слово, и когда ей только-что стукнуло семь лѣтъ, она писала своей замужней кузинѣ слѣдующее посланіе (безъ знаковъ препинанія, безъ прописныхъ буквъ и безъ подписи):

елена пишетъ аннѣ джорджъ далъ еленѣ яблоко симпсонъ (**старшій братъ**) будетъ стрѣлять птицъ джэкъ (**другой братъ**) будетъ дать (**дасть**) еленѣ конфету докторъ будетъ дать милъдредъ лѣкарство мама будетъ дѣлать милъдредъ новое платье.

Въ сентябрѣ она писала слѣпымъ дѣвочкамъ въ Бостонѣ, которыми всегда очень интересовалась и къ которымъ собиралась въ гости. Замѣтенъ нѣкоторый успѣхъ въ послѣдовательности мысли и составленіи фразъ: правильно употреблены предлоги и союзы и прописная буква въ имени «Елена». Письмо подписано.

Елена будетъ писать маленькимъ слѣпымъ дѣвочкамъ письмо. Елена и **teacher** поѣдутъ въ гости къ маленькимъ слѣпымъ дѣвочкамъ. Елена и **teacher** поѣдутъ въ вагонѣ въ бостонъ. Елена и слѣпья дѣвочки будутъ веселиться слѣпья дѣвочки умѣютъ говорить пальцами Елена будетъ видѣть мистеръ анагносъ будетъ любить и цѣловать Елену. Елена будетъ учиться со слѣпыми дѣвочками. Елена умѣетъ читать и писать и считать какъ слѣпья дѣвочки милъдредъ не будетъ ѣхать въ бостонъ милъдредъ плачетъ принцъ и джумбо будутъ ѣхать въ бостонъ папа стрѣляетъ утки изъ ружья и утки падаютъ въ воду и джумбо и мѣми прыгаютъ въ воду и несутъ утокъ изъ воды во рту папѣ Елена играетъ съ собаками Елена ѣздитъ верхомъ съ **teacher** Елена даетъ лошаdkѣ траву изъ руки **teacher** подгоняетъ лошаdkу хлыстикомъ Елена слѣпа Елена вложить письмо въ конвертъ для слѣпыхъ дѣвочекъ. прощайте. Елена Келлеръ.

Мѣсяцъ спустя она пишетъ много свободнѣе и правильнѣе. Тутъ уже являются мѣстоименія, два-три прилагательныхъ, мѣстами даже точки:

Милыя слѣпья дѣвочки я напишу вамъ письмо благодарю васъ за хорошенькую конторку я писала мамѣ на ней и милъдредъ пріѣхала домой среду мама привезла мнѣ хорошенькое новое платье и шляпку папа ѣздилъ въ хѣнствиль онъ привезъ мнѣ яблокъ и конфетъ я и **teacher** поѣдемъ въ бостонъ васъ навѣстить нэнси — моя кукла она плачетъ я качиваю нэнси милъдредъ больна докторъ дасть ей лѣкарство вылѣчить ее, я и **teacher** пошли въ церковь воскресеніе мистеръ лэнъ читаль въ книгѣ и говорилъ дама играла на органѣ. я дала человѣку денегъ въ корзинку, я буду умница и **teacher** красиво завьетъ мои волосы, я расцѣлю маленькихъ слѣпыхъ дѣвочекъ. мистеръ анагносъ пріѣдетъ навѣстить меня.

Прощайте.

Елена Келлеръ.

Еще черезъ мѣсяцъ, — въ ноябрѣ — Елена писала доброму доктору Александру Грэхемъ Бэлль, ласку котораго она не забыла, хотя не понимала еще, **чѣмъ** она была обязана его вниманію и совѣту. Это уже — письмо, какъ письмо. Коротенькія фразы, но совершенно правильно составленныя, и прописныя буквы являются не только во всѣхъ собственныхъ именахъ, но и послѣ каждой точки. Замѣчательно, что съ самаго перваго опыта не встрѣчается у нея ни одной ошибки въ правописаніи. И вообще, для любого семилѣтняго ребенка такое письмо было бы замѣчательнымъ произведеніемъ:

Дорогой М-ръ Бэлль.

Я рада писать вамъ письмо. Отецъ пошлетъ вамъ портретъ. Я и Отецъ и тетя были у васъ въ Вашингтонѣ. Я играла вашими часами. Я люблю васъ. Я была у доктора въ Вашингтонѣ. Онъ смотрѣлъ мои глаза. Я умѣю читать въ моей книжкѣ. Я умѣю писать и считать, умница. Моя сестра умѣетъ ходить и бѣгать. Мы весело играемъ съ Джумбо. Принцъ нехорошая собака. Онъ не умѣетъ доставать птицъ. Крыса убила бэби-голубковъ. Мнѣ жаль. Крыса не знаетъ, что дурно. Я и мать и **teacher** поѣдемъ въ Бостонъ въ іюнѣ. Я буду видѣть маленькихъ слѣпыхъ дѣвочекъ. Нэнси поѣдетъ со мною. Она добрая кукла. Отецъ купитъ мнѣ хорошенькіе новые часы. Кузина Анна дала мнѣ красивую куклу. Ея имя Элли.

Прощайте.

Елена Келлеръ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что, при всей своей даровитости, Елена не могла бы такъ быстро усвоить великую науку человѣческой рѣчи, если бы не способствовала тому необыкновенная простота основъ англійскаго языка. Не говоря о томъ, что почти всѣ слова простаго обихода — односложныя или очень

коротенькія, они, вдобавокъ, почти неизмѣнны, такъ какъ существительныя и прилагательныя не имѣютъ ни падежей, ни рода, а послѣднія, вдобавокъ, даже множественнаго числа. Глаголы спрягаются очень просто и тоже съ весьма немногими измѣненіями. «Вы, вамъ, васъ,» все одно — «**you**», «мнѣ, меня», — «**me**», «мой, моя, мои» — «**tu**» во всѣхъ падежахъ; «дать, даю, даемъ, даете, даютъ, дай, дайте» — все «**give**»; «далъ, дала (я, онъ, она), дали, давали» (мы, вы, они) — все «**gave**»; и такъ всѣ глаголы. Для того, чтобы справиться съ нѣмецкой рѣчью, не говоря уже о русской, при всей талантливости, Еленѣ потребовалось бы много больше времени.

Изъ прежнихъ дурныхъ привычекъ у Елены сохранилась одна — ломать вещи. Если что-нибудь ей мѣшало, она швыряла предметъ на полъ, будь это стаканъ, кувшинъ, даже лампа — безразлично. Сколько ни перебывало у нея за весну новыхъ куколъ, она всѣ переломала, съ досады или со скуки. Наконецъ ей опять подарили новую куклу (въ концѣ мая), и миссъ Солливанъ рѣшилась какъ-нибудь вразумить ее, чтобы она ее не ломала. Для этого она разыграла цѣлую маленькую комедію. Она взяла руки дѣвочки, державшія куклу, и ими продѣлала всѣ движенія, будто она колотитъ голову куклы о столъ, и тутъ же написала въ ея рукѣ «Нѣтъ! нѣтъ! Елена злая, нехорошая. **Teacher** огорчена», — и провела руками ея по своему лицу, которому придала возможно вытянутое, печальное выраженіе. Затѣмъ она заставила ее ласкать куклу, цѣловать ушибленную голову, нѣжно прижимать ее къ груди, написала въ ладони: «Елена умница, **teacher** рада», — и дала ей рукой почувствовать на своемъ лицѣ улыбку. Елена съ величайшимъ вниманіемъ слѣдила за всѣми этими движеніями и сама нѣсколько разъ повторила ихъ съ перваго до послѣдняго, потомъ постояла съ минуту неподвижно со смущеннымъ выраженіемъ. Но вдругъ она просіяла, энергично написала «Елена умница», изобразила на лицѣ своемъ широкую, искусственную улыбку, унесла куклу наверхъ, тщательно уложила ее на самой верхней полкѣ шкапа, — и больше ни раза къ ней не прикоснулась! Какой именно умственный процессъ у нея произошелъ при этомъ, такъ никогда и не разъяснилось. Можетъ-быть, она разсудила, что если ей нельзя распоряжаться съ вещью, какъ хочетъ, значитъ, эта вещь уже не ея собственность, и лучше не имѣть съ нею никакого дѣла... Вспышки горячности проявлялись у нея все рѣже и весьма скоро вовсе прекратились. Вообще она поражала добротой, готовностью дѣлиться всѣмъ, что у нея есть, часто не оставляя себѣ почти ничего. Она очень любила наряды и красивыя вещи... Однако, когда она однажды надѣла хорошенькую кофточку, которой она очень гордилась, и мать замѣтила, что есть много маленькихъ дѣвочекъ, у которыхъ нѣтъ даже теплаго платья, она сейчасъ же начала стаскивать съ себя кофточку и сказала: «Надо дать бѣдной дѣвочкѣ»... Опрятность доходила у нея до страсти, такъ что она была положительно несчастлива, если въ одеждѣ своей замѣчала малѣйшій изъянъ, что-либо не зашитое, или подколотое, или т. п. Она требовала, чтобы ей волосы завивали въ папильотки, даже если она отъ сна валилась съ ногъ. Она очень любила мужчинъ и дружила съ ними охотнѣе, чѣмъ съ женщинами. И съ кѣмъ она только разъ встрѣтилась, того она уже всегда узнаетъ и пишетъ имя.

Лѣтнія жары въ этомъ году наступили очень рано, продолжались безъ перерыва и всѣхъ измучили. Бѣдная дѣвочка завяла, какъ цвѣтокъ безъ росы: блѣднѣла, худѣла, теряла аппетитъ и живость движеній. Она жаловалась своей наставницѣ: «Солнце гадкое; солнце надо уложить спать». Однажды, когда ее хотѣли послать за стаканомъ воды, она, всегда услужливая, протестовала: «Ноги очень устали; ноги плачутъ». Она плохо спала по ночамъ, и нервы пришли въ такое возбужденное состояніе, что родители не на шутку встревожились. Докторъ объявилъ, что мозгъ ея слишкомъ усиленно работаетъ и что необходимо до осени пріостановить занятія. Но какъ это было сдѣлать, когда настоящихъ уроковъ и безъ того не было, когда вся ея жизнь была какъ бы сплошнымъ урокомъ, который она сама себѣ задавала? Можно ли было помѣшать ей думать? Она начинала съ минуты пробужденія, и если ей не отвѣчали, то сама въ своей рукѣ писала, не переставая. «Не могу же я захлороформировать ее!» — въ отчаяніи восклицаетъ миссъ Солливанъ въ письмѣ къ своей бостонской пріятельницѣ. Она ее чаще занимала писаніемъ, чтобы механическимъ процессомъ отвлекать отъ головной работы; притомъ въ такую погоду ей лучше было поменьше бѣгать. Миссъ Солливанъ соблазняла ее и куклами, особенно обращая ея вниманіе на ея любимицу, старую Нэнси, но дѣвочка опять укладывала ее, объявляя, что «Нэнси очень больна», а на вопросъ: «что съ нею?» — отвѣчала: «зубы» (по примѣру маленькой сестры). Вдругъ, у нея явилась страсть все считать. Она пересчитала рѣшительно все въ домѣ, и миссъ Солливанъ застала ее за пересчитываніемъ словъ въ азбукѣ. «Только бы не вздумала считать волосы на нашихъ головахъ!» восклицаетъ она не безъ боязни, что это въ самомъ дѣлѣ могло случиться.

Моя маленькая ученица, — писала миссъ Солливанъ 31-го іюля того же достопамятнаго года, меньше полугода послѣ своего пріѣзда: — вступила въ вопросительную стадію своего развитія. Цѣлый день только и слышишь: «гдѣ? когда? откуда? что это?» и еще чаще: «почему? зачѣмъ? отчего?» Я припоминаю, какъ меня иногда раздражало дѣтское любопытство; но теперь я поняла, что это — **дверь, черезъ которую ребенокъ входитъ**

въ міръ разума и размышленія. Почему плотникъ знаетъ, какъ надо строить домъ? Кто вложилъ цыпленка въ яйцо? Почему Виргинія черна? Можно ли мухъ научить, чтобъ не кусали? — и пр.

Началась эта полоса уже съ іюня, когда стали выводиться цыплята. Еленѣ дали въ руки яйцо, когда цыпленокъ уже начиналъ пробивать клювомъ скорлупу. Ея удивленію не было границъ. Немного спустя ей показали новорожденныхъ поросятъ. Она тотчасъ же спросила: «Бэби- свинка выросла въ яйцѣ? Гдѣ скорлупа?»

Какъ-то зашла рѣчь о «плотникѣ», и это послужило темой для разговоръ и разсказовъ на весь тотъ день. Наконецъ, Елена спросила: «А меня тоже плотникъ сдѣлалъ?» но тутъ же, не дождавшись отвѣта, спохватилась: «Нѣтъ, меня фотографъ сдѣлалъ въ городѣ».

Въ томъ же ближайшемъ городѣ былъ открытъ чугунно-литейный заводъ, и вся семья поѣхала осмотрѣть его. Почувствовавъ страшную жару отъ большой желѣзоплавильной печи, Елена испугалась и спросила, чтò случилось, упало солнце?

Къ числу «неудобныхъ» вопросовъ принадлежали тѣ, которые каждому ребенку, живущему въ деревнѣ, неизбѣжно подсказываютъ окружающія его явленія вѣчно обновляющейся природы, тò, что можно назвать «тайной жизни». Съ обыкновенными дѣтьми такіе вопросы, при помощи разныхъ уловокъ, долгое время можно до извѣстной степени обходить. Другое дѣло съ такимъ ребенкомъ, какъ Елена, одареннымъ столь сильнымъ, пытливымъ умомъ, вдвойнѣ сосредоточивающимся на разъ овладѣвшемъ имъ предметѣ, по невозможности отвлекаться отъ него постояннымъ наплывомъ безчисленныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Неудивительно, если молодая, еще неопытная наставница пугалась серьезности задачи, разрѣшеніе которой, со всѣми послѣдствіями, лежало на ея полной, никѣмъ не раздѣляемой отвѣтственности.

Хоть бы прекратились всѣ эти рожденія! — съ полукомическимъ отчаяніемъ восклицаетъ она 28-го августа. — А то — «новые щенята», «новые бэби», «новые телята», — безъ конца! И все это постоянно сильно возбуждаетъ пыливость Елены: «откуда?» да «отчего?» Появленіе новаго бэби на черной половинѣ на-дняхъ послужило поводомъ къ новому потоку разспросовъ: откуда берутся дѣти и вообще живыя существа? Гдѣ Лейла достала новаго бэби? Какъ докторъ зналъ, гдѣ найти бэби? Просила ли Лейла доктора достать ей совсѣмъ маленькаго новаго бэби? Гдѣ докторъ нашель Гвидо и Принца (новыхъ щенятъ)? Почему Елизавета приходится Эвелинѣ сестрой? и т. д., и т. д. Я сообразила, что необходимо поступить рѣшительно. Если Еленѣ пришла пора ставить такіе вопросы, моей обязанностью было отвѣчать на нихъ. Мнѣ кажется, что въ такихъ случаяхъ врать дѣтямъ или отдѣлываться всякимъ вздоромъ — большая ошибка. **Я съ самага начала поставила себѣ за правило отвѣчать на всѣ вопросы Елены, насколько я умѣла, понятно для нея и въ то же время правдиво...** Въ нашихъ краяхъ нѣтъ ни одного человѣка, къ кому я бы могла обратиться за совѣтомъ. Единственное, чтò мнѣ остается, это — идти своимъ путемъ и не бояться сдѣлать иной разъ ошибку. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, я ошибки не сдѣлала. Я въ простыхъ словахъ разсказала ей о жизни растений. Я напомнила ей о томъ, какъ она весной сажала въ саду кукурузныя зерна, бобы и арбузныя сѣмячки, и какъ изъ нихъ выросли высокая кукуруза, бобы и арбузы. Я объяснила, какъ земля держитъ сѣмена въ теплѣ и влагѣ до тѣхъ поръ, пока ростки и листочки настолько не укрѣпятся, что могутъ протолкнуться на свѣтъ и воздухъ, и тогда уже развиваются, растутъ, цвѣтутъ и производятъ новыя сѣмена, изъ которыхъ пойдутъ новыя растения. Я указала на сходство между жизнью растений и жизнью животныхъ, объяснила, что сѣмя то же яйцо и яйцо — то же сѣмя, но что курица и вообще птица держатъ яйца свои въ теплѣ и сухости, пока цыплятки и птенчики сами не выйдутъ изъ нихъ. Я наглядно показала ей, что всякая жизнь идетъ отъ яйца, что яйцо можно назвать колыбелью жизни. Мать-птица кладетъ яйца въ гнѣздо. Мать-рыба кладетъ ихъ въ вѣрное мѣсто. Наконецъ, я перешла къ тому, что другія животныя (собака, корова и пр.) и мать-человѣкъ не кладутъ яицъ, а до поры до времени держатъ своихъ бэби и питаютъ ихъ въ собственномъ тѣлѣ. Мнѣ не трудно было объяснить ей, что если бы растения и животныя не производили на свѣтъ себѣ подобныхъ, они перестали бы существовать, и жизнь скоро вымерла бы на землѣ. Предметъ былъ трудный, знанія мои слишкомъ ограничены; но я рада, что не уклонилась отъ отвѣтственности, потому что, какъ ни хромало объясненіе мое, оно затронуло глубокія, отзывчивыя струны въ душѣ моей маленькой ученицы, и легкость, съ какою она

постигла великіє основныє факты жизни, подтвердила мое убѣжденіє, что въ ребенкѣ, когда онъ родится на свѣтъ, уже дремлетъ сознание всего, испытаннаго человѣчествомъ. Это — словно фотографическіє негативы, пока рѣчь не проявитъ ихъ и не вызоветъ наружу сокровенныхъ, унаслѣдованныхъ картинъ.

Около того же времени Елену почему-то особенно заинтересовали цвѣта. Она заставила миссъ Солливанъ «описать» (!) ей цвѣтъ каждого предмета въ домѣ и внѣ дома. Узнавъ, что глаза у ея маленькой сестры голубые, она спросила: «Какъ маленькое небо?» А когда ей дали цвѣтокъ гвоздики и сказали, что онъ «алый», она надула губки и спросила: «Губы, какъ гвоздика?» Наконецъ, она озадачила свою наставницу такимъ вопросомъ: «Какого цвѣта — думать?» то-есть «какого цвѣта наши мысли?» и, получивъ въ отвѣтъ что наши мысли — свѣтлыя, когда мы добры и веселы, и темныя, когда мы злы или печальны, вдругъ рѣшила: «Я думаю — бѣлое; Виргинія думаетъ — черное», согласуя цвѣтъ мысли съ цвѣтомъ кожи, чѣмъ очень насмѣшила миссъ Солливанъ.

Мнѣ не вѣрится, — пишетъ послѣдняя по этому поводу: — чтобы цвѣтотыя впечатлѣнія, полученныя ею въ первые девятнадцать мѣсяцевъ ея жизни, пропали совсѣмъ безслѣдно. Все, что мы видѣли и слышали гдѣ-нибудь, запечатлѣвается у насъ въ мозгу, хотя бы до неузнаваемости смутно и блѣдно. Елена много говоритъ о такихъ вещахъ, о которыхъ она не можетъ знать путемъ одного осязанія. Она много спрашиваетъ о небѣ, о днѣ и ночи, о морѣ и горахъ.

Осенью въ городъ пріѣхалъ весьма порядочный циркъ. Елену, конечно, повезли туда, и открывшееся передъ ея любознательностью обширное новое поле всецѣло поглотило ея вниманіє и на нѣкоторое время отвлекло ея мысли отъ слишкомъ глубокихъ, преждевременно смущавшихъ ее, вопросовъ, на которые было не такъ удобно отвѣтить, какъ на вопросы о дикихъ звѣряхъ и ихъ нравахъ. Появленіє интересной дѣвочки въ циркѣ было событіємъ для «артистовъ» и служащихъ. Они чуть не забыли о публикѣ, занявшись почти исключительно маленькой гостью; позволяли ей ощупывать «добрыхъ» звѣрей, сажали ее на слона (на колѣни къ «Восточной Принцессѣ»), и слонъ торжественно обошелъ съ нею весь циркъ. Она гладила и ласкала львятъ и, когда ей объяснили, что они не всегда будутъ такіє смиренныє, точно котята, а вырастутъ сильныє и свирѣпыє, она непременно хотѣла взять ихъ домой: «Я ихъ научу быть добрыми». Большой черный медвѣдь, стоя на заднихъ лапахъ, преважно подаль ей свою громадную лапу и сдѣлалъ ей вѣжливый «*Shake-hands*»³. Она была въ восторгѣ отъ обезьянъ и слѣдила за всѣми ихъ фокусами, не отнимая отъ нихъ рукъ; одна шалуныя стащила ленту съ ея волосъ, другая старалась сорвать цвѣты съ ея шляпы. «Не знаю, — замѣчаетъ миссъ Солливанъ: — кому было веселѣе: обезьянамъ, Еленѣ или зрителямъ». Одинъ ручной леопардъ даже лизалъ ей руки, и сторожъ поднялъ ее на рукахъ до головы жирафа. Клоуны, акробаты, наѣздники давали ей щупать свои костюмы, нарочно для нея продѣлывали разные фокусы, за которыми она могла слѣдить руками, и она въ благодарность всѣхъ перецѣловала. Многіє со слезами ласкали ее. Замѣчательно, что, когда левъ громко зарычалъ, Елена такъ отчетливо почувствовала сотрясеніє, что весьма точно подражала звуку. Съ верблюдомъ вышло затрудненіє. Ей не позволили близко подойти къ нему, и миссъ Солливанъ сомнѣвалась, удалось ли ей дать дѣвочкѣ вѣрное понятіє о его наружности. «Но немного дней спустя, — писала она пріятельницѣ: — я услышала странную возню въ дѣтской и, войдя туда, застала Елену на четверенькахъ, съ большой подушкой, привязанной ремнемъ у нея на спинѣ такъ, что образовалась впадина посерединѣ и два горба по бокамъ. Въ эту впадину она ухитрилась посадить куклу и возила ее вокругъ комнаты. Я нѣсколько минутъ глядѣла, какъ она выступала длинными шагами, стараясь осуществить мое описаніє походки верблюда. Когда я ее спросила, что она дѣлаетъ, она отвѣтила: „Я очень смѣшной верблюдъ!“ Чтобы отвѣчать на всѣ ея вопросы, мнѣ пришлось ужасно много перечитать о животныхъ. Я, право, сама обратилась въ ходячій звѣринецъ».

Впрочемъ, Елена любила не одни рассказы о животныхъ, а вообще всякія «исторіи» и сказки, какъ любой нормальный ребенокъ, и, подобно другимъ дѣтямъ, настаивала, чтобы любимыя сказки ей повторяли часто и непремѣнно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Миссъ Солливанъ жалуется, что сказку о «Красной Шапочкѣ» она рассказывала столько разъ, что могла бы, кажется, начать съ послѣдняго слова, и такъ назадъ до перваго. Она, какъ и всѣ дѣти, да отчасти и «большіє», особенно любила «страшныя» и «трогательныя» исторіи: «такъ пріятно поплакать, когда собственно не о чемъ», — философствуетъ миссъ Солливанъ, и продолжаетъ: — «Я ей даю небольшіє стихи учить наизусть. Это запечатлѣвается въ памяти прекрасныя мысли и, я думаю, служить стимуломъ всѣмъ способностямъ, потому что дѣйствуетъ на воображеніє. Конечно, я не пытаюсь всего объяснять; это не оставляло бы работы собственной мысли. **Объясняя слыш-**

³ Рукопожатіє.

комъ много, мы направляемъ вниманіе ребенка на слова и фразы, въ ущербъ смыслу въ цѣломъ. Нельзя читать, да и говорить, пока не забудешь о техникѣ словъ и фразъ».

Конецъ года. Наступало Рождество съ его радостнымъ настроеніемъ, праздничной суетой, начинающейся задолго до самаго дня и впередъ располагающей сердца къ чистѣйшему изо всѣхъ наслажденій, — отъ радости, доставляемой другимъ. Въ жизни Елены это первое, сознательно празднуемое ею, Рождество было одною изъ тѣхъ вѣхъ, по которымъ отъ времени до времени измѣряется пройденный путь. Какъ было родителямъ и близкимъ не сравнивать этотъ праздникъ съ предыдущимъ, когда толченіе миндаля и чищеніе изюма, да лизаніе сладкой ложки представлялись бѣдняжкѣ верхомъ увеселенія! Впрочемъ, и она сама тогда уже прекрасно сознавала разницу, какъ мы увидимъ изъ страницы, посвященной этимъ памятнымъ днямъ въ ея автобіографіи. Однако, первое мѣсто по праву принадлежитъ разсказу ея наставницы, которое мы находимъ въ ея дневникѣ, — каковымъ, по справедливости, могутъ назваться ея письма къ бостонской пріятельницѣ, миссисъ Хопкинсъ.

Вся рождественская недѣля вышла у насъ очень хлопотливая. Елена приглашена на всѣ дѣтскіе праздники, и я беру ее всюду, куда успѣваемъ. Я хочу, чтобы она знакомилась съ дѣтьми и проводила съ ними по возможности больше времени. Нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ выучились ручному алфавиту и очень этимъ гордятся. Онѣ уговорили одного мальчика лѣтъ семи выучить буквы, и онѣ Еленѣ написали въ руку свое имя. Она была въ восторгѣ и на радостяхъ крѣпко обняла его и расцѣловала, чѣмъ немало его сконфузила.

Въ субботу въ школѣ была елка, и я повела на нее Елену. Она въ первый разъ видѣла елку и была сильно озадачена, дѣлала множество вопросовъ: — «Кто велѣлъ дереву расти въ домѣ? Зачѣмъ? Кто навѣшалъ столько вещей на дерево?» Ей не понравилось, что фрукты беспорядочно развѣшены; она принялась снимать ихъ, очевидно воображая, что они всѣ для нея. Впрочемъ, мнѣ не трудно было объяснить ей, что тутъ подарки для другихъ, для каждаго ребенка что-нибудь, и ей, къ великому ея удовольствію, было позволено раздать ихъ. Нашлось нѣсколько подарковъ и для нея. Она ихъ отложила на стулъ и не поддавалась искушенію освидѣтельствовать ихъ, пока всѣ дѣти не получили своихъ. Одной дѣвочкѣ какъ-то досталось меньше другихъ, и Елена настояла, чтобы подѣлиться съ нею изъ своего запаса. Очень мило было видѣть, съ какимъ участіемъ дѣти относились къ Еленѣ и какъ всѣ старались угодить ей. Началась церемонія въ 9 час. веч., и намъ не удалось уйти раньше 1 ч. пополудни. У меня болѣла голова и пальцы; Елена же была такъ же свѣжа и бодр, какъ, когда мы вышли изъ дома.

Послѣ обѣда выпалъ снѣгъ, и мы славно по немъ побѣгали; затѣмъ послѣдовала интересная бесѣда о снѣгѣ. Утромъ въ воскресенье вся земля была покрыта имъ, и мы съ Еленой и дѣтьми кухарки играли въ снѣжки. Къ полудню снѣгъ весь исчезъ. Рождественское время послужило поводомъ ко многимъ бесѣдамъ и обогатило Еленинъ лексиконъ многими новыми словами.

Нѣсколько недѣль мы только и говорили, и читали, что о Рождествѣ, и рассказывали другъ другу рождественскія исторіи. Я, конечно, не пытаюсь объяснять каждое новое слово, и Елена не вполне понимаетъ все то, что я ей рассказываю; но частымъ повтореніемъ слова и фразы запечатлѣваются въ ея умѣ, и смыслъ мало-по-малу самъ собою открывается ей. **Я не вижу смысла въ томъ, чтобы искусственно сочинять разговоры съ цѣлью научить ребенка говорить. Это глупо и мертво, равно для учителя и ученика. Разговоръ долженъ литься естественно и имѣть единственной цѣлью обмѣнъ мыслей.** Если у ребенка въ головѣ нѣтъ ничего, что бы требовалось сообщить, то стоитъ ли заставлять его писать на черной доскѣ или продѣлывать пальцами готовыя фразы о «собакѣ», «кошкѣ», «птичкѣ»? **Я съ самаго начала всегда старалась говорить съ Еленой естественно и ее учила говорить мнѣ только то, что ее интересуешь, и дѣлать вопросы только, когда она дѣйствительно желаетъ что-нибудь узнать.** Когда я вижу, что ей очень хочется что-либо сказать мнѣ, но мѣшаетъ ей незнаніе словъ, я ихъ подсказываю, а также нужные обороты, — и чудесно. Ея желаніе высказаться и заинтересованность въ данномъ предметѣ переносятъ ее черезъ многія препятствія, которыя окончательно сшибли бы насъ, если бы мы передъ каждымъ останавливались для объясненій. Что бы было, какъ вы думаете, если бы кому-нибудь вздумалось измѣрять наши способности нашимъ

умѣнемъ сдѣлать «опредѣленіе» самыхъ употребительныхъ, обиходныхъ словъ? Я, по крайней мѣрѣ, навѣрно попала бы въ низшій классъ въ школѣ для слабоумныхъ.

Было трогательно и отраднo смотрѣть, какъ Елена наслаждалась своимъ первымъ Рождествомъ. Само собой разумѣется, она вывѣсила чулокъ, даже два чулка, чтобы «Санта-Клаусъ»⁴ какъ-нибудь не прошелъ мимо, долго лежала — не спала и раза два или три вставала посмотреть, не случилось ли что. Когда я сказала ей, что онъ не придетъ, пока она не заснетъ, она закрыла глаза и сказала: «Онъ подумаетъ, что дѣвочка спитъ». Она проснулась рано-рано и побѣжала къ камину свидѣтельствовать чулокъ. Убѣдившись, что оба чулка биткомъ набиты, она съ минуту попрыгала, поплясала, но вдругъ присмирѣла, подошла ко мнѣ и спросила: «какъ я думаю, не ошибся ли Санта-Клаусъ, не подумалъ ли, что тутъ живутъ двѣ дѣвочки, и не вернется ли, чтобы отобрать лишніе подарки, когда замѣтитъ свою ошибку?» Колечко, которое вы ей послали, было на самомъ днѣ чулка, гдѣ большой палецъ, и когда я ей сказала, что это вы его дали дѣду для нея, она сказала: «Я крѣпко люблю миссисъ Хопкинсъ». Между ея подарками былъ сундучокъ съ гардеробомъ для Нэнси. Она на это сказала: «Теперь Нэнси пойдетъ на балъ.» Когда она нашла бумагу и аппаратъ для писанія **брайлемъ**, она сказала: «Теперь буду писать много писемъ и буду очень благодарить Санта-Клауса». Видно было, что всѣ, особенно отецъ и мать, глубоко растроганы разницей между этимъ Рождествомъ и предыдущимъ, когда ихъ умная дѣвочка не принимала сознательнаго участія въ празднествахъ. Когда мы сошли внизъ въ гостиную, миссисъ Келлеръ сказала мнѣ со слезами на глазахъ: «Миссъ Анни, каждый день жизни моей благодарю я Бога за то, что Онъ послалъ васъ намъ; но никогда до сегодняшняго утра я вполне не оцѣнила, какая вы для насъ благодать». Капитанъ взялъ мою руку, но не могъ говорить. Молчаніе его было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. И мое сердце было преисполнено радости и благодарности... Великое это дѣло, — сознаніе, что ты приносишь нѣкоторую пользу на свѣтѣ, что ты кому-нибудь нуженъ. Увѣренность, что я Еленѣ необходима почти во всемъ, дѣлаетъ меня сильной и радостной.

Послушаемъ теперь, какимъ живетъ это достопамятное время въ воображеніи самой Елены, на разстояніи шестнадцати лѣтъ.

Первое Рождество послѣ того, какъ миссъ Солливанъ пріѣхала къ намъ, было крупнымъ событіемъ. Каждый членъ семейства готовилъ сюрпризъ для меня; но что больше мнѣ нравилось, — миссъ Солливанъ и я готовили сюрпризы для всѣхъ и каждого. Величайшей забавой и восторгомъ была для меня таинственность, окружавшая подарки. Родные мои и близкіе всячески раздражали мое любопытство полунамеками, искусными недоговорами на полсловъ. Миссъ Солливанъ и я сдѣлали изъ отгадыванія игру, которая научила меня употребленію рѣчи больше цѣлаго курса уроковъ. Каждый вечеръ, сидя передъ каминомъ, въ которомъ пылали не угли, а сухія дрова, мы играли въ нашу игру, которая все больше волновала меня по мѣрѣ приближенія праздника.

Въ самый канунъ Рождества въ школѣ была елка, на которую дѣти пригласили меня. По серединѣ классной стояло красивое дерево, залитое мягкимъ свѣтомъ, и вѣтви его были увѣшаны странными, чудными фруктами. Это была несказанно счастливая минута. Я прыгала и плясала вокругъ дерева въ какомъ-то экстазѣ. Когда я узнала, что есть подарки для каждого ребенка, я пришла въ восторгъ; добрые люди, приготовившіе ихъ, позволили мнѣ раздать ихъ. Въ радостномъ возбужденіи отъ этого разрѣшенія, я не стала разсматривать свои собственные подарки; но когда дошла до меня очередь, нетерпѣніе, съ которымъ я ждала начала настоящаго Рождества, достигло крайнихъ предѣловъ. Я знала, что полученные уже мною подарки не тѣ, о которыхъ мнѣ дѣлались такіе соблазнительные намеки, да и наставница моя сказала мнѣ, что предстоящіе подарки будутъ еще лучше. Однако, меня уговорили до поры до времени довольствоваться вещами съ елки и дожидаться слѣдующаго утра.

⁴ «Санта-Клаусъ» — св. Николай, который, будто бы, въ ночь на Рождество пріѣзжаетъ съ дальняго сѣвера на саняхъ, запряженныхъ оленями и нагруженныхъ игрушками и всякими подарками, и, спустившись въ трубы каминовъ, набиваетъ игрушками вывѣшенные дѣтьми чулки.

Послѣ того, какъ я вывѣсила чулокъ, я долго лежала, не могла заснуть, но притворилась спящею, въ ожиданіи того, что станетъ дѣлать Санта-Клаусъ, когда придетъ. Наконецъ, я заснула, держа въ объятіяхъ новую куклу и бѣлаго медвѣдя. На утро я первая подняла всю семью. Я находила «сюрпризы» не только въ чулкѣ, но и на столахъ, на всѣхъ стульяхъ, у дверей, даже на подоконникѣ; я едва могла ступить, чтобы не наткнуться на что-нибудь обернутое въ тонкую бумагу. Но когда моя наставница презентовала мнѣ канарейку, чаша моего блаженства переполнилась. Крошка Тимъ былъ такой ручной, что прыгалъ ко мнѣ на палецъ и клевалъ пищу изъ моей руки. Миссъ Солливанъ научила меня уходу за нимъ. Каждое утро тотчасъ послѣ завтрака я готовила ему ванночку, чистила его клѣтку, наполняла его чашечки водой и кормомъ и прикрѣляла пучокъ травки къ его качелькѣ...

Трудно было бы рѣшить вопросъ: кому принесъ больше радости этотъ конецъ года, богатаго не только прекрасными начинаніями, но и столькими сверхъ ожиданія отрадными результатами, — родителямъ ли, избавленнымъ, словно какимъ-то волшебствомъ, отъ гнетущаго страха за будущее любимаго дитяти и отъ страданія за него въ настоящемъ, или молодой дѣвушкѣ, которая, при всей скромности, должна же была сознавать, что ея рукой посѣяны, выхолены благія сѣмена, уже въ нѣсколько мѣсяцевъ давшія такіе чудные всходы и обѣщающія такую роскошную жатву даже въ недалекомъ будущемъ? Работникъ вполне законно можетъ любоваться собственной трудной и успѣшно совершенной имъ работой, и въ такомъ-то законномъ довольствѣ собой найдетъ и лучшую свою награду, и неистощимыя силы на дальнѣйшій подвигъ, особенно если это, какъ въ настоящемъ случаѣ, подвигъ, не законченный однимъ могучимъ подъемомъ всего существа навстрѣчу одной задачѣ, а такой, который будетъ продолжаться многіе годы, требуя неослабѣвающаго ни на минуту духовнаго напряженія, постоянного, такъ сказать, самообновленія въ сознаніи приносимой великой пользы, и великаго счастья. И теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, какими трогательными, въ виду достигнутаго полного успѣха, являются колебанія, сомнѣнія въ собственныхъ силахъ, которыя эта удивительная женщина на первыхъ порахъ иногда высказывала въ письмахъ къ своей единственной задушевной пріятельницѣ!

Работа моя, — писала она въ концѣ мая 1887 г.: — съ каждымъ днемъ болѣе поглощаетъ меня. Елена — удивительный ребенокъ... Она теперь знаетъ уже до трехсотъ словъ и очень много употребительныхъ фразъ и оборотовъ, **а нѣтъ еще трехъ мѣсяцевъ, какъ она выучила первое слово.** Какое рѣдкое счастье слѣдить за пробужденіемъ, развитіемъ, первымъ слабымъ полетомъ этой даровитой души! Если бы только я была лучше подготовлена къ этой великой задачѣ! Я съ каждымъ днемъ болѣе сознаю, что она мнѣ не по силамъ. Голова моя полна идей, но я не могу приискать для нихъ практическую форму. Умъ мой недисциплинированъ, все у меня прыжки да пробѣлы, и вдругъ — цѣлая куча мыслей въ какомъ-нибудь темномъ углу. Какъ мнѣ хочется все это привести въ порядокъ! Ахъ, если бы только я имѣла кого-нибудь, кто бы мнѣ помогъ!.. Я знаю, что воспитаніе этого ребенка будетъ единственнымъ событіемъ и подвигомъ моей жизни, только бы хватило у меня ума и выдержки.

Но бодрость духа никогда надолго не покидала эту сильную натуру: вслѣдъ за такими унылыми строками прорывается то гордое самосознаніе, та увѣренность въ себѣ, которыя неразлучны съ истиннымъ талантомъ и не имѣютъ ничего общаго съ самохвальствомъ:

...Я вамъ должна кое-что сказать, — пишетъ миссъ Солливанъ всего нѣсколько дней послѣ приведеннаго письма: — **но только** вамъ, на ушко. Что-то такое во мнѣ твердитъ мнѣ, что я буду имѣть успѣхъ, превышающій всѣ мои мечты. Если бы не то, что такая мысль является въ высшей степени невѣроятной, даже нелѣпой, я бы сказала, что воспитаніе Елены превзойдетъ по удивительнымъ результатамъ даже то, чего достигъ докторъ Хау. Я знаю, что у нея замѣчательныя способности, и вѣрю, что мнѣ удастся развить и направить ихъ. **Не могу сказать, какъ я знаю все это.** Еще не такъ давно я понятія не имѣла, какъ приступить; я ощупью пробиралась во мракѣ. Но теперь я какимъ-то способомъ знаю и сознаю, что знаю. Объяснить этого не могу. Но когда возникаютъ трудности, я не теряю головы, не впадаю въ сомнѣнія. Я знаю, какъ именно съ ними справиться; я какъ-то угадываю, въ чемъ именно нуждается Елена. Прямо — чудо!

Необыкновенная сила и здравость этой честной, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти примитивной, непосредственной натуры сказывается, между прочимъ, въ одной довольно рѣдкой чертѣ: въ презрительномъ нетерпѣніи, съ которымъ миссъ Солливанъ относится къ похваламъ, — по ея мнѣнію, преувеличеннымъ,

— воздаваемымъ ей и даже ея любимой ученицѣ. Ей противны всякіе оміамы, всякія преувеличенныя похвалы. На бѣду директоръ института Перкинса, м-ръ Анагнось, былъ склоненъ именно къ этимъ ненавистнымъ ей приемамъ. Въ своихъ годичныхъ отчетахъ, упоминая о ея занятіяхъ съ Еленой, онъ «кадитъ» ей въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ и этимъ вызываетъ довольно забавную выходку въ ея письмѣ къ миссисъ Хопкинсъ:

Вчера я получила «отчетъ». Я цѣню любезности, которыя мистеръ Анагнось говоритъ объ Еленѣ и обо мнѣ, но выспренность его раздражаетъ меня. Простые факты вышли бы гораздо убѣдительнѣе. Къ чему, напр., онъ потрудился приписать мнѣ побужденія, которыя никогда не снились мнѣ? Вы знаете, и онъ знаетъ, и я знаю, что меня сюда завлекла отнюдь не филантропія. Ну, не смѣшно ли съ его стороны, говорить, что я будто бы такъ обильно прониклась благороднымъ духомъ д-ра Хау, что возгорѣлась желаніемъ исторгнуть изъ мрака и неизвѣстности маленькую алабамку! Я поѣхала сюда просто потому, что обстоятельства ставили меня въ необходимость зарабатывать свой хлѣбъ, и я схватилась за первый представившійся случай, хотя ни я, ни онъ не подозревали, чтобы я обладала особенными способностями для предлагаемой мнѣ задачи.

Положимъ, миссъ Солливанъ въ своей суровой правдивости заходитъ слишкомъ далеко. Если она первоначально, подъ гнетомъ обстоятельствъ, и приняла это мѣсто, какъ приняла бы всякое другое, однако она готовилась къ нему съ глубокимъ сознаніемъ святости задачи, которую она принимала на себя; чувство отвѣтственности часто удручало ее, и она **любила** свою будущую воспитанницу еще прежде, чѣмъ въ первый разъ увидѣла ее. Ужъ очень досадилъ ей бѣдный мистеръ Анагнось, думая, вѣроятно, доставить ей большое удовольствіе. Дѣло въ томъ, что между ихъ натурами, — его гибкой, тонко любезной греческой и ея прямой, пожалуй, немного угловатой сѣверной, — существовалъ, должно быть, коренной, несознанный антагонизмъ. При всей признательности, съ которою миссъ Солливанъ при каждомъ случаѣ отзывается о его добротѣ, участіи и вниманіи, у нея все проглядываетъ, — не въ словахъ, а въ тонѣ, въ чемъ-то неуловимомъ — какое-то неполное довѣріе, вѣрнѣе, отсутствие теплоты, сердечнаго расположенія. И, странное дѣло! чутье вѣрнаго сторожа любимаго дитяти не обмануло ее: когда это невинное, столь дорогое ей существо постигла первая великая бѣда, его рука, хотя и пассивно, нанесла самый жестокий ударъ. Но это еще далеко впереди. Въ тѣ радужные, праздничные дни, которые проводили въ вѣчность достопамятнѣйшій 1887 г., ни малѣйшая тѣнь не предвѣщала никакого горя.

Глава 6. Расцвѣтаніе

(1888—1891).

Первымъ крупнымъ событіемъ въ новой жизни счастливой малютки была поѣздка въ Бостонъ (въ маѣ 1888 г.), «въ гости къ слѣпымъ дѣвочкамъ». Ей предшествовало нѣсколько недалекихъ поѣздокъ, въ Хѣнтсвилъ къ бабушкѣ, въ Синсиннати съ дядей Келлеромъ, врачомъ, на съѣздъ врачей. Какая разница съ прошлогодними печальными поѣздками въ Бальтиморъ и Вашингтонъ! Вотъ какъ миссъ Солливанъ (во второмъ своемъ печатномъ отчетѣ, въ концѣ 1888 г.), описываетъ дѣйствіе на ея маленькую ученицу этихъ для нея, поистинѣ, волшебныхъ дней:

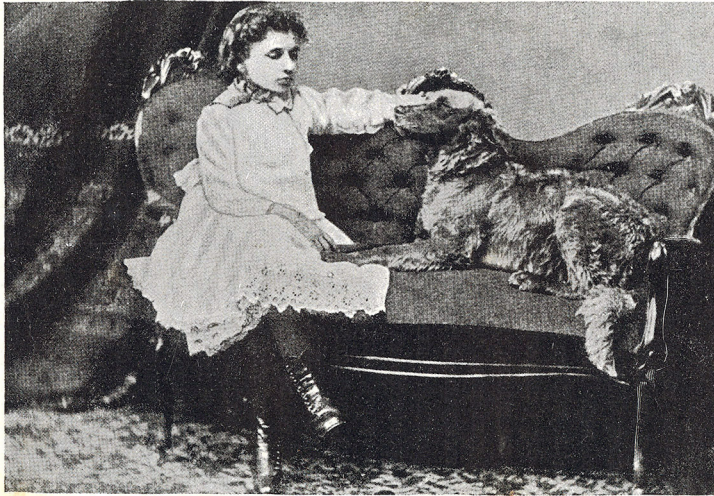
Во всю дорогу Елена упивается мыслями и рѣчью. Сидя подлѣ нея въ вагонѣ, я ей описываю все, что вижу изъ окна: горы, долины, рѣки, засаженные хлопкомъ поля, огороды, фруктовые сады, въ которыхъ растутъ земляника, персики, груши, дыни; стада коровъ и лошадей, пасущихся на обширныхъ лугахъ, и овецъ на зеленыхъ склонахъ; города съ ихъ церквами и школами, занятіями поглощенныхъ своими дѣлами людей, гостиницами и товарными складами. Во все время, пока я все это рассказываю, Елена проявляетъ живѣйшее участіе и, когда у нея не хватаетъ словъ, жеста и мимикой выражаетъ желаніе узнать еще и еще обо всемъ, что окружаетъ ее, и о великихъ силахъ, проявляющихся во всемъ. Этимъ способомъ она заучиваетъ безчисленные новыя выраженія безъ малѣйшаго замѣтнаго усилія.

Ничто такъ не удивляло всѣхъ, имѣвшихъ общеніе съ Еленой, какъ ея отзывчивость на такія впечатлѣнія, которыя, казалось, не могли вовсе и дойти-то до ея сознанія. Встрѣчались ли знакомые во время прогулокъ, она называла ихъ по имени почти въ ту же минуту, какъ узнавали ихъ бывшіе съ нею. Нерѣдко въ саду она издалека узнавала приближавшагося старшаго брата и бѣжала къ нему навстрѣчу. Эту удивительную чуткость, которая постоянно усиливалась съ годами, нельзя назвать однимъ изошреніемъ осязанія, такъ какъ многія впечатлѣнія передаются ей какимъ-то загадочнымъ токомъ, безъ прямого прикосновенія; она воспринимаетъ ихъ какъ-то всѣмъ своимъ существомъ. Вліяніе ирредметовъ на воздушные слои ей много говорить: такъ, она знаетъ, когда приближается къ стѣнѣ или высокому забору, по какой-то перемѣнѣ въ воздухѣ, для зрячаго совершенно незамѣтной.

Она не только узнаетъ друзей и знакомыхъ, лишь только прикоснется къ ихъ одеждѣ или рукамъ, — пишетъ миссъ Солливанъ въ томъ же отчетѣ: — но понимаетъ и настроеніе окружающихъ ее людей. Если человѣкъ, съ которымъ Елена бесѣдуетъ, особенно веселъ или грустенъ, нѣтъ никакой возможности это скрыть отъ нея. Она открываетъ смыслъ въ каждой перемѣнѣ положенія и въ выразительной игрѣ мышцъ руки... и до того изошрилась въ толкованіи этого бессознательнаго проявленія чувствъ, что нерѣдко угадываетъ наши мысли... Она научилась читать въ нѣкоторыхъ движеніяхъ тѣла гнѣвъ, досаду, въ другихъ — радость, въ третьихъ — огорченіе. Однажды она гуляла съ матерью и м-ромъ Анагносомъ, и какой-то мальчикъ бросилъ хлопушку, которая, разрываясь, испугала миссисъ Келлеръ. Елена мгновенно почувствовала перемѣну въ движеніяхъ матери и спросила: «Чего мы боимся?» Въ другой разъ, гуляя съ нею въ Бостонѣ, въ городскомъ саду, я видѣла, какъ полисменъ уводилъ какого-то человѣка въ часть. Волненіе мое, очевидно, произвело соотвѣтственную физическую перемѣну, потому что Елена тревожно спросила: «Что вы видите?»

Таблица 6.1. Елена Келлеръ (8-ми лѣтъ) со своей собакой «Джумбо»

Елена Келлеръ (8-ми лѣтъ) со своей собакой „Джумбо“.

Поразительный примѣръ этой способности мы видѣли недавно въ Синсиннати, куда ее возили къ ушнымъ врачамъ. Разными опытами старались окончательно установить, чувствительна ли она хоть сколько-нибудь къ звукамъ. Къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, она какъ будто слышала не только свистъ, но даже обыкновенный звукъ голоса. Она поворачивала голову, улыбалась, вообще вела себя, точно слышала разговоръ. Такъ какъ я стояла подлѣ нея и держала ее руку, то подумала, не черезъ меня ли она получаетъ впечатлѣнія, и положила ее руки на столъ, а сама отошла на другой конецъ комнаты. Тотчасъ же получились другіе результаты: Елена сидѣла неподвижно и никакіе опыты болѣе не отражались на ней. По моему совѣту, одинъ изъ врачей взялъ ее руку, и опыты были повторены. Лицо ея и теперь измѣнялось, когда къ ней обращались, но не такъ рѣшительно прояснялось, какъ когда я держала ее руку.

Сама Елена всего разъ упоминаетъ объ этой загадочной для постороннихъ чуткости, и то въ немногихъ строкахъ: «Обыкновенно думаютъ, что человекъ воспринимаетъ впечатлѣнія только черезъ глаза и уши, и потому дивятся, что я замѣчаю разницу между городскими улицами и деревенскими дорогами, помимо отсутствія въ послѣднихъ мостовой. Они забываютъ, что все мое тѣло ощущаетъ окружающія меня условія. Городской грохотъ и ревъ ударяютъ мнѣ въ лицевые нервы, я чувствую непрерывный топотъ тысячной толпы, и вся эта толкотня и суматоха отзываются во мнѣ какой-то тоской. Стукъ тяжелыхъ повозокъ о твердую мостовую и однообразный шумъ машинъ вдвойнѣ мучительно дѣйствуютъ на нервы, если вниманіе не отвлекается панорамой, постоянно проходящею передъ зрячими глазами».

Самымъ поразительнымъ проявленіемъ такой ничѣмъ необъяснимой способности былъ слѣдующій случай, который не знаемъ, куда отнести, — въ область ли физиологіи или психологіи. Это было вскорѣ по прибытіи миссъ Солливанъ, и Елена еще ничего не знала о смерти. Однажды мать ея и миссъ Солливанъ, гуляя, зашли съ нею на кладбище. Ей сказали, что идти въ большой садъ, гдѣ много прелестныхъ цвѣтвъ. Войдя въ ограду, она вдругъ присмирѣла и, немного погодя, коснулась рукой глазъ матери и миссъ Солливанъ, и сказала: «плакать, — много плакать». Сорвала нѣсколько цвѣтвъ, но тотчасъ бросила и все время, пока оставалась на кладбищѣ, была тиха и грустна.

Черезъ годъ съ небольшимъ случилось нѣчто не менѣе замѣчательное. Она тѣмъ временемъ успѣла ознакомиться съ фактомъ смерти: держала въ рукахъ застрѣленныхъ охотниками птичекъ; узнала о смерти больной лошади, которую она навѣщала, и о томъ, что ее «похоронили», — положили въ землю. Миссъ Солливанъ употребляла слово «умеръ, умершій», когда встрѣчалась надобность, но не пускалась въ объясненія. Въ первую бытность ихъ въ Бостонѣ, въ 1888 г., онѣ ѣздили въ гости въ небольшой сосѣдній городокъ къ миссъ Хопкинсъ, извѣстной уже пріятельницѣ миссъ Солливанъ, и тамъ произошло слѣдующее приключеніе:

Мы однажды зашли на кладбище; Елена была съ нами. Она изслѣдовала одну плиту за другою, и ей доставляло удовольствіе, когда удавалось разобрать имя. Она нюхала цвѣты,

но не хотѣла рвать ихъ и, когда я ихъ нарвала для нея несколько, не позволила приколоть ихъ себѣ къ платью. Наконецъ, вниманіе ея привлекла мраморная плита, на которой выпуклыми буквами было высѣчено имя «Флоренсъ». Она опустилась на землю и стала шарить руками, какъ бы ища чего-то, затѣмъ обратила ко мнѣ смущенное, опечаленное лицо и спросила: «Гдѣ бѣдная маленькая Флоренсъ?» Я уклонилась отъ отвѣта, но она настаивала и обратилась уже къ моей пріятельницѣ съ вопросомъ: «Вы очень плакали по бѣдной маленькой Флоренсъ»? Немного погодя, она сказала: «Я думаю, она очень мертвая. Кто положилъ ее въ большую яму?» Такъ какъ она не отставала съ этими тяжелыми вопросами, мы ушли съ кладбища. Флоренсъ была дочерью моей пріятельницы и умерла уже молодой дѣвушкой; но Еленѣ никто не говорилъ, и она даже не знала, что была дочь у моей пріятельницы. Послѣдняя передъ тѣмъ подарила Еленѣ кроватку и колясочку для ея куколь, и она играла ими, какъ всякой другой игрушкой; но по возвращеніи съ кладбища она побѣжала къ шкапу, достала игрушки и отнесла ихъ нашей хозяйкѣ со словами: «Это принадлежитъ бѣдной маленькой Флоренсъ». Это была правда, но какимъ образомъ она отгадала, мы понять не могли. Въ письмѣ къ матери она изобразила, какъ все это сложилось у нея въ головѣ:

Я укладываю своихъ бѣби въ постелькѣ бѣдной Флоренсъ и катаю ихъ въ ея колясочкѣ. Бѣдная маленькая Флоренсъ умерла. Она была очень больна и умерла. Миссисъ Х. очень плакала по своей малюткѣ. Она положена въ землю; тамъ очень грязно и холодно. Флоренсъ была очень хорошенькая, и миссъ Х. ее много цѣловала и миловала. Ей очень скучно въ большой ямѣ. Докторъ давалъ ей лѣкарства, чтобы она поправилась, но бѣдная не поправилась. Когда она была очень больна, она металась и стонала въ постели. Миссисъ Х. скоро навѣститъ ее.

Ученые полагаютъ, что во всѣхъ этихъ явленіяхъ играетъ нѣкоторую роль обоняніе, но невозможно удостовѣриться насколько, потому что Елена, подобно всѣмъ глухимъ, не любитъ, когда объ этомъ говорятъ. Миссъ Солливанъ въ своемъ второмъ отчетѣ посвящаетъ этому предмету нѣсколько интересныхъ строкъ:

Невозможно сказать въ точности, въ какой степени обоняние и вкусъ помогаютъ ей ознакомиться съ физическими свойствами; но, если вѣрить высокимъ научнымъ авторитетамъ, эти чувства имѣютъ большое вліяніе на умственное и нравственное развитіе человѣка. Елена, несомнѣнно, получаетъ отъ нихъ большое удовольствіе. Когда она входитъ въ оранжерею, лицо ея сіяетъ, и она по одному запаху говоритъ названія знакомыхъ ей цвѣтовъ. Воспоминанія ея объ ощущеніяхъ, вызванныхъ обоняніемъ, очень ярки. Ожиданіе запаха розы или фіалки тоже доставляешь ей удовольствіе. Если ей обѣщаютъ букетъ этихъ цвѣтовъ, лицо ея озаряется совсѣмъ особеннымъ, счастливымъ выраженіемъ, изъ котораго видно, что она въ воображеніи уже представляетъ себѣ ихъ благоуханіе, и что это представленіе ей пріятно. Часто случается, что запахъ цвѣтка или вкусъ плода напоминаетъ ей какое-нибудь счастливое происшествіе въ домашней жизни или праздникъ, бывшій въ ея рожденіе.

Что касается собственно звуковъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что она до тонкости **ощущаетъ** ихъ, и, какъ это ни странно, музыка доставляетъ ей большое удовольствіе; она любитъ стоять у рояля и держать руку на немъ, пока играютъ. Десятилѣтнимъ ребенкомъ она восхищалась большимъ органомъ, пущеннымъ во всѣ регистры съ педалями, и писала, что «въ церкви ей казалось, что она — скала, о которую со всѣхъ сторонъ бьются звуки, какъ морскія волны». Ритмичность сообщаемой ей вибраціи, вѣроятно, пріятно дѣйствуетъ на ея чуткіе нервы. Въ дѣтствѣ она очень любила рукой «слушать» мурлыканіе кошки, лай или игривое ворчаніе собаки, и однажды, когда она ласкала больную лошадь, стоны бѣднаго животнаго огорчили ее до слезъ. Кто-то научилъ ее телеграфному алфавиту, — точками и черточками, и миссъ Солливанъ придумала практическое примѣненіе этой наукѣ: замѣнила точки и черточки условнымъ постукиваніемъ ногой по полу и, такимъ образомъ, могла разговаривать съ Еленой на значительномъ разстояніи, такъ какъ она ощущала малѣйшій стукъ.

Ничто такъ не радовало и не удивляло родителей дѣвочки, какъ переменна, происшедшая въ ея нравѣ. Съ того дня, какъ она постигла тайну человѣческой рѣчи и получила возможность выражать свои чувства и мысли и вступить въ общеніе съ окружающими, она преобразилась. Слѣда не осталось прежняго свое-нравнаго, бѣшено вспылчиваго или тоскливо угрюмаго ребенка. Невозможно представить себѣ болѣе

спокойнаго характера, болѣе равномѣрно-свѣтлаго, добраго, веселаго настроенія. Гдѣ бы она ни была, — а она много путешествовала, — она со всѣми знакомилась и въ одну минуту дѣлалась центромъ кружка. И никому въ голову не приходило жалѣть ее. Одинъ господинъ въ Синсиннати сказалъ ея дядѣ, врачу: «Я долго прожилъ на свѣтѣ и видѣлъ много радостныхъ лицъ, но такого сіяющаго, какъ у этой дѣвочки, не видалъ никогда». Другой воскликнулъ: «Чортъ побери! я бы отдалъ полсостоянія, чтобы имѣть эту дѣвочку всегда около себя». Она занимала неожиданными забавными и иногда по-дѣтски остроумными выходками. Такъ, она до слезъ размѣшила одного знатнаго старика, который думалъ обрадовать ее поднесеніемъ красивой куклы, пресерьезно объявивъ ему: «Я не люблю слишкомъ много дѣтей. Нэнси все больна, Аделина злая, а Ида совсѣмъ дурно себя ведетъ».

При всей усиленной умственной дѣятельности, — далѣе писала миссъ Солливанъ (1888), — Елена — такое же дитя, какъ и всѣ, живая, шаловливая и очень любитъ быть съ другими дѣтьми... Она по цѣлымъ часамъ играетъ съ ними, не раздражаясь тѣмъ, что они не понимаютъ ея языка, и тогда прибѣгаетъ къ своимъ выразительнымъ жестамъ и мимикѣ. Иногда мальчикъ или дѣвочка захочетъ учиться ручной азбукѣ. Тогда трогательно смотрѣтъ, съ какимъ терпѣніемъ и неутомимой кротостью Елена старается привести неуклюжіе пальчики въ требуемое положеніе... Она очень любитъ дѣтей моложе себя, и младенецъ вызываетъ всѣ материнскіе инстинкты ея природы. Она такъ ловко управляется съ нимъ, какъ того можетъ пожелать самая взыскательная мать или няня. Прелестна также ея заботливость объ очень маленькихъ дѣтяхъ и готовность уступать ихъ прихотямъ.

Она вообще очень любитъ общество, особенно такихъ лицъ, которыя въ состояніи услѣдить за движеніями ея проворныхъ пальчиковъ. Впрочемъ, она умѣетъ сидѣть и одна, и по часамъ заниматься шитьемъ или вязаньемъ... Когда она одна читаетъ, она наклоняется надъ книгою съ сосредоточеннымъ видомъ, и въ то время, какъ она указательнымъ пальцемъ лѣвой руки слѣдитъ за строками, правой она продѣлываетъ всѣ слова, да такъ быстро, что даже при большемъ навыкѣ иногда не услѣдитъ за движеніями ея пальцевъ... На вопросъ, почему она такъ любитъ книги, она однажды отвѣтила: «Потому, что онѣ мнѣ рассказываютъ такъ много интереснаго о томъ, чего я не вижу, и онѣ никогда не устаютъ, какъ люди, а безъ конца повторяютъ, мнѣ то, что я хочу знать»... Нѣтъ того оттънка чувства, который не отражался бы въ ея подвижныхъ чертахъ. Она держитъ себя свободно и непринужденно, и все ея обращеніе проникнуто прелестью безусловной искренности и простоты...

Собираясь на сѣверъ, въ Бостонъ, Елена больше всего мечтала о двухъ предстоявшихъ ей свиданіяхъ: съ давно занимавшими ея воображеніе «маленькими слѣпыми дѣвочками » и съ моремъ. Первое впечатлѣніе отъ сознанія близости океана было потрясающее. Замѣчательно, что описаніе этого момента вышло у нея несравненно живѣе, даже художественнѣе въ упомянутомъ уже очеркѣ, напечатанномъ въ юношескомъ журналѣ «Youth's Companion» (въ 1892 г.), нежели въ ея недавно вышедшей въ свѣтъ автобіографіи. Приводимъ, поэтому, предпочтительно, отрывокъ изъ дѣтскихъ воспоминаній:

На другое утро послѣ нашего приѣзда я проснулась раненько. Взошелъ чудный лѣтній день, — день, въ который мнѣ предстояло познакомиться съ новымъ, таинственнымъ другомъ. Я встала, поспѣшно одѣлась и побѣжала внизъ изъ спальни. Я нашла **teacher** въ прихожей и просила ее тотчасъ же вести меня къ морю. «Еще рано, — отвѣчала она, смѣясь: — надо сперва позавтракать». Немедленно послѣ завтрака мы отправились. Дорога шла тропинкой, между низкими, песчаными пригорками, и я такъ спѣшила, что часто путалась ногами въ длинной, жесткой травѣ и со смѣхомъ валилась въ теплый, мягкій песокъ. Въ чудномъ, тепломъ воздухѣ стоялъ какой-то особенный запахъ, и я замѣтила, что онъ свѣжѣль, по мѣрѣ того, какъ мы шли впередъ.

Вдругъ мы остановились, и я поняла, безъ словъ, что у моихъ ногъ — море! Поняла я и то, что оно громадно, необъятно, грозно; и на мгновеніе словно солнце померкло. Но не думаю, чтобы я испугалась, потому что, немного погодя, когда я надѣла купальный костюмъ, и маленькія волны, подбѣгая, цѣловали мнѣ ноги, я закричала отъ радости и безстрашно устремилась въ прибой. Но, къ несчастью, я споткнулась о камень и упала лицомъ внизъ, въ холодную воду.

Тогда меня охватило страшное, ужасное чувство опасности. Соленая вода наполнила мнѣ глаза, захватила дыханіе, и большая волна вышвырнула меня на песокъ съ такой же лег-

костью, какъ какой-нибудь камешекъ. Послѣ этого я нѣсколько дней была очень робка, и меня насилу могли уговорить опять идти въ воду; но понемногу я опять осмѣлилась, и еще до конца лѣта для меня было величайшей забавой давать волнамъ подбрасывать и перекидывать меня...

Впечатлѣніе этой страшной минуты, впервые открывшей ей смыслъ слова и понятія «опасность», глубоко врѣзалось въ памяти дѣвочки, и, взрослая, она передаетъ его съ болѣе сознательнымъ анализомъ:

...Я выскочила на теплый песокъ и безъ малѣйшей боязни погрузилась въ прохладную воду. Я почувствовала, какъ большія волны то качали меня, то низко опускались. Движеніе несущей меня воды доставляло мнѣ обаятельное, трепетное наслажденіе. Вдругъ восторгъ уступилъ мѣсто ужасу: ударила нога моя о камень, и въ то же мгновеніе вода хлынула мнѣ черезъ голову. Я протянула руки, — ухватиться за что-нибудь, но пальцы мои уцѣпились только за длинныя морскія травы, которыми волны хлестнули мнѣ въ лицо. Я безумно билась, но тщетно. Волны словно играли мною, перекидывая меня отъ одной къ другой въ дикомъ веселіи. Это было ужасно! Добрая, твердая земля ушла изъ-подъ моихъ ногъ; эта странная, всепоглощающая стихія точно разомъ все затопила, — и воздухъ, и тепло, и любовь, и самую жизнь. Наконецъ, однако, море, какъ будто наскучивъ новой игрушкой, вышвырнуло меня на берегъ, и въ ту же секунду я почувствовала себя въ объятіяхъ моей наставницы. О, какъ долго, какъ нѣжно прижимала она меня къ груди своей, и какое это было счастье! Какъ только я оправилась отъ паники достаточно, чтобы быть въ состояніи что-нибудь сказать, я спросила: «Кто посолилъ воду въ морѣ?»

...Впослѣдствіи для меня не было большей забавы, какъ сидѣть въ купальномъ костюмѣ на скалѣ и чувствовать, какъ волна за волной разбивается о нее, всю меня обдавая мириадами мелкихъ брызгъ. Я чувствовала, какъ камешки катятся во всѣ стороны подъ тяжелымъ напоромъ водяной массы; весь берегъ потрясался ея страшнымъ натискомъ; въ воздухѣ словно трепеталъ бьющійся пульсъ. И вдругъ, волны разомъ отступали, чтобы собраться съ новыми силами для болѣе отчаяннаго набѣга, и я, бывало, крѣпко прильну къ моей скалѣ, съ напряженіемъ каждаго нерва, подъ грознымъ обаяніемъ, чувствуя грохотъ и ревъ разбушевавшейся стихіи.

Все это напоминаетъ приключеніе Елены на вишневомъ деревѣ съ налетѣвшей внезапно бурей. Вообще, всегда съ особеннымъ интересомъ читаются описанія всякихъ явленій въ томъ видѣ, какъ они передаются этому чуткому и высоко культурному существу безъ посредства чувствъ, отсутствіе которыхъ, на **нашъ** взглядъ, должно лишить несчастнаго, обойденнаго ими, возможности воспринимать тѣ впечатлѣнія, какія доступны другимъ людямъ. Какъ, на примѣръ, казалось бы, такому ребенку могла быть доступна красота сѣверной зимы въ контрастѣ съ мягкой зимой ея южной родины? Между тѣмъ, Елена очень тонко схватила характерныя черты этого новаго для нея явленія: — «Я помню, съ какимъ удивленіемъ я открыла, что таинственная рука обнажила всѣ деревья и кусты, только кое-гдѣ оставивъ сморщенный листикъ. Птички улетѣли, а ихъ пустыя гнѣзда полны снѣга. Зима на горахъ и поляхъ. Земля оцѣпенѣла подъ ея ледяной рукой, душа деревьевъ словно ушла въ корни и тамъ, пріотившись во мракѣ, крѣпко заснула... Увядающая трава и кусты обратились въ оледенѣлый лѣсъ. Наконецъ, насталъ день, когда въ воздухѣ стоялъ особаго рода холодъ, предвѣщавшій снѣгъ. Мы выбѣжали изъ дома и поймали на лету первыя снѣжинки. Часъ-за-часомъ послѣ того снѣгъ падалъ тихо, мягко на землю, и мѣстность постепенно выравнивалась»... Слѣдующія затѣмъ страницы представляютъ мало интереса, потому что, очевидно, повторены съ чьихъ-нибудь словъ: ихъ **отъ себя** могъ написать только зрячій. Впрочемъ, она, большей частью, пишетъ «такъ же, какъ и всѣ». Это выходитъ у нея естественно, и только тогда неприятно поражаетъ, когда очень замѣтно намѣреніе «быть, какъ всѣ» что, къ сожалѣнію, иногда бываетъ у нея.

Зато дѣвочка овладѣваетъ снова полнымъ вниманіемъ и участіемъ, когда возвращается къ описанію собственныхъ своеобразныхъ наблюденій и приключеній, какъ, напр., долго ожидаемой встрѣчи съ маленькими воспитанницами института Перкинса:

Не успѣли мы пріѣхать, какъ я уже начала дружить съ слѣпыми дѣтьми. Меня неслуханно обрадовало, что онѣ оказались знакомы съ ручнымъ алфавитомъ. Какая радость — говорить съ другими дѣтьми на моемъ собственномъ языкѣ! До сихъ поръ я была точно чужестранка, объясняющаяся черезъ переводчика. Школа, гдѣ обучалась Лора Бриджмэнъ, была для меня родиной. Я не сразу вполне освоила фактъ, что мои новыя

пріятельницы — слѣпы. Я сознавала, что я сама не вижу; но мнѣ какъ-то не вѣрилось, что всѣ эти живыя, ласковыя дѣти, которыя окружили меня и отъ всего сердца присоединились ко всѣмъ моимъ шалостямъ, тоже слѣпы. Помню, какъ я удивилась и огорчилась, когда замѣтила, что онѣ кладутъ свои руки на мои, когда я съ ними говорю, и читаютъ книги пальцами. Хотя мнѣ это было говорено прежде, и хотя я сознавала свою собственную немощь, однако, мнѣ какъ-то смутно представлялось, что, если онѣ слышать, то у нихъ должно быть и какое-нибудь «другое зрѣніе»; я почему-то не ожидала найти одну дѣвочку, и другую, и третью лишенными того же драгоценнаго дара. Но онѣ были такъ счастливы и довольны, что чувство жалости у меня скоро пропало въ удовольствіи, которое доставляло мнѣ ихъ общество.

А вотъ и первые наглядные уроки исторіи, въ видѣ интересныхъ прогулокъ, открывшихъ маленькой путешественницѣ міръ прошлаго, какъ прошлымъ лѣтомъ географическія игры на цвѣтистомъ берегу рѣки Теннесси познакомили ее съ чудесами мірозданія. Ее повезли на гору Бонкеръ-Хилль, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бостона, на вершинѣ которой воздвигнуть памятникъ патріотамъ, павшимъ въ первомъ сраженіи противъ англичанъ въ борьбѣ за независимость; и тутъ, на мѣстѣ, дорогомъ и священномъ со школьной скамьи каждому истому американцу, страстная душа ребенка въ первый разъ внимала разсказу о славныхъ основателяхъ первоначальнаго Союза тринадцати «Колоній», объявившихъ себя свободными, державными штатами. Въ лихорадочномъ волненіи дѣвочка настояла на томъ, чтобы самой взойти на самый верхъ памятника и сосчитать ступени.

Слѣдующій день былъ посвященъ прогулкѣ, вдвойнѣ памятной по множеству совершенно новыхъ впечатлѣній: первая поѣздка моремъ, на пароходѣ, а цѣль ея — знаменитая Плимутская Скала (Plymouth Rock), на которой въ 1620 г. высадились «Отцы-пилигримы», — пуритане, покинувшіе родную Англию, чтобы спастись отъ свирѣпствовавшихъ тамъ религіозныхъ гоненій. Тутъ, стоя на этой самой скалѣ, касаясь ея благоговѣйными руками, дѣвочка живымъ воображеніемъ воссоздавала, шагъ за шагомъ, разсказъ о подвигахъ и страданіяхъ безстрашныхъ, добровольныхъ изгнанниковъ на далекой чужбинѣ, суровой, непривѣтливой землѣ, среди тысячи опасностей и лишеній; она видѣла въ нихъ борцовъ не за одни свои права, но вообще за права челоуѣчества и за свободу совѣсти и унесла съ завѣтной скалы свѣтлый образъ, который лелѣяла въ душѣ нѣсколько лѣтъ, такъ что впослѣдствіи, когда она увидѣла своихъ героевъ подъ беспощаднымъ свѣтомъ исторіи, ставшихъ, въ свою очередь, жестокими гонителями за вѣру, она глубоко огорчилась: ей казалось, что разбить вдребезги одинъ изъ любимѣйшихъ ея идеаловъ. Нужны были еще года и бѣльшая зрѣлость мысли, чтобы воздать должное добру и объяснить зло независимыми отъ личностей, историческими условіями.

Знаменитую скалу посѣтили въ іюль 1888 г. Три мѣсяца спустя, Елена въ письмѣ слѣдующимъ образомъ передала понятый и переработанный по-своему первый свой урокъ исторіи:

Я ѣздила въ большой лодкѣ. Это былъ скорѣе корабль. Мама и **teacher**, миссисъ Хопкинсъ и м-ръ Анагносъ и его пріятель, м-ръ Родоканаки, ѣздили въ Плимутъ смотрѣть разную старину. Я вамъ разскажу кое-что про Плимутъ.

Много лѣтъ назадъ въ Англии жило много хорошихъ людей; но король и его друзья не были добры, терпѣливы и снисходительны къ хорошимъ людямъ, потому что король не любилъ, когда его не слушались. Эти люди не любили ходить въ ту же церковь, что и король; они любили сами строить себѣ свои уютныя, небольшія церкви.

Король очень разгнѣвался на этихъ людей. Они опечалились и сказали: «Мы уйдемъ въ чужую землю жить и покинемъ дорогую родину и друзей и недобраго короля». И такъ, они уложили всѣ свои вещи въ большіе сундуки и сказали: «Прощайте». Мнѣ ихъ очень жаль, потому что они много плакали. Когда они пріѣхали въ Голландію, они тамъ не знали никого и не могли понимать того, что люди говорили, потому что не знали по-голландски. Они скоро выучили нѣсколько голландскихъ словъ; но они любили свой родной языкъ и не хотѣли, чтобы ихъ мальчики и дѣвочки забыли его и научились говорить на смѣшномъ голландскомъ языкѣ. И такъ, они сказали: «Намъ надо уѣхать далеко, въ новую землю, построить школы, дома, и церкви и сдѣлать новые города». И такъ, они уложили всѣ свои пожитки въ сундуки и сказали: «Прощайте» своимъ новымъ друзьямъ и поплыли на большой лодкѣ, искать новую землю. Бѣднымъ было невесело, такъ какъ сердца ихъ были исполнены печальными мыслями, потому что они не много знали объ Америкѣ. Я думаю,

маленькимъ дѣтямъ должно было быть страшно на большомъ океанѣ, потому что онъ очень могучъ и раскачиваетъ большую лодку, и тогда маленькія дѣти падали и ушибали себѣ головки. Послѣ того, они пробыли много недѣль на глубокомъ океанѣ, гдѣ они не могли видѣть ни цвѣтовъ, ни травы, а только воду и чудное небо, потому что корабли въ то время не могли быстро плыть, такъ какъ люди въ то время еще не знали машинъ и пара. Однажды родился милый маленькій бѣби-мальчикъ. Его звали Перегринъ Уайтъ. Мнѣ очень жаль, что бѣдный маленький Перегринъ теперь умеръ. Каждый день люди ходили на палубу смотрѣть, не видно ли земли. Однажды на кораблѣ поднялся большой крикъ, потому что люди увидѣли землю, и они рады были, что въ цѣлости добрались до новой земли. Маленькіе мальчики и дѣвочки прыгали и хлопали въ ладоши. Всѣ были рады, когда ступили на огромную скалу. Я видѣла эту скалу въ Плимутѣ, и маленький корабликъ такой же, какъ «Май-Флоуэръ» (Mayflower), и колыбель, въ которой милый маленький Перегринъ спалъ, и много старыхъ вещей, что пріѣхали на «Май-Флоуэръ». Хотѣли бы вы видѣть когда-нибудь Плимутъ и много старыхъ вещей?

«Теперь я очень устала и хочу отдохнуть.»

Много любить и цѣлуешь васъ вашъ маленькій другъ. Елена А. Келлеръ.

Это пишетъ восьмилѣтняя глухая и слѣпая дѣвочка. Затѣмъ невольно спрашивается: изъ какого школьнаго учебника исторія возстала бы въ умѣ ребенка такой живой, такой осмысленной и близкой?..

Какъ всю прошлую зиму Елена мечтала о поѣздкѣ въ Бостонъ, такъ къ осени ее стало тянуть домой, на горячо любимую, прекрасную родину. Кромѣ того, ей хотѣлось какъ можно скорѣе показать матери (уѣхавшей гораздо раньше), отцу и всѣмъ близкимъ всѣ сокровища пріобрѣтенныхъ ею за это лѣто знаний. Въ этомъ желаніи не было и тѣни тщеславья; это было просто желаніе любящаго ребенка подѣлиться со своими тѣмъ, что ему всего дороже, что всего больше доставляетъ ему наслажденія.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Бостона, Елена пишетъ теткѣ:

Дорогая тетя, я очень скоро вернусь домой и думаю, что вы и всѣ будете очень рады видѣть **teacher** и меня. Мнѣ очень весело, потому что я многому научилась. Я учусь по-французски и по-нѣмецки, по-латыни и по-гречески. **Agapó** по-гречески значитъ: «люблю». **J'ai une bonne petite soeur** по-французски значитъ: «у меня хорошая маленькая сестра». **Nous avons un bon père et une bonne mère** значитъ: «у насъ добрый отецъ и мать». **Puer** по-латыни — «мальчикъ», а **Mutter** по-нѣмецки — «мать». Я буду учить Мильдредъ многимъ языкамъ, когда пріѣду домой. Елена А. Келлеръ.

Письма этого времени наглядно показываютъ ея успѣхи и неустанную умственную дѣятельность. Она **учит-ся**, постоянно учится, и ее тянетъ учить другихъ, вѣрнѣе, дѣлиться съ ними всѣмъ, что она день за днемъ пріобрѣтаетъ. Поэтому, ея письма распадаются на двѣ части: въ первой она рассказываетъ свои дѣтскія «дѣла», въ другой съ необыкновенной отчетливостью пересказываетъ только-что прочитанное или слышанное и даже вставляетъ иностранныя слова и цѣлыя французскія фразы, когда начинаетъ интересоваться французскими уроками. Вотъ письмо, которое Елена писала миссисъ Хопкинсъ въ декабрѣ 1888 г., когда ей было ровно 8½ лѣтъ.

Дорогая миссисъ Хопкинсъ!

Я сейчасъ накормила мою милую голубку. Братъ мой Симпсонъ подарилъ мнѣ ее въ прошлое воскресенье. Я назвала ее «Анни», въ честь моей наставницы. Шенокъ мой поужиналъ и легъ спать. Мои кролики тоже спятъ, и я скоро лягу спать. **Teacher** пишетъ письма своимъ друзьямъ. Папа и мама со своими знакомыми пошли смотрѣть огромную желѣзоплавильную печь. Желѣзную руду находятъ въ землѣ, но ее нельзя употреблять въ дѣло, прежде чѣмъ привезутъ ее на заводъ, расплавятъ и отдѣлятъ всю грязь, такъ что останется одно чистое желѣзо. Тогда изъ него выдѣлываютъ паровозы, печи, котлы и много другихъ вещей.

И уголь тоже находятъ въ землѣ. Много лѣтъ тому назадъ, когда людей еще не было на землѣ, большія деревья и высокія травы и громадные папоротники покрывали землю. Когда листья и деревья пали, ихъ покрыли земля и вода; тогда выросли новыя деревья и тоже пали и были погребены подъ землей и водой. Когда они пролежали, какъ бы подъ прес-

сомъ, много тысячъ лѣтъ, дерево сдѣлалось очень твердое, какъ камень, и тогда оно годилось людямъ на топливо. Вы можете видѣть отпечатокъ листьевъ и коры на углѣ. Люди спускаются вглубь земли и выкапываютъ уголь, а вагоны развозятъ его въ большіе города, и продаютъ его, чтобы его жгли, и было тепло и хорошо, когда на дворѣ холодно.

Что, очень вамъ скучно одной? Надѣюсь, вы скоро приѣдете навѣстить меня и пробудете долго.

Любящая васъ, маленькій другъ вашъ, Елена А. Келлеръ

Щенокъ, о которомъ Елена пишетъ — породистый «мастифъ» крупной породы, подарокъ одного добраго пріятеля. Щенка повезли въ Тускумбію раньше ея, и, вѣроятно, это отчасти было причиной ея желанія скорѣе вернуться домой. Она благодарила пославшаго въ преиломъ, не лишенномъ дѣтскаго остроумія письмѣ:

Я сейчасъ получила отъ матери письмо, въ которомъ она говоритъ мнѣ, что чудный щенокъ, котораго вы мнѣ прислали, въ сохранности приѣхалъ въ Тускумбію. Очень благодарю васъ за чудесный подарокъ. Мнѣ очень жаль, что я не была дома, чтобы принять собачку; но мать моя и моя маленькая сестра будутъ очень добры къ ней, пока нѣтъ ея госпожи. Надѣюсь, она не скучаетъ въ одиночествѣ. Я думаю, щенки способны сильно тосковать по родинѣ, такъ же, какъ и маленькія дѣвочки. Мнѣ бы хотѣлось назвать ее «Львицей», въ честь вашей собаки. Можно? Надѣюсь, что она будетъ очень преданная и тоже храбрая.

Я учусь въ Бостонѣ съ моей дорогой наставницей. Я узнаю много новыхъ и удивительныхъ вещей. Учю о землѣ, о животныхъ и чрезвычайно люблю ариѳметику. Я научаюсь тоже и многимъ новымъ словамъ. Слову **чрезвычайно** я научилась вчера. Когда я увижу «Львицу», я ей многое скажу, что очень удивитъ ее. Я думаю, она будетъ смѣяться, когда я скажу ей, что она — позвоночное, млекопитающее, четвероногое животное, и съ прискорбіемъ должна буду объяснить ей, что она принадлежитъ къ разряду плотоядныхъ. Я и по-французски учусь. Когда я со «Львицей» буду говорить по-французски, я ее назову **top bea chien**. Я буду очень рада получить отъ васъ письмо, когда вамъ будетъ охота написать мнѣ.

Вашъ любящій маленькій другъ

Елена А. Келлеръ.

Въ 1889 г. миссъ Солливанъ уѣхала на все лѣто (въ первый и послѣдній разъ). Елена была такъ основательно подготовлена, что и безъ нея могла заниматься и успѣвать. Приводимъ образчики писемъ, которыя она писала своей горячо любимой наставницѣ въ эту все же тяжелую для нея разлуку. Ей только-что исполнилось 9 лѣтъ.

...Я много о васъ думала весь день. Я сижу на верандѣ, и моя бѣлая голубка сидитъ на спинкѣ моего стула и смотритъ, какъ я пишу. Ея маленькій сизый товарищъ улетѣлъ съ другими птицами, но Анни не скучаетъ, потому что любить быть со мной. «Фонтльрой» (кукла-мальчикъ, названный по маленькому герою любимой повѣсти) спитъ у себя наверху, а Нэнси (старая кукла) укладываетъ Люси (новую) спать. Можетъ-быть, пересмѣшникъ поетъ имъ колыбельную пѣсенку. Всѣ чудные цвѣты теперь распустились. Воздухъ насыщенъ благоуханіемъ жасмина, геліотропа и розъ. Теперь здѣсь становится жарко, и папа собирается увезти насъ на дачу 20-го августа. Я думаю, будетъ хорошо въ прохладныхъ, пріятныхъ лѣсахъ. Я вамъ буду писать все, что мы тамъ будемъ дѣлать...

...Какъ звали того мальчика, что влюбился въ прекрасную звѣзду?..

...Я буду очень рада пишущей машинѣ...

...Одинъ господинъ подарилъ мнѣ красивую картинку. На ней мельница возлѣ хорошенькаго ручья. На водѣ лодка, а вокругъ лодки растутъ душистыя водяныя лиліи (кувшинчики). Недалеко отъ мельницы старый домъ и много деревьевъ. На крышѣ дома восемь голубей, а на крыльцѣ большая собака. У нашей «Перлы» восемь щенятъ; она — очень гордая мать. Она думаетъ, что такихъ прекрасныхъ щенятъ никогда не бывало.

Я каждый день читаю свои книги. Я ихъ очень, очень, очень люблю. Я хочу, чтобы вы скоро вернулись ко мнѣ. Мнѣ безъ васъ очень, очень скучно. Я многого не могу узнать, когда моей дорогой наставницы нѣтъ со мною. Посылаю вамъ пять тысячь поцѣлueвъ и люблю васъ больше, чѣмъ могу сказать...

Елена очень любила свою маленькую сестру Мильдредь и все собиралась учить ее, когда она подрастетъ. Трогательно было смотрѣть, какъ старшая сестра, слѣпая, няньчила младшую, зрячую, и дѣйствительно оберегала ее, водила за руку, брала къ себѣ на осла, заботилась, чтобы она не простудилась, и пр. Осенью того же 1889 года она этой сестренкѣ писала изъ Бостона прेमилое письмоце:

Драгоценная моя сестренка. Съ добрымъ утромъ! Съ этимъ письмомъ посылаю тебѣ подарокъ ко дню твоего рожденія. Надѣюсь, онъ очень тебѣ понравится, потому что мнѣ очень пріятно посылать его. Платье голубое, какъ твои глаза, а конфеты такія же сладкія, какъ ты сама, малютка. Я думаю, мама съ удовольствіемъ сдѣлаетъ тебѣ платье, и когда ты его надѣнешь, ты будешь мила, какъ роза. Книга съ картинками расскажетъ тебѣ обо многихъ любопытныхъ дикихъ звѣряхъ. Но ты ихъ не бойся. Они не выйдутъ изъ книги, чтобы тебя обидѣть.

Я каждый день хожу въ классы и учу много новаго. Въ восемь часовъ у меня ариѳметика. Это я люблю. Въ девять я хожу на гимнастику съ дѣвочками; это очень весело. Въ десять часовъ я учусь о землѣ, на которой мы всѣ живемъ. Въ одиннадцать мы съ моей наставницей бесѣдуемъ, а въ двѣнадцать намъ преподають зоологію. Я еще не знаю, что я буду дѣлать послѣ полудня.

А теперь прощай, моя крошка. Папу и маму покрѣпче обними и расцѣлуй за меня...

Любящая тебя сестра

Елена А. Келлеръ.

Не прелестенъ ли этотъ покровительственный, «старшій» тонъ девятилѣтней дѣвочки?

Особенное наслажденіе доставляли Еленѣ тщательно избранныя по ея вкусу и пониманію стихотворенія лучшихъ англійскихъ и американскихъ современныхъ поэтовъ. Въ избыткѣ восторга, она иногда изливала благодарность своей чуткой, любящей дѣтской души въ письмахъ къ послѣднимъ — Брайенту, Уэндель-Хомзу, доброму старцу, пѣвцу квэкеровъ, Джону Г. Уиттеру, — и всегда получала отъ нихъ ласковые отвѣты. Это не выходило ни неловко, ни назойливо, потому что всѣ сколько-нибудь выдающіяся лица интересовались ею и посѣщали ее въ зимніе мѣсяцы, которые она проводила съ миссъ Солливанъ въ Бостонѣ, въ институтѣ Перкинса, на положеніи, такъ сказать, гостыи и вольнослушательницы, не связанная ни правилами заведенія, ни обязательными занятіями, но пользуясь библіотекой и всѣми пособіями.

Замѣчательно, что при великой охотѣ, съ которой Елена писала письма, этимъ создавая себѣ и поддерживая интересныя отношенія съ самыми разнообразными личностями, она никогда не могла серьезно приняться за составленіе дневника. Миссъ Солливанъ особенно и не настаивала. Ихъ натурамъ, во многомъ другъ съ другомъ схожимъ, претила искусственность и сравнительная безцѣльность этого занятія: къ чему **самой себѣ** рассказывать то, что она отлично знала?

Иное дѣло — дѣлиться съ другими; тутъ есть и смыслъ, и польза; получишь интересные отвѣты, подружишься, тебя узнають и полюбятъ. Сначала, однако, Елена горячо взялась, какъ за новую забаву; толку же вышло мало, какъ видно изъ сохранившихся отрывковъ, одинъ изъ которыхъ пусть послужитъ образчикомъ:

Мартъ, 1888. Воскресенье

Я встала, умыла лицо и руки, причесалась, сорвала три фіалки для **teacher** и позавтракала. Послѣ завтрака я недолго поиграла съ куклами. Нэнси была сердитая. «Сердитая» значитъ кричать и бить ногами. Я почитала въ книгѣ о большихъ, свирѣпыхъ звѣряхъ. «Свирѣпый» значитъ очень сердитый и сильный и очень голодный. Я не люблю свирѣпыхъ звѣрей. Я написала письмо дядѣ Джемсу. Онъ живетъ въ Хотспрингсѣ. Онъ докторъ. Докторъ больныхъ дѣвочекъ дѣлаетъ здоровыми. Я не люблю, когда больна. По-

томъ пообѣдала. Я очень люблю мороженое. Послѣ обѣда папа уѣхалъ на поѣздѣ далеко. Мнѣ было письмо отъ Роберта. Онъ меня любитъ. Онъ писалъ: «Милая Елена, Робертъ былъ радъ письму отъ милой крошки Елены. Я приѣду къ тебѣ, когда солнце будетъ свѣтить». Миссисъ Ньюкомъ — жена Роберта. Робертъ — ея мужъ. Мы съ Робертомъ будемъ бѣгать, прыгать, плясать, качаться и разговаривать о птицахъ и цвѣтахъ, и деревьяхъ, и травахъ, и Джумбо, и Перль пойдутъ съ нами. **Teacher** скажетъ, мы дурачимся. Она смѣшная. «Смѣшная» значитъ смѣшить насъ. Наталія хорошая дѣвочка, не плачетъ. Мильдредъ плачетъ. Она будетъ славная дѣвочка черезъ много дней и будетъ играть и бѣгать со мною... Послѣ ужина мы съ **teacher** возились въ постели. Она зарыла меня подъ подушками, и я выросла очень медленно, какъ дерево изъ земли. Теперь пойду спать.

Кажется довольно вяло, мертво. Это именно похоже на столь ненавистные миссъ Солливанъ «выдуманные», вымученные разговоры и упражненія на черной доскѣ на правила изъ грамматики. Какая разнища въ сравненіи съ письмами!

Между тѣмъ, самостоятельный, пытливый умъ дѣвочки, уже изощрявшійся, какъ мы видѣли, надъ разными «неудобными» вопросами, нельзя было надолго удержать отъ еще болѣе глубоко захватывающихъ вопросовъ, нельзя было помѣшать ему заглянуть въ самыя неисповѣдимыя изъ всѣхъ тайнъ. Ей было ровно восемь лѣтъ, когда она въ первый разъ спросила: «Откуда я? Куда я пойду, когда умру?» Тѣ отвѣты, которые въ эти годы были доступны ей, не удовлетворяли ее, конечно, но заставляли на время замолкнуть. А умъ ея втихомолку неустанно работалъ все въ одномъ направленіи, исканія первопричины изъ всего накопляющагося матеріала, который доставляли ей жизненный опытъ и книги. Страницы, которыя миссъ Солливанъ, въ своемъ отчетѣ отъ 1891 г., посвящаетъ этому фазису духовнаго развитія своей удивительной ученицы, представляютъ увлекательный психологическій этюдъ. Не должно забывать, что когда она писала этотъ отчетъ, обни-мавшій три года ея дѣятельности, **Еленѣ было всего десять лѣтъ съ небольшимъ**.

По мѣрѣ того, какъ расширялась сфера ея наблюдательности, и обогащался ея запасъ словъ, давая ей возможность ясно и съ тонкостью выражать свои мысли и понимать чужія, она познала предѣлы человѣческаго творчества и прозрѣла, что какая-то сила, сверхчеловѣческая, должна была создать землю, солнце и всѣ тысячи знакомыхъ ей рукотворныхъ предметовъ. Наконецъ, насталъ день, когда она положительно потребовала имени для этой силы, существованіе которой она уже постигла путемъ собственного мышленія.

Изъ книги Чарльза Кингслея, «Греческіе герои», она ознакомилась съ разсказами о греческихъ богахъ и богиняхъ, и въ книгахъ, вообще, должна была встрѣчать слова: **Богъ, небо, душа** и другія въ этомъ родѣ. Она никогда не спрашивала объясненія ихъ и не дѣлала замѣчаній, когда такія выраженія попадались ей, и до февраля 1889 г. ей никто никогда не говорилъ о Богѣ. Но тутъ одна близкая родственница, глубоко религіозная женщина, впервые пробовала внушить ей понятіе о Богѣ. Только она не сумѣла приспособить слова свои къ пониманію ребенка и произвела совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого желала. Послѣ разговора съ нею Елена сказала мнѣ: «Я имѣю сказать вамъ нѣчто очень смѣшное. А. говоритъ, будто Богъ сдѣлалъ меня и всѣхъ людей изъ земли: должно-быть, шутить. Вѣдь я сдѣлана изъ мяса, кости и крови, — не такъ ли?» — И она самодовольно ощутила свою руку, смѣясь отъ души. Минуту спустя она продолжала: «А. говоритъ, что Богъ есть любовь. Но я не думаю, чтобы кто-либо могъ быть сдѣланъ изъ любви, потому что вѣдь любовь есть что-то въ нашемъ сердцѣ. Потомъ А. сказала еще одну очень смѣшную вещь: будто Богъ — мой дорогой отецъ. Это ужъ совсѣмъ разсмѣшило меня, потому что я вѣдь знаю, что отецъ мой — Артуръ Келлеръ¹.» Я объяснила ей, что она еще не можетъ понимать того, о чемъ говорила ея родственница, и безъ большого труда убѣдила ее, что лучше будетъ вовсе не касаться этихъ вещей, пока она не подрастетъ и не поумнѣетъ.

Гдѣ-то въ книгѣ ей попало выраженіе «мать-природа», и она долго потомъ этимъ выраженіемъ объясняла все то, чего, по ея пониманію, не могъ совершить человѣкъ. Такъ

¹ Елена долго не могла примѣниться къ иносказательному способу выраженія, а понимала все въ буквальномъ смыслѣ, такъ что въ разговорѣ съ нею надо было съ большой осторожностью выбирать слова. Кто-то сказалъ ей, что венгерцы родятся музыкантами. „Неужели они поютъ, какъ только рождаются?“ — удивилась она. Тотъ же собесѣдникъ еще разсказалъ ей, что нѣкоторые ученики, которыхъ онъ зналъ въ Буда-Пештѣ, удерживали въ головѣ до ста мелодій и даже больше. Она засмѣялась: „Я думаю, въ головѣ у нихъ большой шумъ“.

она говорила: «мать-природа посылаетъ солнце и дождь, чтобы росли деревья, трава и цвѣты». Однажды она какъ-то задумалась послѣ ужина и, когда ее спросили, о чемъ? — отвѣтила: «Я думаю о томъ, какъ много дѣла у милой матери-природы о весеннюю пору». На вопросъ: «почему?» она сказала: «потому что у нея такъ много дѣтей, о которыхъ надо заботиться. Она вѣдь мать всѣхъ деревьевъ, цвѣтовъ, вѣтровъ...» Потомъ еще прибавила: «Я думаю, солнечный свѣтъ — теплая улыбка матери-природы, а дождевыя капли — ея слезы».

Нѣсколько времени спустя, она сказала: «Я не знаю, сдѣлала ли меня мать-природа? Я думаю, моя мать достала меня съ неба, но не знаю, гдѣ. Я знаю, что цвѣты растутъ изъ сѣмянъ, которыя были положены въ землю; но дѣти не растутъ изъ земли, въ этомъ я увѣрена. Я никогда не видала дитя-растеніе. Но я не могу себѣ представить, кто сдѣлалъ мать-природу; а вы? Я люблю чудную весну, потому что деревья съ молодыми почками и распускающіеся цвѣты наполняютъ сердце мое радостью. Я теперь пойду, посмотрю свой садъ. А то цвѣты подумаютъ, что я ихъ забыла»...

Въ началѣ мая 1890 г. (ей было безъ одного мѣсяца десять лѣтъ) она написала на своихъ отрывныхъ листкахъ слѣдующее:

Я хочу писать о томъ, чего не понимаю. Кто сдѣлалъ землю, и моря, и все на свѣтѣ? Отчего солнце жарко? Гдѣ я была прежде, чѣмъ пришла къ мамѣ? Я знаю, что растенія растутъ изъ сѣмянъ, положенныхъ въ землю; но я знаю навѣрно, что люди не такъ растутъ. Маленькія птички и цыплята выходятъ изъ яицъ. Я ихъ видѣла. Чѣмъ было яйцо, прежде чѣмъ оно стало яйцомъ? Почему земля не падаетъ, — такая большая и тяжелая? Скажите мнѣ, что дѣлаетъ **отецъ**-природа. Можно мнѣ читать книгу, которую зовутъ Библией? Прошу васъ, скажите вашей маленькой ученицѣ все, когда у васъ будетъ много времени.

Прочитавъ эти вопросы, можно ли сомнѣваться въ томъ, что ребенокъ, способный придумать ихъ, способенъ также понять хотя бы упрощенные отвѣты на нихъ? Во все время воспитанія Елены я исходила изъ того положенія, что она способна понимать то, что ей желательно знать... Разъ ей удалось выразить словесно мысли, которыя медленно росли въ ея умѣ, онѣ вдругъ всецѣло его поглощали, и ею овладѣвало нетерпѣніе поскорѣе получить на все объясненія. Вскорѣ послѣ того, какъ она написала свои вопросы, она остановилась передъ большимъ глобусомъ и спросила; «Кто сдѣлалъ **настоящій** міръ?» Она знала, что у грековъ было много боговъ, т. е. что они считали солнце, молнію и другія силы природы за отдѣльныя, самостоятельныя личности и приписывали имъ сверхчеловѣческое могущество. Исходя изъ этого, я и объяснила ей, что люди, наконецъ, додумались до того, что всѣ эти силы — лишь проявленіе единой верховной Силы, которой они дали имя: **Богъ**.

Она нѣсколько минутъ молчала и сидѣла неподвижно, очевидно усиленно думая. Наконецъ она спросила: «Кто сдѣлалъ Бога?» Пришлось отвѣчать уклончиво, такъ какъ не могла же я объяснить ей тайну существа Самосущаго. Послѣдовало множество вопросовъ, которые озадачили бы голову поумнѣе моей; на примѣръ: «Изъ чего Богъ сдѣлалъ новые міры? Откуда Онъ взялъ землю, воду, сѣмена и первыхъ животныхъ? Гдѣ Богъ? Видѣли ли вы когда Бога?» Часто приходится напоминать ей, что есть безконечно много такого, чего первымъ въ мірѣ мудрецамъ не объяснить... Однажды она грустно сказала: «Я слѣпа и глуха. Вотъ почему я не могу видѣть Бога». Я научила ее слову: «Невидимый» и объяснила ей, что мы не можемъ видѣть Бога своими глазами, потому что Онъ есть Духъ; но что когда сердца наши преисполнены добра и кротости, тогда мы почти видимъ Его, потому что приближаемся къ Нему.

Въ другой разъ она спросила: «Что такое душа?» «Этого никто не знаетъ, — отвѣтила я: — но мы знаемъ, что она не есть тѣло, а та часть нашего существа, которая мыслить, любить, надѣется». Затѣмъ я спросила ее, можетъ ли она представить себѣ свою душу отдѣльно отъ своего тѣла? «О, да! — отвѣтила она: — я вотъ сейчасъ думала о мистерѣ Анагносѣ; значить, моя мысль, — она поправила себя: — моя душа была тамъ, у него, но тѣло мое здѣсь, въ классной». Тутъ вдругъ у нея промелькнула новая мысль: «Но мистеръ Анагносъ не говорилъ съ моей душой». Я объяснила ей, что душа тоже невидима, т. е. не

имѣть видимаго облика. «Но если я напишу то, что моя душа думаетъ, — сейчасъ же возразила она: — тогда душа моя сдѣлается видимой: слова будутъ ея тѣломъ?»

Давно уже Елена какъ-то сказала мнѣ: «Я бы хотѣла прожить тысячу шестьсотъ лѣтъ». На вопросъ мой, не хотѣла ли бы она жить въ чудной странѣ, которую зовутъ небомъ, она отвѣтила другимъ: «Гдѣ небо?» Я должна была сознаться, что не знаю, но, думается, не на которой ли нибудь изъ звѣздъ? Она подумала и сказала: «Не пойдете ли вы впередъ, потому мнѣ расскажете», — и тутъ же прибавила: «А, вѣдь, Тускумбія славный городокъ». Прошло больше года, прежде чѣмъ она опять возвратилась къ этому предмету, но тогда уже вопросамъ ея не было конца: «Гдѣ небо? На что оно похоже? Почему мы не можемъ знать о небѣ столько же, сколько о чужихъ странахъ?» Я сказала, ей въ самыхъ простыхъ словахъ, что небомъ, можетъ-быть, называются многія мѣста, но что, въ сущности, это — состояніе душевное, исполненіе завѣтныхъ желаній сердца, удовлетвореніе его потребностей, что вездѣ, гдѣ признается **правда**, вѣрятъ въ правду и любятъ ее, тамъ и небо.

Мысль о смерти ее, видимо, ужасаетъ и возмущаетъ. Ей какъ-то показали оленя, котораго братъ ея убилъ. Она очень разстроилась и печально сказала: «Почему все на, свѣтѣ должно умирать, даже быстроногій олень?» Въ другой разъ она спросила: «Не думаете ли вы, что мы были бы гораздо счастливѣе, если бы не надо было умирать?» Я отвѣтила: «Нѣтъ; потому что, если бы не было смерти, нашъ міръ скоро до того переполнился бы живыми существами, что имъ невозможно было бы жить сколько-нибудь сносно». «Но, — съ живостью перебила меня Елена, — я думаю Богъ могъ бы надѣлать еще міровъ такъ же легко, какъ онъ сдѣлалъ этотъ». А когда ей говорили о великомъ блаженствѣ, ожидающемъ ее на томъ свѣтѣ, она мигомъ возражала: «Почемъ вы знаете? Вѣдь вы не умирали».

Всего болѣе Елену смущаетъ и огорчаетъ сознание существованія зла и проистекающаго отъ того страданія. Пришлось объяснить ей необходимость закона и наказанія. Ей было очень трудно примирить присутствіе зла на свѣтѣ съ понятіемъ о всеблагомъ Богѣ. Ея душевное состояніе, по обыкновенію, отражается въ ея письмахъ, и вотъ что она писала по этому поводу своему любимому поэту, Уэндель-Хомзу: «Я читаю очень грустный рассказъ подъ названіемъ „Маленькій Джэкъ“. Это былъ прелестнѣйшій ребенокъ, но онъ былъ бѣдный и слѣпой. Я прежде думала, — когда была очень мала и не умѣла еще читать, — что всѣ всегда счастливы, и сначала меня очень огорчало, когда я узнала о боли и большой горести; но теперь я знаю, что мы никогда не могли бы научиться быть мужественными и терпѣливыми, если бы на свѣтѣ была одна радость». Сама она, окруженная любовью и благотворными вліяніями, съ самаго начала своего духовнаго прозрѣнія охотно слѣдовала по пути добра; она какимъ-то безошибочнымъ чутьемъ знаетъ, что хорошо, и дѣлаетъ это съ радостью. Она не дѣлаетъ различія между однимъ дурнымъ поступкомъ, якобы неважнымъ, невиннымъ или не преднамѣреннымъ, и другимъ; ея чистой душѣ все дурное одинаково ненавистно.

Я не пыталась учить Елену догматамъ или опредѣленной формѣ религіи. Вполнѣ сознавая свою некомпетентность давать правильныя объясненія таинствъ, сокрытыхъ подъ такими словами, какъ «Богъ», «душа», «бессмертіе», я изъ чувства долга обходила эти предметы. Епископъ Филиппъ Бруксъ прекрасно объяснилъ ей суть Бога, какъ нашего всеблагото Отца...

Дѣйствительно, великимъ счастьемъ для дѣвочки было то, что въ первую же бытность ея въ Бостонѣ ее замѣтилъ и отъ души полюбилъ престарѣлый англиканскій епископъ бостонскій, Филиппъ Бруксъ, ученый богословъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, въ то же время челоѣкъ истинно святой жизни, кроткая христіанская душа, гордость и любимецъ не только своей церкви, но и всей мыслящей и христіанской Америки. Къ нему-то десятилѣтняя дѣвочка съ глубокимъ довѣріемъ обратилась съ вопросами, которые въ то время почти исключительно завладѣли ея такъ внезапно пробудившейся къ духовной жизни, чуткою и пламенной молодою душою.

Я пишу вамъ, — писала она епископу (въ іюль 1890 г.) — потому что вы — добрый другъ мой, и я люблю васъ, и желаю обо многомъ знать. Я уже три недѣли, какъ дома, и такъ счастлива съ милыми папой и мамой и драгоценной моей маленькой сестрой... Ахъ, поче-

му Отець нашъ небесный считаетъ за лучшее посылать намъ иногда великія огорченія?.. Какъ Богъ сказалъ людямъ, что Онъ живетъ на небѣ? Когда люди поступаютъ очень дурно, обижаютъ животныхъ и дѣтей, Богъ огорчается, но что Онъ съ ними дѣлаетъ, чтобы научить ихъ жалѣть и любить?.. Прошу васъ, скажите мнѣ, что вы знаете о Богѣ. Надѣюсь, что вы напишете вашему маленькому другу, когда у васъ будетъ время. Я бы очень хотѣла видѣть васъ сегодня же. Очень ли печетъ солнце въ Бостонѣ теперь? Къ вечеру, если будетъ довольно свѣжо, я возьму Мильдредъ покататься на моемъ ослѣ. Нэдди — самый красивый оселъ, какого вы можете себѣ представить. Когда мы катаемся, моя большая собака, Львица, идетъ съ нами, чтобы защищать насъ. Симпсонъ, — это мой братъ, — вчера принесъ мнѣ чудесныхъ водяныхъ лилій. Онъ такой хорошій братъ.

Teacher шлетъ вамъ сердечный привѣтъ, папа и мама тоже.

Любящій васъ маленькій другъ вашъ

Елена Л. Келлеръ.

На этотъ порывъ любящей, ищущей дѣтской души мудрый старецъ не заставилъ долго ждать отклика и отвѣтилъ со свѣтлымъ спокойствіемъ души, которая давно **обрѣла**, но помнить и понимаетъ тоску **исканія** и умѣетъ просящему хлѣба дать именно хлѣбъ, небесную пищу, безъ примѣси человѣческихъ измышлений. Это было для Елены напутствіемъ на всю жизнь, подъ рѣшительнымъ вліяніемъ котораго сложился весь складъ ея духовной жизни, ея отношенія къ міру и людямъ. Епископъ получилъ письмо своей маленькой любимицы въ послѣднихъ числахъ іюля (1890) и отвѣчалъ на него уже 3-го августа. Если среди массы важныхъ дѣлъ (потому что онъ просто для развлечения не уѣзжалъ отъ своей, каждую минуту нуждающейся въ немъ, паствы) онъ удѣлилъ время на такое длинное письмо въ отвѣтъ на призывъ ребенка, то, значитъ, онъ разсудилъ, что тутъ «дѣло» важнѣе многихъ, на видъ безоглагательныхъ, — душа, пришедшая къ поворотному пункту въ своей внутренней жизни, которую необходимо немедленно поддержать и направить. Вотъ это замѣчательное письмо:

Моя милая Елена, меня чрезвычайно порадовало твое письмо. Оно послѣдовало за мною за океанъ и нашло меня въ этомъ огромномъ, великолѣпномъ городѣ, о которомъ мнѣ бы хотѣлось тебѣ подробно рассказать, если бы я могъ удѣлить на это время и написать письмо достаточно длинное. Когда-нибудь, когда ты навѣстишь меня въ моемъ кабинетѣ въ Бостонѣ, мнѣ доставитъ удовольствіе побесѣдовать съ тобой обо всемъ этомъ, если ты захочешь меня слушать.

Теперь же я хочу сказать тебѣ, какъ я радъ, что ты такъ счастлива и находишь такъ много наслажденія въ твоемъ родномъ домѣ. Мнѣ такъ и кажется, что я вижу тебя съ отцомъ и матерью, и маленькой сестрой, окруженною всей красотой чудной природы, и меня очень радуетъ сознание, что тебѣ такъ весело.

Я тоже радъ, что знаю, изъ твоихъ вопросовъ, о чемъ ты думаешь. Я не вижу, какъ бы мы могли не думать о Богѣ, когда Онъ все время такъ къ намъ добръ. Я тебѣ скажу, какимъ образомъ мы, какъ мнѣ кажется, узнаемъ о нашемъ небесномъ Отцѣ. Узнаемъ мы Его по силѣ любви въ нашихъ собственныхъ сердцахъ. Любовь есть душа всего. Все, что не имѣетъ способности любить, должно вести по-истинѣ невеселое существованіе. Намъ бы хотѣлось думать, что даже солнце, и вѣтры, и деревья умѣютъ любить какъ-нибудь по-своему, потому что мы бы знали, что они счастливы, если способны любить. Итакъ, Богъ, будучи величайшимъ и счастливѣйшимъ изо всѣхъ существъ, есть также и самое любящее. Вся любовь, которая живетъ въ нашихъ сердцахъ, — отъ Него, подобно тому, какъ весь свѣтъ, что свѣтится въ цвѣтахъ, — отъ солнца. И чѣмъ болѣе мы любимъ, тѣмъ мы ближе къ Богу и Его любви.

Я тебѣ уже сказалъ, какъ меня радуетъ твое счастье. И это — сушая правда. Также радуется оно твоихъ отца и мать, и твою наставницу, и всѣхъ твоихъ друзей, А Богъ, какъ ты думаешь, не радуется тоже тому, что ты счастлива? Я увѣренъ, что да. И Онъ радуется больше всѣхъ насъ, потому что Онъ болѣе великъ, а также потому, что Онъ не только, подобно намъ, **видитъ** твое счастье, но Онъ же и **создалъ** его. Онъ его даетъ тебѣ, какъ солнце даетъ цвѣтъ розѣ. А насъ всегда больше радуетъ то, чѣмъ близкіе намъ не только наслаждаются, но обязаны намъ. Не такъ ли?

Но Богъ не только хочетъ, чтобъ мы были **счастливы**; Онъ хочетъ, чтобы мы были **хорошіе**. Этого Онъ хочетъ больше всего. Онъ знаетъ, что мы тогда только и можемъ быть истинно счастливы. Многое въ томъ горѣ, которое существуетъ на свѣтѣ, есть лѣкарство, которое очень противно принимать, но принимать полезно, потому что мы отъ него дѣлаемся здоровы. Намъ становится понятнымъ, какъ хорошіе люди могутъ быть въ великомъ горѣ, когда подумаемъ о Христѣ, Который былъ величайшимъ Страдальцемъ, когда-либо жившимъ на свѣтѣ, и въ то же время самымъ совершеннымъ Существомъ, а потому и самымъ счастливымъ, какого когда-либо видѣлъ міръ.

Я люблю говорить тебѣ о Богѣ. Но Онъ самъ тебѣ скажетъ о Себѣ, любовью, которую Онъ вложитъ въ твое сердце, если ты Его попросишь. А Христосъ, Сынъ Его, но болѣе близкій Ему, чѣмъ всѣ прочія Его дѣти, пришелъ на землю нарочно, чтобы всѣмъ намъ рассказать о любви нашего Отца. Если ты читаешь Его слова, ты увидишь, какъ исполнено Его сердце любви къ Богу. «Мы знаемъ, что Онъ любитъ насъ», — говоритъ Онъ. И такъ, Онъ самъ любилъ людей, и, хотя люди были къ Нему очень жестоки и, наконецъ, убили Его, Онъ охотно за нихъ умеръ, потому что такъ любилъ ихъ. И, Елена, Онъ и теперь любитъ людей и говоритъ намъ, что и намъ можно Его любить.

Итакъ, любовь — все. И если кто-нибудь тебя спроситъ, или ты сама себя спросишь, что такое Богъ? — отвѣчай: «Богъ есть Любовь».

Все это ты обдумаешь и лучше поймешь по мѣрѣ того, какъ ты сдѣлаешься старше... Думай объ этомъ и теперь, и пусть каждое данное тебѣ благо радуетъ тебя тѣмъ больше, что оно послано твоимъ дорогимъ Отцомъ.

Ты вернешься въ Бостонъ, надѣюсь, скоро послѣ меня. Я буду тамъ около середины сентября. Ты должна будешь мнѣ обо всемъ рассказать, не забывая и осла.

Передай мой привѣтъ твоему отцу и матери и твоей наставницѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы видѣть твою маленькую сестру.

До свиданія, милая Елена. Пиши опять скоро; письмо адресуй въ Бостонъ.

Любящій тебя другъ твой,

Филлипсъ Бруксъ.

Доброе сѣмя. Но и на добрую же почву оно падало. Любовь къ людямъ и ко всему живому сызмала была естественнымъ отношеніемъ Елены къ окружающему міру. Она долго не понимала, никакъ не могла себѣ представить другого. Кто-то спросилъ ее, какъ она опредѣлитъ понятіе «любовь». «Помилуйте, да это очень просто, — отвѣтила она: — любовь, это то, что каждый изъ насъ чувствуетъ ко всѣмъ другимъ людямъ». При ея пылкой натурѣ, требующей выраженія, изліянія, это всеобщее благорасположеніе сказывалось одной особенностью, выдававшей ея не-англосакское происхожденіе, смѣшившей большихъ и приводившей въ великое смущеніе чопорно воспитанныхъ дѣтей: она бросалась обнимать и цѣловать всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчалась хотя минутно, — въ коридорахъ или залахъ гостиницъ, въ вагонахъ, даже въ церкви, и когда она замѣчала, что ея ласку неохотно принимали, это ее удивляло и огорчало. Очень наивно и забавно она это выражаетъ въ письмѣ къ матери (сентябрь, 1888), въ которомъ она описываетъ день, проведенный на дачѣ у добрыхъ знакомыхъ близъ Бостона. Ее и миссъ Солливанъ на станціи встрѣтила пригласившая ихъ дама съ четырьмя дѣтьми «въ огромномъ экипажѣ». — «Я очень обрадовалась моимъ милымъ маленькимъ пріятелямъ, — продолжаетъ Елена, — и» (конечно!) «крѣпко обняла и расцѣловала ихъ... Въ домѣ мы видѣли восемь кроликовъ, и двухъ толстыхъ щенятъ, и чудеснаго маленькаго бѣлаго пони, и еще двухъ крошечныхъ котятъ, и хорошенькую, курчавую собачку... Клифтонъ не хотѣлъ меня поцѣловать, потому что не любитъ цѣловать дѣвочекъ. Онъ застѣнчивъ. Я очень рада, что Фрэнкъ, и Кларенсъ, и Робби, и Эди, и Чарльзъ, и Джорджъ не такіе застѣнчивые»...

Эта черта забавна и, конечно, немного смѣшна, если только не вспомнить, изъ какихъ глубоко симпатичныхъ душевныхъ качествъ она исходила.

На мой взглядъ, — недавно писалъ о ней выдающійся американскій литераторъ, Чарльзъ Додли Уорнеръ, близко съ ней знакомый: — это самая безусловно чистая человѣческая душа, когда-либо существовавшая... Она даже не научилась тому жалкому проявленію

самоуниженія, которымъ многіе гордятся, называя его «праведнымъ негодованіемъ». Когда полицейскій застрѣлилъ ея собаку, любимую подругу, бывшую у нея около трехъ лѣтъ, — а это для ребенка большое время, — въ ея милосердной душѣ не нашлось порицанія этому человѣку. Она только сказала: «Если бы онъ зналъ, какая она хорошая, онъ не убилъ бы ее»...

Состраданіе, отзывчивость на чужую нужду и горе уже съ малодѣтства принимали у нея практическую форму. Жалѣть и помочь было для нея одно. Эта основная черта ея натуры сначала сказывалась, главнымъ образомъ, въ ея отношеніяхъ къ окружающему животному міру. Такъ, когда однажды одной изъ дворовыхъ собакъ привязали на шею деревянную колодку, чтобъ не убѣгала, она цѣлый жаркій лѣтній день ходила за нею по двору, поддерживала колодку, чтобы бѣдной не такъ тяжело было тащить. Весьма скоро, однако, ея благотворительная деятельность перешла на болѣе плодотворную почву. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ сѣверные штаты, миссъ Солливанъ съ Еленой случайно нашли въ одной больницѣ пятилѣтняго мальчика, слѣпо-глухонѣмого, больного, отъ слабости не имѣвшаго силъ ходить, притомъ сироту и безъ всякихъ средствъ. Дѣвочка (ей тогда было одиннадцать лѣтъ) глубоко взволновалась. Вспомнились ей всѣ ужасы ея собственнаго, еще недавняго «плѣна», какъ она всегда называла безотрадное время до пріѣзда ея наставницы, стократъ усугубленные несчастнымъ положеніемъ бѣднаго Томми, и ею всецѣло овладѣла мысль вырвать мальчика изъ этого омута и вывести въ тотъ свѣтлый міръ, въ которомъ ей жило такъ привольно и хорошо. Она немедленно списалась съ нѣсколькими вліятельными друзьями и, заручившись обѣщаніемъ принять его предварительно въ слѣпое отдѣленіе «дѣтскаго сада» института Перкинса въ Бостонѣ, тотчасъ же принялась за собираніе весьма значительной суммы, требующейся для того, чтобы приставить къ нему необходимую спеціальную воспитательницу, а впоследствии — воспитателя. Задача немалая для ребенка. Не имѣя ничего своего, она, однако, блестящимъ образомъ открыла подписку.

Какъ разъ передъ тѣмъ была убита Еленина чудная собака, огромная, породистая «Львица», и она, понятно, сильно но ней тосковала. Чтобы ее утѣшить, нѣсколько ближайшихъ друзей ея сговорились сложиться и купить ей другую, не менѣе цѣнную. Это должно было быть для нея «сюрпризомъ», но она узнала и тотчасъ же написала затѣявшимъ его, съ горячей просьбой эти деньги положить въ основу задуманнаго ею «фонда» на воспитаніе Томми Стрингера. Писала она и газетамъ, и по ея почину состоялся въ институтѣ Перкинса митингъ съ платой за входъ, на которомъ по ея же просьбѣ говорилъ епископъ Филлипсъ Бруксъ. Успѣхъ былъ полный. Деньги полились со всѣхъ сторонъ, даже изъ Англии, и въ короткое время было собрано около 2.000 долларовъ (4.000 рублей). Елена не удовлетворилась этимъ первымъ блестящимъ результатомъ; во всѣ послѣдующіе годы она не переставала слѣдить за успѣхами и нуждами спасеннаго ею мальчика, и нельзя не порадоваться отъ души, что онъ не обманулъ ея надеждъ, а оказался способнымъ и вполне хорошимъ. Ему теперь 18 лѣтъ, и онъ прекрасно успѣваетъ по всѣмъ предметамъ школьнаго курса. Особенно силенъ онъ въ грамматикѣ, исторіи и физиологіи. Миссъ Келлеръ еще недавно писала: «Никогда не забуду грошей, присылаемыхъ „для маленькаго Томми“ множествомъ бѣдныхъ дѣтей, для которыхъ это составляло немалую жертву, ни того, съ какимъ быстрымъ сочувствіемъ люди, которыхъ я совсѣмъ не знала, изблизи и издалека отозвались на нѣмой вопль о помощи маленькой плѣнной души».

При всей добротѣ и мягкости, всей довѣрчивости и сердобольности Елена никогда не проявляла склонности къ сентиментальности; скорѣе чувствуются рѣшительность и твердость воли, которую ничто не въ состояніи поколебать. Безъ этого развѣ она могла бы достигъ такихъ результатовъ? Такъ, однажды, когда ей не было еще девяти лѣтъ, ей въ чемъ-то перечили или уговаривали и, замѣтивъ, что она сосредоточенно молчитъ, спросили ее, что съ нею? Она же спокойно отвѣтила: «Я готовлюсь отстоять свою самостоятельность». Одиннадцати лѣтъ она ни за что не соглашалась отложить до завтра урокъ, не вполне исчерпанный и усвоенный ею, а нѣкоторые предметы, особенно высшая ариѳметика, давались ей не легко. Если миссъ Солливанъ совѣтовала ей оставить задачу на время, чтобы потомъ приняться за нее со свѣжими силами, она отвѣчала: «Я думаю, умъ мой больше окрѣпнетъ, если я одолѣю задачу теперь же». Однажды она долго не могла сладить съ какимъ-то вопросомъ. Миссъ Солливанъ предложила ей прогуляться, чтобы освѣжиться и дать усталому мозгу отдохнуть. Она рѣшительно покачала головой и сказала: «Мои враги подумали бы, что я бѣгу отъ нихъ. Я должна остаться и побѣдить ихъ». И побѣдила. Въ другой разъ въ общемъ разговорѣ зашла рѣчь о таможенномъ тарифѣ. Елена просила свою наставницу объяснить ей этотъ вопросъ. Та отвѣтила ей: «Нѣтъ, ты этого еще не можешь понять». Она помолчала, затѣмъ съ нѣкоторымъ задоромъ возразила: «Почемъ вы знаете, что я не могу понять? У меня хорошая голова. Вспомните, что у грековъ родители очень заботливо относились къ своимъ дѣтямъ, однако, позволяли имъ слушать умныя рѣчи, и я думаю, что дѣти, если не все, то многое понимали». Послѣ этого миссъ Солливанъ старалась устроить такъ, чтобы при Еленѣ не затрагивались предметы, которыхъ она не могла или не хотѣла съ нею обсуждать.

1891-мъ годомъ кончаются правильная переписка съ миссисъ Хопкинсъ и періодическіе отчеты, посылавшіеся директору института Перкинса. Въ эти четыре года (1887—91) задача наставницы, въ существенныхъ ея чертахъ, была выполнена; детали вырабатывались уже сами собою, и дальнѣйшее развитие этой удивительной натуры совершалось нормально и логически, согласно ея ничѣмъ не стѣсняемымъ способностямъ и склонностямъ, притомъ болѣе или менѣе на глазахъ у всѣхъ.

Въ своей автобіографіи сама Елена очень легко скользитъ по этимъ тремъ годамъ, хотя они были едва ли не важнѣйшими въ ея духовномъ развитіи, и то небольшое, что она о нихъ говоритъ, относится къ внѣшнимъ событіямъ и впечатлѣніямъ, полученнымъ во время разныхъ памятныхъ поѣздокъ. Это и понятно. Она не могла сознавать знаменательнаго переворота, совершавшагося въ ней, тѣмъ менѣе слѣдить за нимъ, да еще въ такіе годы, а потому и запомнить и описать не могла всего, что съ нею тогда творилось.

Оставалось совершить еще одно чудо, казавшееся такимъ невозможнымъ, что близкіе ей люди отступали передъ задачей, опасаясь разочарованія. Не убоилась трудностей одна Елена и, къ несказанному удивленію всей неустанно слѣдившей за нею Америки, — одолѣла ихъ. Она осуществила свою завѣтную мечту: научилась «говорить ртомъ».

Послѣдній подвигъ

Глухихъ давно учатъ говорить. Часто — слишкомъ рано, слишкомъ настоятельно и въ ущербъ общему умственному развитію. Для глухого умѣніе говорить не можетъ быть ни цѣлью, ни средствомъ къ образованію; это только придача, пріятное искусство, облегчающее сношенія съ окружающимъ міромъ. Нужно, чтобы глухой ребенокъ это созналъ; тогда у него явится потребность и желаніе «говорить и ртомъ», а не однѣми руками; только это одно можетъ осмыслить и облегчить механической процессъ, самъ по себѣ скучный и даже мучительный для учащаго и ученика. Но для этого необходимы довольно высокая уже степень развитія и значительный запасъ знанія.

Именно такъ случилось съ Еленой Келлеръ. Она всегда порывалась упражнять свой голосъ, и миссъ Солливанъ никакъ не могла отучить ее отъ этого. Укачивая куклу, она издавала непрерывный, монотонный, но нисколько не непріятный горловой звукъ — очевидно, смутное воспоминаніе «баяканія» первыхъ, нормальныхъ мѣсяцевъ. Въ это время она одну руку держала у горла, а другую у губъ. Иногда, разсмѣявшись, она протягивала руку къ губамъ бывшаго подлѣ нея лица, — посмотрѣть, смѣется ли оно тоже. Если она не находила улыбки и не могла вызвать ее своими «объясненіями» — жестами, она огорчалась. Она очень любила «слушать пѣніе», т. е. держать одну руку у рта поющаго, другую на крышкѣ рояля или піанино. Мурлыканье кошки и лай собаки тоже доставляли ей удовольствіе. Она даже сама научилась совѣмъ отчетливо произносить слова **papa, mama, baby, sister** («сестра»): уловила ихъ, такъ сказать, на губахъ говорившихъ. Однако, миссъ Солливанъ не пробовала учить ее говорить, полагая, что слѣпота, — невозможность слѣдить глазами за движеніями губъ, языка и пр. — должна представить непреодолимое препятствіе. Она и Еленѣ это объясняла въ отвѣтъ на ея настоятельныя просьбы. Но дѣвочка не унималась, увѣряла, что навѣрно сумѣетъ ошупью уловить малѣйшія движенія. Миссъ Солливанъ все не рѣшалась; она думала, что если Еленѣ и удастся усвоить извѣстное число словъ, то это отнюдь не вознаградитъ ее за потраченный трудъ и время. Притомъ она боялась, что, безъ слуха, голосъ будетъ непріятный, безъ выраженія, и произношеніе выйдетъ непонятное.

Но весной 1890 г. въ Бостонъ вернулась изъ Европы дама, видѣвшая въ Норвегіи слѣпую и глухонѣмую дѣвочку, которую выучили говорить. Разсказъ этой дамы окончателно разжегъ фантазію Елены, и пришлось уступить ея требованіямъ. Учить ее взялась специалистка, миссъ Сара Фуллеръ, добрая, привѣтливая и высоко образованная женщина. Вотъ какъ Елена описываетъ ея методу:

Миссъ Фуллеръ легко проводила моею рукой по своему лицу и давала мнѣ ошупать положеніе ея языка и губъ при каждомъ отдѣльномъ звукѣ. Я усердно подражала ей и, по истеченіи одного часа, уже усвоила шесть звуковыхъ единицъ (буквъ) **M, N, A, C, T, I**. Миссъ Фуллеръ дала мнѣ всего одиннадцать уроковъ. Никогда не забуду моего изумленія и восторга, когда я произнесла первую коротенькую связную фразу: «It is warm» (тепло). Конечно, то были ломаные, неувѣренные звуки, но все же — человѣческая рѣчь!..

Въ концѣ перваго урока, — въ свою очередь рассказываетъ миссъ Солливанъ: — Елена могла внятно произносить слѣдующіе звуки: **а, э, и, о, с, к, г, б, л, м, н, п, т, у, ю, ф** и **д**. Твердые согласныя давались

и еще даются ей, — (писано въ 1891 г.) — очень трудно въ сочетаніи другъ съ другомъ въ одномъ и томъ же словѣ; она часто опускаетъ одну и мѣняетъ другую, а иногда обѣ замѣняетъ какимъ-нибудь схожимъ звукомъ съ мягкимъ придыханіемъ. Сначала очень замѣтна была склонность смѣшивать **л** и **р**. **Р** дался ей съ такимъ трудомъ, что это былъ почти послѣдній звукъ, который она одолѣла. **Ч**, **ш** и **ж** тоже стоили ей большого труда, и она до сихъ поръ все еще не совѣмъ ясно произноситъ ихъ.

Прошло меньше недѣли съ тѣхъ поръ какъ она начала говорить, когда она встрѣтила одного добраго знакомаго, по имени Родоканаки, и немедленно вступила въ борьбу съ этой трудной фамиліей и до тѣхъ поръ не успокоилась, пока не добилась своего и не произнесла ее внятно. Рвеніе ея не слабѣло ни на минуту; она напрягла всѣ свои силы до послѣдней степени, чтобы одолѣть со всѣхъ сторонъ напиравшія на нее трудности и въ одиннадцать уроковъ выучила **всѣ** отдѣльныя составныя части членораздѣльной рѣчи... Миссъ Фуллеръ восхищалась усердіемъ и выдержкой Елены... Не прошло и мѣсяца, какъ она уже отчетливо произносила очень много словъ. Съ самаго начала ее не удовлетворяли упражненія въ отдѣльныхъ звукахъ; ее брало нетерпѣніе произносить слова и цѣлыя фразы. Длинные слова или трудныя сочетанія звуковъ ее не пугали. Но при всей ея способности и твердости воли, эта наука потребовала самаго крайняго напряженія всѣхъ ея силъ... Зато успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Специалисты часто удивляются, какъ чисто она говоритъ, взявъ всего нѣсколько уроковъ. Я могу сказать одно: «Постоянное упражненіе!»

Миссъ Солливанъ съ обычной своей скромностью стушевывается на задній планъ, точно она въ этомъ капитальномъ приобрѣтеніи своей ученицы «ни при чемъ». Послушаемъ, однако, какъ послѣдняя сама относится къ ея помощи въ этомъ дѣлѣ:

Таблица 6.2. Елена Келлеръ «читаетъ съ губъ» миссъ Солливанъ. С ними знаменитый актеръ, мистеръ Джефферсонъ, ветеранъ американской сцены

Елена Келлеръ „читаетъ съ губъ“ миссъ Солливанъ. Съ ними знаменитый актеръ, мистеръ Джефферсонъ, ветеранъ американской сцены.

Не должно воображать, будто я въ такое короткое время (одинъ мѣсяць, одиннадцать уроковъ) научилась настоящимъ образомъ говорить. Я только усвоила составныя части рѣчи. Миссъ Фуллеръ и миссъ Солливанъ понимали меня, но посторонніе не поняли бы

одного слова изъ ста. Неправда и то, будто, усвоивъ эти основныя начала, я остальное сдѣлала сама, одна. Безъ миссъ Солливанъ, безъ ея гениальности, ея неутомимой настойчивости и преданности, я бы недалеко ушла. Во-первыхъ, я работала день и ночь, прежде чѣмъ меня могли понимать даже самые близкіе люди; во-вторыхъ, я постоянно нуждалась въ помощи миссъ Солливанъ, чтобы научиться ясно произносить каждый звукъ и сочетать звуки на тысячу ладовъ. И теперь еще она каждый день обращаетъ мое вниманіе на неправильное произношеніе того или другого слова. Всѣ, кому доводилось учить глухихъ говорить, знаютъ, что это значить, и только они одни въ состояніи вполне оцѣнить трудности, съ которыми мнѣ приходилось бороться. Чтобы читать на устахъ моей наставницы, я должна была положиться исключительно на свои пальцы; только осязаніемъ могла я уловить вибраціи горла, движенія рта и выраженіе лица, и часто ошибалась. Въ такихъ случаяхъ я была вынуждена повторять слова и фразы, иногда по цѣлымъ часамъ, пока не почувствую надлежащей вибраціи въ собственномъ голосѣ. Вся работа моя состояла въ упражненіи безъ конца. Меня часто донимала усталость, и я падала духомъ; но въ слѣдующую же минуту мысль, что я скоро буду дома и покажу моимъ милымъ, чего я достигла, опять поощряла меня. Моя маленькая сестра теперь будетъ понимать меня! Эта мысль была сильнѣе всякихъ препятствій. Я безпрестанно въ какомъ-то упоеніи повторяла про себя: «Я болѣе не нѣма». Могла ли я унывать, когда мнѣ предстояло счастье говорить съ матерью и читать отвѣты на ея устахъ? Я съ удивленіемъ убѣдилась, насколько легче говорить, нежели продѣлывать слова пальцами, и съ своей стороны бросила ручной алфавитъ; но миссъ Солливанъ и мои близкіе еще употребляютъ его, потому что мнѣ легче читать по ихъ пальцамъ, чѣмъ по ихъ губамъ...

Когда я одолѣла всѣ трудности, я не могла дожидаться возвращенія на родину. По дорогѣ, въ вагонѣ, я все время говорила, не потому, чтобы было о чемъ, а только, чтобы совершенствоваться до послѣдней минуты... На станціи Тускумбья насъ встрѣтила вся семья. У меня теперь глаза наполняются слезами, когда вспомню, какъ крѣпко мать прижала меня къ себѣ, нѣмая и трепещущая отъ восторга, прислушиваясь къ каждому моему слову, какъ малютка Мильдредъ схватила и цѣловала мою свободную руку и плясала вокругъ меня, а отецъ не находилъ словъ выразить свою гордость и любовь.

Если и правда, какъ замѣчаетъ миссъ Солливанъ, что искусство говорить не составляетъ существенной черты образованія Елены Келлеръ, то, несомнѣнно, оно много способствовало ей пройти высшіе курсы наукъ, и безъ него ей немислимо было бы поступить въ университета, гдѣ она въ прошломъ (1904) году окончила курсъ (въ **Radcliffe College**, женскомъ отдѣленіи гарвардскаго университета, въ Кембриджѣ, близъ Бостона). Какъ высоко она сама цѣнитъ это съ такимъ трудомъ завоеванное искусство, она не разъ высказывала даже публично, особенно въ двухъ рѣчахъ: одну она произнесла, когда ей было всего шестнадцать лѣтъ, въ Филадельфій, передъ «Обществомъ распространенія обученія глухихъ живой рѣчи», другую нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бостонѣ, передъ палатой представителей, съ цѣлью заинтересовать ихъ въ пользу учрежденія особаго учебнаго заведенія для слѣпо-глухонѣмыхъ, которыхъ теперь, когда на нихъ обращено общественное вниманіе, оказывается гораздо больше, чѣмъ полагали, и для которыхъ недостаточно приспособлено общее обученіе въ заведеніяхъ ни для слѣпыхъ, ни для глухонѣмыхъ, а для такого спеціальнаго, единичнаго воспитанія, какое получила Елена Келлеръ, нужны средства, въ большинствѣ случаевъ не имѣющіяся налицо.

Въ Америкѣ почти нѣтъ сколько-нибудь выдающагося лица, которое, такъ или иначе, случайно или по выраженному желанію, не познакомилось бы и не побесѣдовало бы съ Еленой Келлеръ. Она понимаетъ говорящаго съ большею или меньшею легкостью, смотря по бѣльшей или меньшей внятности его произношенія. Президентъ Розевельтъ² произноситъ замѣчательно отчетливо, и она не упустила ни одного его слова. Съ иными собесѣдниками она по часамъ разговариваетъ безъ всякой посторонней помощи; съ другими она съ трудомъ справляется, и требуется помощь переводчика, т. е. кого-нибудь умѣющаго «писать» въ ея рукѣ. Этимъ «кто-нибудь», конечно, обыкновенно бываетъ неразлучная съ нею миссъ Солливанъ. Всѣ, кому доводится говорить съ миссъ Келлеръ, находятъ ея голосъ пріятнымъ; тонъ грудной, не громкій, но въ модуляціяхъ мало разнообразія; когда она читаетъ вслухъ, какъ это вошло въ обычай въ семейномъ кружкѣ, голосъ ея колеблется на трехъ-четырехъ среднихъ нотахъ. Замѣчательно, однакоже, что, когда она рассказываетъ, напримѣръ, сказку или вообще что-нибудь, ребенку, то онъ становится выразительнымъ, несмотря на эту монотонность, и выраженіе всегда соотвѣтствуетъ содержанію разска-

² Фамилія президента произносится: Розевельтъ, а не Рузевельтъ, какъ обыкновенно называютъ его въ нашей печати.

за. Вслѣдствіе тщательности, съ которою она произноситъ отдѣльные слоги, въ длинныхъ словахъ теряетъ рѣзкое удареніе на какомъ-нибудь одномъ слогѣ, свойственное англійскому языку. Вѣроятно, именно вслѣдствіе этого многіе находятъ ея французское произношеніе болѣе совершеннымъ, чѣмъ англійское, такъ какъ французскій языкъ рѣзкихъ удареній не имѣетъ. Нѣмецкое ея произношеніе нѣмцы очень хвалятъ. На обоихъ языкахъ она объясняется свободно. Общій приговоръ гласитъ, что она говоритъ гораздо лучше большинства глухихъ. Полагаютъ, что она еще усовершенствуется, съ помощью, конечно, своего несравненнаго друга, когда она, окончивъ курсъ, будетъ имѣть больше досуга специально этимъ заняться. До этого онѣ съ 1894 года были всецѣло поглощены прохожденіемъ разныхъ «предметовъ» и одной заботой: благополучно окончить университетскій курсъ.

До сихъ поръ еще идутъ споры, — по правдѣ сказать, довольно праздные, — о томъ, хорошо ли сдѣлала Елена Келлеръ, потративъ столько силъ и времени на искусство, въ которомъ не имѣла существенной необходимости, — попросту сказать, стоила ли игра свѣчей. Въ послѣдней инстанціи придется все же ей самой предоставить рѣшить этотъ вопросъ, — и она это сдѣлала какъ нельзя болѣе авторитетно въ рѣчи, которую она въ іюлѣ 1896 г. произнесла въ сѣздѣ «Американскаго Общества для распространенія обученія глухихъ живой рѣчи». Рѣчь эту потому уже стоить привести цѣликомъ, что это — первая, публично произнесенная глухо-нѣмою:

Если бы вы знали, какой радостью наполняетъ меня сознаніе, что я въ состояніи сегодня говорить съ вами, я думаю, что вы получили бы нѣкоторое понятіе о значеніи живой рѣчи для глухихъ и вы поняли бы, почему мнѣ хочется, чтобы каждому глухому ребенку во всемъ мірѣ была дана возможность научиться говорить. Я знаю, что объ этомъ предметѣ много говорено и писано и что между воспитателями глухихъ существуетъ большое разногласіе въ мнѣніяхъ относительно обученія ихъ живой рѣчи. Мнѣ кажется очень страннымъ, чтобы могло существовать такое разногласіе. Для меня непостижимо, какъ люди, съ участіемъ относящіеся къ нашему воспитанію, могутъ не понимать, до чего мы счастливы возможностью выражать свои мысли живыми словами. Вотъ, хоть бы я: я постоянно говорю и не могу даже приблизительно объяснить вамъ, сколько это доставляетъ мнѣ удовольствія. Конечно, я знаю, что чужимъ не всегда легко меня понимать, но это придетъ со временемъ, а пока я имѣю несказанное счастье знать, что мою семью и друзей моихъ радуетъ моя способность говорить. Моя маленькая сестра и маленькій братъ любятъ, чтобы я имъ рассказывала сказки въ длинные лѣтніе вечера, когда я бываю дома; моя мать и наставница часто просятъ меня почитать имъ вслухъ изъ моихъ любимыхъ книгъ. Я часто обсуждаю политическіе вопросы съ моимъ дорогимъ отцомъ, и мы рѣшаемъ самыя запутанныя задачи къ собственному удовлетворенію, совершенно такъ же, какъ если бы я могла видѣть и слышать. Итакъ, вы видите, какое благо составляетъ для меня живая рѣчь. Она еще болѣе сближаетъ меня съ тѣми, кого я люблю, и даетъ мнѣ возможность наслаждаться отраднымъ общеніемъ съ очень многими личностями, отъ которыхъ я была бы совершенно отрѣзана, если бы не умѣла говорить.

Я хорошо помню время до того, какъ я научилась говорить и какъ я, бывало, силилась выразить мысли свои посредствомъ ручного алфавита, какъ мысли мои, бывало, бились о кончики пальцевъ моихъ, подобно птичкамъ, рвавшимся на волю, пока въ одинъ прекрасный день миссъ Фуллеръ не растворила настежь клѣтку и не выпустила ихъ. Помнить то ли она, какъ радостно онѣ расправили крылья и улетѣли далеко-далеко? Конечно, сначала нелегко было летѣть. Крылья-слова были слабыя, ломанныя, утратили всю прирожденную красоту и легкость; можно даже сказать, что имъ ничего не осталось, какъ только порывъ летѣть, но и это много. Если чувствуешь въ себѣ порывъ подняться на воздухъ, то ползать уже не станешь никогда. А, все же, мнѣ иногда казалось, что никогда мнѣ не научиться употреблять крылья такъ, какъ дано отъ Бога, — такъ много встрѣчалось трудностей на пути, такъ часто находило уныніе. Но я продолжала стараться, зная, что терпѣніе и упорство въ концѣ должны побѣдить. И пока я работала, я строила чудеснѣйшіе воздушные замки, отдавалась мечтамъ, изъ которыхъ прелестнѣйшая была о томъ времени, когда я буду говорить, какъ всѣ; и мысль о радости моей матери, когда она снова услышитъ мой голосъ, услаждала весь мой трудъ и каждую неудачу обращала въ новое побужденіе къ болѣе усердному старанію. Итакъ, вотъ что я хотѣла сказать тѣмъ, которые учатся говорить, и тѣмъ, которые учатъ ихъ: «Мужайтесь! Не думайте о сегодняшнихъ неудачахъ, а думайте объ успѣхѣ, который, можетъ-быть, придетъ уже завтра. Вы поставили себѣ трудную задачу, но вы будете имѣть успѣхъ, если только выдержите, и вы найдете такую

радость въ томъ, чтобы превозмогать препятствія, въ томъ, чтобы взбираться на крутыя вершины по труднымъ дорогамъ, которыхъ вы, можетъ- быть, никогда бы не узнали, если бы вы не спотыкались иногда, имѣя путь всегда ровный и удобный. Помните, никакое наше усиліе для достиженія чего-нибудь хорошаго никогда не теряется. Когда-нибудь, гдѣ-нибудь, какъ-нибудь мы найдемъ то, чего ищемъ».

Метода миссъ Солливанъ

Метода миссъ Солливанъ, какъ было удачно замѣчено, въ сущности заключается въ отсутствіи метода. То-есть, она, начертавъ себѣ нѣсколько общихъ, широкихъ положеній, основанныхъ не на какой-либо системѣ, а на простыхъ началахъ здраваго смысла, избѣгала всего предвзятаго, и твердо держалась правила, что «довлѣетъ дневи злоба его». Каждый день приносилъ свою задачу, и она ее разрѣшала бодро и смѣло, **своими** средствами, примѣняясь къ личности, съ которою имѣла дѣло; будь на мѣстѣ Елены другой ребенокъ, она тѣ же задачи разрѣшала бы иначе, во всякомъ случаѣ не «по книжкамъ». Поэтому-то вопросъ: какъ она справилась съ тѣмъ, другимъ, третьимъ? — всегда полонъ неизсякаемаго интереса, и никогда не устаешь слѣдить за этой борьбой съ кажущимися невозможностями. Всѣ ея приемы, по новизнѣ основной мысли и простотѣ исполненія, не только занимательны, но и до крайности поучительны, потому что примѣнимость ихъ далеко не ограничивается спеціальной сферой обученія слѣпо- глухихъ, а имѣетъ вообще высокое воспитательное значеніе, въ смыслѣ освобожденія отъ рутинны, отъ обязательности теоріи, хотя бы очень умной. Она сама не впала въ соблазнительную ошибку — свою собственную методу возвести въ теорію, и даже, какъ было выше сказано, неохотно рассказываетъ про себя и свою ученицу, вслѣдствіе чего, къ общему сожалѣнію спеціалистовъ, людей науки и даже любознательной публики, имѣются весьма немногія ея замѣтки и указанія. Тѣмъ болѣе не хочется терять ни одной крупинки того богатаго запаса опыта, наблюденій и размышленій, которымъ она такъ скупится.

Поэтому, думается, никто не сочтетъ неумѣстной главу, въ которой были бы собраны отрывки писемъ, немногочисленныхъ отчетовъ и замѣтокъ, почему-либо не вошедшихъ въ содержаніе предыдущаго разсказа. Этимъ, притомъ, еще лучше освѣтится многое во второй половинѣ учебной жизни ея воспитанницы, протекшей до нѣкоторой степени независимо отъ ея непосредственнаго участія, но ни на минуту не потерявшей отпечатка, который разъ навсегда сумѣла наложить на молодые умъ и душу эта энергичная, твердая и любящая рука.

У миссъ Солливанъ все дѣлалось такъ просто, само собою, что ее постоянно удивляетъ, даже какъ будто слегка раздражаетъ, какъ это умные, ученые люди недоумѣваютъ, спрашиваютъ о... на перѣ у нея такъ и вертится слово «о разныхъ пустякахъ», и только изъ вѣжливости она употребляетъ другіе обороты. Такъ, въ Синсиннати, гдѣ Елена своей веселостью и милой развязностью обращенія приводила въ такой восторгъ весь сѣздъ врачей, миссъ Солливанъ, очевидно, немало докучали эти самые разспросы. Это ясно отражается въ письмѣ, которое она тотчасъ по возвращеніи домой, въ Тускумбію, отправила все тому же вѣрному своему другу, миссисъ Хопкинсъ:

...Мы завтракали у ***, бывшаго вашего пастора, и его жены. Онъ спрашивалъ меня, какимъ способомъ я научила Елену прилагательнымъ и названіямъ отвлеченныхъ понятій, каковы «добро», «счастье» и пр.? Это же самое меня сто разъ спрашивали ученые врачи. Мнѣ кажется страннымъ, что люди дивятся такимъ, въ сущности, простымъ вещамъ. Помилуйте, да ребенка такъ же легко научить названію понятія, если только самое понятіе сформировалось въ его умѣ, какъ и названію предмета. Дѣйствительно, геркулесовскимъ трудомъ было бы научить его такимъ названіямъ, если бы понятія не существовали сперва въ его мозгу. Если бы собственный опытъ и наблюденія не привели его къ такимъ представленіямъ, какъ: **маленькій, большой, хорошо, дурно, сладко, кисло**, не къ чему было бы прицѣпить слова.

И вотъ, я, глупенькая я, объясняю мудрымъ мужамъ науки, съѣхавшимся съ Востока и Запада, такія простыя вещи, какъ слѣдующія: если вы даете ребенку что-нибудь сладкое, и онъ смакуетъ языкомъ, облизываетъ губки и дѣлаетъ довольное лицо, у него является совершенно опредѣленное ощущеніе, и, если каждый разъ, какъ повторяется это ощущеніе, онъ слышитъ слово «**сладко**», или слово это пишется въ его рукѣ, онъ живо присвоитъ этотъ условный знакъ для обозначенія именно этого ощущенія. Опять же, если вы положите ему на языкъ кусочекъ лимона, онъ наморщится и будетъ стараться

выплюнуть, и если послѣ того, какъ у него нѣсколько разъ повторилось это ощущеніе, вы ему предложите кусочекъ лимона, онъ сдѣлаетъ гримасу и сожметъ губы, ясно показывая этимъ, что онъ помнитъ непріятное ощущеніе. Для этого ощущенія вы даете ему условный знакъ «кисло», и онъ его усваиваетъ. Назовите вы эти ощущенія «бѣлый» и «черный», онъ точно такъ же легко усвоилъ бы эти условные знаки, но слова «бѣлый» и «черный» вызывали бы у него тѣ же представленія, которыя теперь вызываются словами «сладко» и «кисло». Такимъ же самымъ способомъ ребенокъ отъ многократныхъ опытовъ научается различать свои чувства, а мы даемъ ему къ нимъ названія: «добрый», «злой», «нѣжный», «суровый», «весело», «грустно» и пр. Не слово играетъ роль въ его воспитаніи, а способность воспринимать ощущеніе, обозначаемое словомъ.

Мы уже видѣли, какую антипатію внушаетъ миссъ Солливанъ все «выдуманное», искусственно притянутое, т. е., на ея взглядъ, безжизненное, въ дѣлѣ воспитанія. Тамъ же, въ Синсиннати, она съ Еленой посѣтила небольшую школу для глухихъ. Это посѣщеніе вызвало нѣсколько интересныхъ замѣчаній именно по поводу чисто рутиннаго отношенія къ дѣлу со стороны преподавательницъ, изъ которыхъ двѣ хорошо знали ручнѣй алфавитъ и могли разговаривать съ Еленой безъ посредства переводчицы. «Онѣ очень удивились тому, какъ она владѣетъ языкомъ, — пишетъ миссъ Солливанъ не безъ гордости: — и признались, что ни одна изъ ихъ воспитанницъ не выражается съ такой легкостью, а нѣкоторыя учились у нихъ уже два и даже три года. Я сначала не повѣрила; но послѣ того, какъ я часа два наблюдала за работой дѣтей, я убѣдилась, что мнѣ сказали правду, и не удивлялась болѣе. Въ одной комнатѣ нѣсколько совѣмъ маленькихъ стояли передъ черной доской, усиленно и съ трудомъ составляя „простыя предложенія“. Одна дѣвчушка написала: „У меня есть новое платье. Это платье хорошенькое. Моя мама сдѣлала мое хорошенькое новое платье. Я люблю маму“. Одинъ мальчуганъ съ курчавой головкой чертилъ: „У меня есть большой мячикъ. Я люблю играть моимъ большимъ мячикомъ“. Когда мы вошли въ комнату, вниманіе всѣхъ дѣтей приковалось къ Еленѣ. Одинъ дернулъ меня за рукавъ и сказалъ: „Дѣвочка слѣпа“. Учительница, между тѣмъ, писала на доскѣ: „Дѣвочку зовутъ Еленой. Она не видитъ. Она глуха. Намъ ее очень жаль“. Я сказала: „Зачѣмъ вы пишете эти фразы на доскѣ? Развѣ дѣти не поняли бы, если бы вы стали говорить съ ними объ Еленѣ?“ Учительница что-то такое сказала о томъ, что надо учить дѣтей правильно составлять предложенія, и продолжала сочинять упражненіе на Елену. Я спросила ее, въ самомъ ли дѣлѣ дѣвочка, писавшая о новомъ платьѣ, такъ довольна имъ? „Не знаю, — отвѣтила она: — не думаю. Но дѣти лучше учатся, если пишутъ о чемъ-нибудь, что касается ихъ лично“. Все это выходило такое машинное, тяжелое, — сердце болѣло за бѣдняжекъ... То же самое я видѣла во всей школѣ. Въ каждой классной писались предложенія на черной доскѣ, очевидно, сочиненныя на какое-нибудь правило грамматики или же съ цѣлью ввести въ употребленіе слова, передъ тѣмъ выученныя въ такомъ же или въ другомъ сочетаніи. Такія упражненія, можетъ-быть, нужны въ нѣкоторыхъ стадіяхъ воспитанія, но не такъ пріобрѣтается искусство владѣть языкомъ. **Ничто, по моему мнѣнію, такъ не душистъ въ ребенкѣ стремленіе говорить естественно, какъ эти упражненія на черной доскѣ.** Не въ классной мѣсто учить маленькаго ребенка говорить, тѣмъ паче глухого. Его должно держать въ такомъ же несознаніи, что онъ учитъ слова, какъ и ребенка со слухомъ. **Пусть себѣ болтаетъ, пальцами или карандашомъ, хоть отдѣльными словами, до тѣхъ поръ, пока развивающійся умъ самъ потребуетъ полного предложенія.** Умѣніе владѣть языкомъ не должно въ его умѣ вызывать представленіе о нескончаемыхъ часахъ, проведенныхъ въ школѣ, за сбивчивыми грамматическими вопросами или другимъ врагомъ, убивающимъ всякую радость... Однако, не хочу привыкать слишкомъ строго критиковать чужія методы. Вѣдь я могу быть такъ же далеко отъ прямого пути, какъ и они».

Во второмъ и третьемъ (послѣднемъ) отчетѣ (октябрь 1888 и 1891), которые миссъ Солливанъ писала для печати по просьбѣ директора Анагноса, находимъ наиболѣе подробное и послѣдовательное изложеніе ея методы въ эти первые, рѣшающіе годы, отвѣты именно на вопросы, «какъ она достигала того или другого результата?» Въ 1888 г. она писала:

Съ того дня, какъ Елена впервые уразумѣла, что всѣ предметы имѣютъ названія, и что эти названія можно сообщать извѣстными движеніями пальцевъ, я съ нею говорила совершенно такъ, какъ если бы она могла слышать, съ той единственной разницей, что обращалась не къ ушамъ ея, а къ пальцамъ. Сначала, понятно, она все порывалась употреблять только самыя существенныя слова въ предложеніи. Такъ она, бывало, скажетъ: «Елена — молоко». Я подавала ей молоко, въ знакъ того, что она правильно употребила это слово, но не позволяла ей пить его прежде, чѣмъ она, съ моей помощью, не составитъ полного предложенія, напримѣръ: «Дайте Еленѣ попить молока». Въ этихъ первыхъ урокахъ я наводила ее на выраженіе одного и того же понятія разными оборотами. Если она ѣла

конфеты, я скажу; «Елена не дастъ ли **teacher** отъ своихъ конфетъ?» или «**Teacher** хотѣла бы попробовать Елениныхъ конфетъ». Она очень скоро поняла, что одно и то же понятіе возможно выразить на очень много ладовъ. Два или три мѣсяца послѣ того, какъ я начала учить ее, она уже говорила: «Елена хочеть идти спать», или «Елена хочеть спать», «Елена пойдетъ ложиться» (вмѣсто «Елена — спать»).

Меня постоянно спрашиваютъ: «Какимъ образомъ вы научили ее значенію словъ, означающихъ умственные или нравственные свойства?» Мнѣ кажется, это сдѣлалось больше черезъ сочетаніе понятій и повтореніе, чѣмъ черезъ мои объясненія³. Это относится особенно къ первому времени, когда она такъ мало знала словъ, что объяснять не было возможности.

Я всегда держалась правила — употреблять слова, означающія душевныя впечатлѣнія, умственные и нравственные свойства и дѣйствія, въ связи съ обстоятельствами, вызывавшими эти слова. Такъ, вскорѣ послѣ того, какъ я стала учить ее, Елена разбила свою новую куклу, которую очень любила. Она заплакала. Я сказала: «Жаль». Послѣ нѣсколькихъ повтореній слово и чувство у нея слились въ одно.

Затѣмъ, я начала употреблять такія слова, какъ: **можетъ-быть, вѣроятно, полагаю, забыть, помнить**. Если Елена спрашивала: «Гдѣ мама?» — я отвѣчала: «Не знаю. Можетъ-быть, она въ кладовой».

Она всегда спрашиваетъ имена лицъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ конкахъ, и куда они ѣдутъ, и зачѣмъ. Зачастую происходятъ у насъ такого рода разговоры:

«**Елена:** — Какъ зовутъ мальчика?»

«**Я:** — Не знаю, потому что онъ чужой. **Можетъ-быть**, его зовутъ Джэкъ.»

«**Елена:** — Куда онъ ѣдетъ?»

«**Я:** — **Вѣроятно**, въ городской садъ, поиграть съ другими мальчиками.»

«**Елена:** — Во чтò они будутъ играть?»

«**Я:** — **Полагаю**, что въ мячикъ.»

«**Елена:** — Чтò мальчики дѣлаютъ теперь?»

«**Я:** — **Должно-быть**, ожидаютъ Джэка.»

Хорошо ознакомившись съ новыми словами, она употребляетъ ихъ въ своемъ дневникѣ:

26-е сентября (1888). — Сегодня утромъ мы съ **teacher** сидѣли у окна и видѣли маленькаго мальчика, — онъ шелъ по панели. Шелъ сильный дождь, и у него былъ большой зонть отъ дождевыхъ капель.

Я не знаю, сколько ему лѣтъ, но **думаю**, что ему **могло быть** шесть лѣтъ. **Можетъ-быть**, его зовутъ Джо. Я не знаю, куда онъ шелъ, потому что онъ былъ чужой. Но, **можетъ-быть**, мать послала его въ лавку, купить что-нибудь на обѣдъ. У него въ одной рукѣ былъ мѣшокъ. **Полагаю**, что онъ несъ его матери.

Обучая Елену употребленію языка, я не связывала себя никакой особенной теоріей или системой. Я слѣдила за движеніями ума моей воспитанницы и старалась выполнять указанія, которыя она сама давала мнѣ, но въ то же время стремилась расширить кругъ ея

³ То же самое замѣчается при изученіи новаго языка, особенно при чтеніи. Тутъ драгоценнымъ правиломъ является слѣдующее: не слишкомъ останавливаться на не вполне понятныхъ словахъ и избѣгать кабалы словаря, а рассчитывать главнымъ образомъ именно на «сочетаніе понятій и повтореніе», и до послѣдней возможности **отгадывать** смыслъ. Словарь — послѣдняя инстанція.

общихъ познаній, ея знакомство со всѣмъ окружающимъ, развитіе ея мышленіе, привести ее въ свободныя, естественныя отношенія съ людьми...

Въ 1889 г. директоръ Анагнось на годъ уѣзжалъ въ Европу, и до 1891 г. миссъ Солливанъ не писала ничего для печати. Въ этомъ послѣднемъ отчетѣ есть интересныя подробности, служащія прямо продолженіемъ предыдущихъ и отмѣчающія большую систематичность въ занятіяхъ, по мѣрѣ возрастающей правильности умственной работы ученицы и большей способности ея къ усидчивому труду.

До октября 1889 г. я не считала нужнымъ принуждать Елену къ правильному, систематическому курсу занятій. Въ первые два года своей умственной жизни она была точно ребенокъ на чужой сторонѣ, гдѣ все ему ново, все приводитъ его въ недоумѣніе, и до тѣхъ поръ, пока она не овладѣла основательно языкомъ, не было возможности затѣвать никакого опредѣленнаго курса.

Къ тому же, любознательность Елены въ эти годы была такъ велика, что нельзя было, безъ вреда для ея успѣховъ въ приобрѣтеніи языка, откладывать до окончанія урока безпрестанно представлявшіеся ей вопросы. Она, по всей вѣроятности, забыла бы вопросъ, и пропала бы случай объяснить что-нибудь существенное. Поэтому я всегда считала за лучшее говорить моей ученицѣ то, что ей требовалось знать въ ту самую минуту, когда она спрашивала, все равно имѣлъ ли вопросъ отношеніе къ данному уроку или нѣтъ, такъ что вопросы ея часто уводили насъ далеко отъ непосредственно изучаемаго предмета.

Съ октября 1889 г. работа нѣсколько урегулировалась и включала ариѳметику, географію, зоологію, ботанику и чтеніе...

Умственное развитіе Елены за послѣдніе два года яснѣе отразилось на ея болѣшемъ умѣннй владѣть языкомъ и на легкости, съ которою она распознаетъ наиболѣе тонкіе оттѣнки въ смыслѣ словъ, чѣмъ на какой-либо другой отрасли ея воспитанія.

Не проходитъ дня, чтобы она не выучила многихъ новыхъ словъ, и не одни только названія видимыхъ, осязаемыхъ предметовъ. Напримѣръ, въ одинъ и тотъ же день она пожела-ла узнать значеніе слѣдующихъ словъ: **феномень, энергія, включать, воспроизведены, необыкновенный, тайна**. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ имѣютъ значеніе постепенности, начиная съ простого и понемногу доходя до отвлеченнаго. Сдѣлать понятнымъ Еленѣ наиболѣе отвлеченное значеніе слова **тайна** было бы невозможной задачей; но она легко поняла, что оно означаетъ нѣчто сокровенное, а по мѣрѣ того, какъ она будетъ далѣе успѣвать, она схватитъ это болѣе отвлеченное значеніе съ такою же легкостью, съ какою пока поняла болѣе общее, несложное. Изслѣдованіе какого угодно предмета должно въ началѣ представлять слова и фразы неудобопонятныя, пока ученикъ не уйдетъ значительно впередъ; но я, все-таки, сочла за лучшее давать моей ученицѣ простыя объясненія, разсуждая такъ, что, если они выйдутъ нѣсколько неопредѣленными и временными, зато они будутъ пополнять другъ друга, и то, что темно сегодня, завтра станетъ ясно.

Я смотрю на свою ученицу какъ на свободное и самодеятельное существо, инстинктивные порывы котораго должны быть моими надежнѣйшими руководителями. Я всегда говорила съ Еленой совершенно такъ, какъ говорила бы съ ребенкомъ зрячимъ и слышащимъ, и настаивала, чтобы и другіе такъ съ нею говорили. Когда меня спрашиваютъ, пойметъ ли она то или другое слово, я всегда отвѣчаю: «Не въ томъ дѣло, пойметъ ли она каждое отдѣльное слово въ предложеніи, или нѣтъ. Она отгадаетъ смыслъ новыхъ словъ по ихъ связи съ другими, уже понятными ей».

Выбирая для Елены книги для чтенія, я никогда не сообразовала выбора съ ея слѣпотою и глухотою. Она всегда читаетъ такія книги, какія читаютъ, находя въ нихъ удовольствіе, другія дѣти ея лѣтъ. Конечно, въ началѣ надо было имѣть въ виду, чтобы описывались вещи для нея интересныя и доступныя, и чтобы слогъ былъ простой и чистый. Я отлично помню ея первую попытку прочесть маленькій рассказикъ. Она уже знала печатныя буквы и уже нѣсколько времени, какъ для забавы, составляла простенькія фразы, употребляя для этого бумажки съ выпукло напечатанными буквами, но эти фразы не имѣли особенной связи между собою. Случилось однажды утромъ, что была поймана мышь, и мнѣ пришлось

въ голову, что, имѣя живую кошку и живую мышь, которыми ее можно заинтересовать, мнѣ, можетъ быть, удастся устроить изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ фразъ нѣчто въ родѣ маленькой исторіи и этимъ дать ей новое наглядное понятіе о пользѣ и значеніи рѣчи. Я составила изъ выпуклыхъ буквъ въ имѣющейся для того рамкѣ слѣдующія фразы и дала ихъ Еленѣ: «Кошка сидитъ на ящикѣ. Въ ящикѣ сидитъ мышка. Кошка можетъ видѣть мышку. Кошкѣ очень хочется съѣсть мышку. Не давай кошкѣ ѣсть мышку. Кошкѣ можно дать молока, а мышкѣ надо дать булки». Знакомыя слова вызывали у нея радостную улыбку. Когда же я положила ея руку на кошку, дѣйствительно сидѣвшую на мышеловкѣ, она слегка вскрикнула отъ удивленія, и смыслъ всей первой фразы сдѣлался ей совершенно ясенъ. Когда она прочла слова второй фразы, я показала ей, что въ ящикѣ, въ самомъ дѣлѣ, сидитъ мышка. Къ слѣдующей строкѣ она уже перевела палецъ съ выраженіемъ живѣйшаго любопытства: «Кошка можетъ видѣть мышку». Тутъ я повернула кошку лицомъ къ мышкѣ, и заставила Елену ощупать ее. Выраженіе на лицѣ дѣвочки показывало, что она озадачена. Я обратила ея вниманіе на слѣдующую строку, и хотя она знала въ ней всего три слова: **кошка, мышка, ѣсть**, — однако, она уловила смыслъ: сняла кошку и поставила ее на полъ, а мышеловку покрыла платкомъ. Затѣмъ она прочла фразу: «Не давай кошкѣ ѣсть мышку», уловила отрицательный смыслъ фразы и поняла, что не надо давать мышку кошкѣ. Въ послѣдней фразѣ были все знакомыя слова, и она съ восторгомъ воспользовалась позволеніемъ продѣлать сказанное въ ней. Она знаками дала мнѣ понять, чтобы я дала ей еще рассказъ, и я дала ей книгу съ коротенькими рассказами самаго примитивнаго склада. Она водила пальцами по строкамъ, находя знакомыя слова и отгадывая смыслъ другихъ съ такой легкостью, которая убѣдила бы самаго завзятаго скептика-воспитателя, что глухой ребенокъ, если дать ему къ тому случай, научится читать такъ же просто и естественно, какъ и всякій другой.

Я убѣждена, что Елена обязана своимъ слогомъ близкому знакомству съ книгами. Она часто читаетъ два-три часа подрядъ, и то неохотно кладетъ книгу. Однажды, выходя изъ кабинета, служившаго библіотекой, я замѣтила, что лицо у нея задумчивѣе обыкновеннаго, и спросила причину. «Я думаю, — отвѣтила она: — насколько мы всегда бываемъ умнѣе, когда выходимъ отсюда, нежели, когда мы сюда входимъ».

Однажды, читая «Исторію Англій для дѣтей», Диккенса, мы напали на слѣдующую фразу: «И все еще духъ британцевъ не былъ сломленъ». Я спросила, какъ она это понимаетъ, что это значить? Она отвѣтила: «Я такъ объясняю, что храбрые британцы не потерялись оттого, что римляне выиграли столько сраженій, а только тѣмъ болѣе хотѣлось имъ прогнать ихъ всѣхъ». Она не была бы въ состояніи истолковать каждое слово въ этой фразѣ, однако она такъ вѣрно уловила смыслъ, что могла передать его своими словами. Слѣдующія строки: «Когда Светоній ушелъ, они напали на его войска и взяли обратно островъ Энгльси», она толковала: «Это значить, что, когда римскій полководецъ ушелъ, британцы снова стали драться; а такъ какъ у римлянъ не было никого, кто бы ихъ научилъ, что дѣлать, то они были разбиты британцами и потеряли взятый прежде островъ».

Она предпочитаетъ умственные занятія ручнымъ и не такъ любитъ рукодѣлія, какъ многія слѣпныя дѣти, хотя рада дѣлать вмѣстѣ съ другими все, за что бы они ни принимались. Она научилась писать на машинкѣ, не такъ быстро, но очень отчетливо, вѣрно, хотя меньше мѣсяца, какъ упражняется на ней...

Въ іюлѣ 1894 г., на сѣздѣ «Американскаго Общества распространенія обученія глухихъ живой рѣчи» читался докладъ, который миссъ Солливанъ приготовила по настоятельной просьбѣ общества. Докладъ этотъ содержитъ послѣднее, что она писала или печатала о своей «методѣ», и дополняетъ картину перваго трехлѣтняго періода ея великаго труда, который, если и продолжался послѣ того и, въ извѣстной степени, и теперь еще не прекращается, однако, послѣ первыхъ трехъ лѣтъ, уже не требовалъ той неусыпной бдительности, той ежеминутной изобрѣтательности, безъ которыхъ, при всей даровитости ученицы, успѣхъ получился бы лишь заурядный. Эти послѣднія замѣтки гениальной воспитательницы отличаются спокойной ясностью взгляда художника, когда творческая лихорадка остыла, и онъ уже съ нѣкотораго разстоянія смотритъ на свое произведеніе.

Вы не должны воображать — предупреждаетъ она специалистовъ, внимающихъ каждому ея слову почти съ благоговѣннымъ уваженіемъ: — будто Елена, какъ только уразумѣла, что каждый предметъ имѣетъ названіе, разомъ такъ и овладѣла сокровищницей

цей англійскаго языка или, какъ увѣрялъ одинъ изъ ея самыхъ восторженныхъ поклонниковъ, будто ея умственныя способности выскочили во всеоружіи изъ ихъ дотолѣ живой гробницы, какъ Аѳина изъ головы Зевса. Сначала все употребляемая ею слова, обороты, предложенія — были просто повтореніемъ того, что мы употребляли въ разговорахъ съ нею, а она безсознательно запомнила. Такъ бываетъ со всеми дѣтьми. Ихъ говоръ есть только повтореніе того, что они слышатъ вокругъ себя и что западаетъ въ ихъ память. Безчисленныя повторенія, изъ которыхъ состоитъ разговоръ домашнего обихода, запечатлѣваютъ въ ихъ памяти извѣстныя слова и обороты, и, когда они начинаютъ сами говорить, память подсказываетъ имъ то, что они лепечутъ. **Такимъ же порядкомъ языкъ образованныхъ людей есть оставшійся въ ихъ памяти языкъ книгъ.**

Языкъ вырастаетъ изъ жизни, изъ житейскихъ нуждъ и опытовъ. Въ началѣ умъ моей маленькой ученицы представлялъ почти пустоту. Она прожила въ мірѣ, котораго не могла осмыслить. **Языкъ и знаніе** связаны неразрывно; они состоятъ во взаимной зависимости другъ отъ друга. Чтобы хорошо владѣть языкомъ необходимо знать все, что составляетъ окружающій міръ. Съ той минуты, когда Елена уразумѣла, что все на свѣтѣ имѣетъ названіе, и что посредствомъ ручнаго алфавита люди эти названія могутъ сообщать другъ другу, я принялась возбуждать ея интересъ именно **къ предметамъ**, имена которыхъ она съ такой очевидной радостью научалась выражать посредствомъ алфавита. **Я никогда не учила ее языку, дѣлая изъ языка цѣль ученія, а неизмѣнно употребляла языкъ, только какъ орудіе для сообщенія мысли**, такъ что языкъ и знаніе приобрѣтались ею **совмѣстно и одновременно**. Для того, чтобы съ языкомъ обращаться разумно и сознательно, нужно имѣть, **о чемъ** говорить, а это возможно только много испытать; сколько ни учи маленькихъ дѣтей собственно языку, они никогда не будутъ выражаться съ легкостью и плавностью, если не имѣютъ явственно въ умѣ своемъ чего-нибудь, что имъ хочется передать, или если мы не сумѣемъ внушить имъ желаніе узнать то, что у другихъ въ умѣ.

Вначалѣ я не пыталась придерживаться со своей ученицей какой-либо системы. Я всегда старалась дознаться, что всего болѣе ее интересуетъ, и съ этого начинала новый урокъ, все равно, имѣло ли это отношеніе къ прежде задуманному мною уроку или нѣтъ. Въ первые два года ея умственной жизни я очень мало задавала Еленѣ писать. Для того, чтобы писать, нужно имѣть, **о чемъ** писать, а для этого требуется нѣкоторая умственная подготовка. Нужно, чтобы въ памяти накопились понятія, и умъ обогатился знаніями, прежде чѣмъ писаніе сдѣлается естественнымъ и пріятнымъ занятіемъ. Дѣтей, по-моему, слишкомъ часто заставляютъ писать прежде, чѣмъ у нихъ найдется что сказать. Научите ихъ думать, и читать, и говорить безъ стѣсненій, и они станутъ писать, потому что ихъ будетъ тянуть писать⁴.

Елена научилась владѣть языкомъ практикой и привычкой больше, чѣмъ правилами и разборами. **Грамматика съ ея сбивчивыми раздѣленіями и подраздѣленіями, номенклатурой и схемами, была вовсе похѣрена изъ ея учебной программы.** Она научалась языку потому, что была приведена въ соприкосновеніе съ самимъ **живымъ** языкомъ, въ обиходномъ разговорѣ, въ книгахъ, была приучена всячески, такъ сказать, ворочать имъ, пока сама собою не стала употреблять его правильно. Я безспорно говорила пальцами больше и болѣе постоянно, чѣмъ говорила бы языкомъ, потому что, если бы она обладала зрѣніемъ и слухомъ, она бы менѣе зависѣла отъ меня, я не была бы для нея единственнымъ источникомъ и знанія, и забавы.

Я думаю, что у каждаго ребенка, гдѣ-нибудь въ его существѣ, спрятаны высокія способности, которыя возможно оживотворить и развить, если только сумѣть приняться; но мы никогда не разовьемъ всего, что есть высшаго въ натурахъ нашихъ малютокъ, пока мы будемъ наполнять умы ихъ такъ-называемыми «первыми началами наукъ». И математика никогда не сдѣлается ихъ любящими, и точное знаніе размѣровъ и формы нашей зе-

⁴ Эрнестъ Ренанъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ дѣтства и отрочества», съ восторгомъ и благодарностью вспоминаетъ о профессорѣ словесности, который, если оставался недоволенъ слогомъ ученическихъ сочиненій (**exercices de style**), никогда не поправлялъ именно **слога**, а говорилъ: «Вы еще недостаточно владѣете своимъ предметомъ — изучите его получше!» Юный Ренанъ слѣдовалъ совѣту, — и слогъ самъ собой исправлялся, лился ясно, свободно, изящно. Это же самое имѣлъ въ виду Буало, когда писалъ въ своей дидактической поэмѣ, **Art Poétique**: «**Ce qui se conçoit clairement s'énonce aisément**» («То что ясно понято, излагается свободно, съ легкостью».)

или не по-можетъ имъ оцѣнить ея красоту. Будемъ первые годы вести ихъ такъ, чтобы они самое большое удовольствіе находили въ природѣ. Пусть они бѣгаютъ по полямъ, узнаютъ все про животныхъ, наблюдаютъ дѣйствительность во всемъ. При надлежащихъ условіяхъ дѣти сами себя воспитаютъ. Имъ нужны руководители и участіе гораздо болѣе, чѣмъ ученіе.

Я думаю, что Елена потому такъ владѣетъ языкомъ, что она почти всѣ впечатлѣнія получаетъ этимъ путемъ. Но, оставляя въ сторонѣ ея природную способность въ этомъ направленіи и необыкновенно благопріятную обстановку, я также думаю, что, если всмотрѣться поближе, окажется, что постоянное близкое знакомство съ хорошими книгами имѣло рѣшающее значеніе въ ея воспитаніи. Можетъ-быть, и правда, какъ нѣкоторые утверждаютъ, что рѣчь выражаетъ для насъ немного болѣе того, что мы сами испытали и пережили; однако, я всегда замѣчала, что дѣтямъ доставляетъ величайшее наслажденіе возвышенный поэтический слогъ, который мы слишкомъ торопимся признать за нѣчто превосходящее ихъ пониманіе. «Это все, что вы поймете», — однажды сказала учительница классу малышей, закрывая книгу, изъ которой она только-что прочла имъ какой-то отрывокъ. «Ахъ, нѣтъ; прочитайте до конца, даже если мы не поймемъ», — упрашивали они: ихъ восхищали ритмъ, звучность, красота, которые они чувствовали, хотя не были бы въ состояніи объяснить. Нѣтъ необходимости, чтобы ребенокъ понималъ каждое слово въ книгѣ, для того, чтобы онъ могъ прочесть ее съ удовольствіемъ и пользой. Даже лучше давать только самыя необходимыя объясненія. Елена впитывала въ себя языкъ, сначала не понимая его, но онъ оставался въ головѣ ея «до востребованія» и естественно, легко прилаживался къ ея разговору и сочиненіямъ. Многіе говорили, что она читаетъ слишкомъ много, что черезъ это она теряетъ много самобытного творчества, что, вмѣсто того, чтобы видѣть и говорить самой отъ себя, она видитъ чужими глазами и говоритъ чужими словами; но я убѣждена, что невозможно писать безъ подготовки черезъ многостороннее чтеніе. Еленѣ всегда давались самыя лучшіе и чистые образцы слога, и въ разговорѣ и собственномъ писаніи она безсознательно воспроизводитъ то, что читала. Чтеніе, по моему мнѣнію, должно быть независимо отъ школьныхъ упражненій. Дѣтей надо приучать читать ради одного удовольствія. Ребенокъ долженъ безсознательно воспринимать изъ книгъ то, что ему въ данную пору требуется. Надо, чтобы великія произведенія челоуѣческой фантазіи сдѣлались частью его жизни, какъ они были когда-то жизнью отъ жизни ихъ творцовъ. Правда, чѣмъ болѣе чутокъ умъ, чѣмъ живѣе воображеніе, воспринимающіе ихъ, тѣмъ точнѣе воспроизводятся лучшія строки. Елена обладаетъ живымъ чувствомъ, свѣжестью, духовнымъ прозрѣніемъ, свойственными артистическому темпераменту, и поэтому она жизнерадостнѣе относится къ самому факту существованія, находитъ больше наслажденія въ природѣ, книгахъ, обществѣ людей, нежели это возможно для менѣе даровитыхъ натуръ. Умъ ея такъ наполненъ прекрасными мыслями и идеалами великихъ поэтовъ, что для нея нѣтъ ничего пошлаго: ея воображеніе окрашиваетъ все въ жизни собственнымъ богатымъ колоритомъ.

Какъ всѣ вообще размышленія миссъ Солливанъ, такъ въ особенности эти немногія странички, — окончательно созрѣвшій плодъ семилѣтней дѣятельности, закругленной, оконченной работы, — замѣчательны тѣмъ, что высказанные въ нихъ взгляды, исходя изъ сравнительно узкой спеціальной задачи: обученія слѣпо-глухого ребенка, постепенно расширяются далеко за предѣлы этой первоначально намѣченной ею сферы и достигаютъ обобщеній, равняющихся открытіямъ въ области общей педагогіи, примѣненіе которыхъ, при всей ихъ простотѣ, (или именно вслѣдствіе этой простоты, столь противной ненужной мудрости принятыхъ воспитательныхъ и учебныхъ пріемовъ), произвели бы глубокой и благодатный переворотъ въ этой твердынѣ рутинѣ, — тамъ, гдѣ рутинѣ всего неумѣстнѣе и вреднѣе. Всего вѣроятнѣе, что миссъ Солливанъ, какъ это вообще свойственно талантамъ-самородкамъ, понуждаемымъ невыполнѣемъ сознанный внутренней необходимостью идти этимъ, а не другимъ путемъ, часто наперекоръ самымъ почтеннымъ установленнымъ прецедентамъ, не вполнѣ сознавала значеніе подрывательное съ одной стороны, съ другой — созидательное своихъ простыхъ, самостоятельныхъ пріемовъ и взглядовъ, продиктованныхъ непосредственнымъ здравымъ смысломъ, играющимъ, вообще, столь малую роль въ оторванныхъ отъ практики теоріяхъ.

Интересно познакомиться съ оцѣнкой, которую составило о взглядахъ и дѣятельности миссъ Солливанъ интеллигентное общество, съ самаго начала слѣдившее за ними и шагъ за шагомъ наблюдавшее достигаемые ею результаты. Въ разногласіяхъ и даже горячихъ спорахъ, конечно, не было недостатка. Въ началѣ

раздавались голоса, негодовавшие на то, что **такое** дѣло безконтрольно отдали въ руки простой, малоученой дѣвушки со школьной скамьи, да еще такой, которая сама еле-еле избѣжала полной слѣпоты, что-де должно было невыгодно отразиться на ея собственномъ образованіи и на ея будущей дѣятельности. Было немало и такихъ, которые досадовали, что такой рѣдкостный «субъектъ» ушелъ изъ рукъ экспериментальной науки, которые хотѣли бы устроить надъ нимъ постоянный научный надзоръ, не прочь были бы подвергать бѣднаго ребенка нѣкотораго рода нравственной вивисекціи во имя все той же всеоправдывающей науки, наконецъ, бранили миссъ Солливанъ невѣждой, равнодушной къ высшимъ интересамъ человѣчества, за то, что она относилась къ своей воспитанницѣ **не** какъ къ «субъекту,» а какъ къ человѣческой душѣ, которую она взялась опекать и спасти отъ живой смерти, и потому стояла на стражѣ надъ нею, съ суровою любовью оберегая ее отъ всякихъ посягательствъ «науки». Къ числу недовольныхъ присоединились и газетные вѣстовщики, сердившіеся, опять-таки во имя «интересовъ человѣчества», что ихъ не пускали въ святыню частной жизни семьи, интересной такимъ горестнымъ отличіемъ, и, точно въ отместку, угощали любопытную публику всякими небылицами, такъ что миссъ Солливанъ приняла мудрое рѣшеніе не читать и не слушать, чтобы не смущаться и не сердиться. Время и успѣхъ взяли свое, и теперь нѣтъ никого, кто бы не отдавалъ должнаго единственной на этомъ трудномъ, новомъ поприщѣ воспитательницѣ.

Органомъ всеобщей оцѣнки въ настоящее время является литераторъ, собравшій для изданія, въ видѣ приложенія къ автобіографіи миссъ Келлеръ, ея письма, сгруппированныя въ хронологическомъ порядкѣ, письма и отчеты миссъ Солливанъ, и весьма тактично дополнившій этотъ богатый, подлинный матерьялъ лишь немногими своими замѣчаніями и впечатлѣніями, служащими для поясненія и освѣщенія тѣхъ или другихъ моментовъ и обѣихъ замѣчательныхъ личностей, отнюдь не навязывая читателямъ извѣстныхъ взглядовъ или сужденій. Такъ, съ особеннымъ удовольствіемъ читаются тѣ нѣсколько страницъ, дополняющія собственныя сообщенія миссъ Солливанъ, всегда скромныя и сдержанныя, все равно, обращается ли она съ ними къ глубоко чтимой старшей подругѣ, или къ публикѣ черезъ посредство печатныхъ отчетовъ директора института Перкинса, которые заканчиваютъ и резюмируютъ обзоръ, озаглавленный «Воспитаніе».

Миссъ Солливанъ, — отъ себя пишетъ Джонъ А. Мэси, называющій себя «редакторомъ» издаваемаго матерьяла и автобіографіи! — миссъ Солливанъ начала съ того, чѣмъ кончилъ докторъ Хау. Онъ избобрѣлъ орудіе, физическій приѣмъ работы, но обученіе рѣчи — совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ механическое средство, которое дѣлаетъ возможнымъ это обученіе. Посредствомъ опытовъ, изученія другихъ дѣтей, она дошла до практическаго способа обучать рѣчи по натуральной методѣ. Именно эту «натуральную методу» дръ Хау ощупью искалъ, но онъ никогда не дошелъ до мысли, что глухого ребенка не слѣдуетъ учить посредствомъ объясненія каждаго отдѣльнаго слова, а нужно **внушать** ему пониманіе и употребленіе безконечными повтореніями выраженій, оборотовъ, которыхъ онъ не понимаетъ, — а въ этомъ-то и заключается великое открытіе миссъ Солливанъ. Весь день — и въ рабочіе, и въ рекреационныя часы — она писала въ рукѣ своей ученицы, такъ что послѣдняя впитывала въ себя рѣчь совершенно такъ же, какъ дитя въ колыбели впитываетъ въ себя слова, слыша ихъ тысячи, прежде чѣмъ оно въ состояніи употребить одно, и въ головѣ его устанавливается связь между словомъ и тѣмъ, что подаетъ къ нему поводъ. Такимъ образомъ, онъ узнаетъ, что словами называютъ предметы, чувства, дѣйствія. Это составляетъ первый основной принципъ въ методѣ миссъ Солливанъ, — принципъ, принесшій практическіе результаты и никогда, насколько я могъ дознаться, не примѣнявшійся въ воспитаніи глухого ребенка, тѣмъ паче слѣпо-глухого, пока она не испробовала его въ воспитаніи Елены Келлеръ. И никогда принципъ этотъ не былъ ясно оформленъ, пока она его не высказала въ своихъ письмахъ.

Второй принципъ въ ея методѣ (численный порядокъ тутъ, конечно, ни при чемъ), заключается въ томъ, чтобы никогда не говорить ребенку о такихъ вещахъ, которыя ему скучны или неприятны. Въ школѣ для глухихъ, о которой рассказываетъ миссъ Солливанъ (см. стр. 124 [60]), учительница стояла передъ черной доской и усердно писала для дѣтей вещи вовсе имъ неинтересныя, тогда какъ они толпились вокругъ посѣтительницъ съ живѣйшимъ любопытствомъ, явно показывая, что были сотни вещей, о которыхъ имъ очень хотѣлось что-нибудь узнать. «Почему же, — спрашиваетъ миссъ Солливанъ, — не рассказать имъ про то, что интересуетъ ихъ и **этимъ** путемъ увеличить ихъ знаніе языка?»

Въ тѣсной связи съ этимъ правиломъ (говорить ребенку только то, что его интересуетъ), состоитъ третій принципъ: никогда не заставлять ребенка молчать, когда онъ задаетъ во-

просы, а отвѣчать на нихъ по возможности правдиво, потому что, — говоритъ миссъ Солливанъ: — вопросы — это дверь въ дѣтскій умъ. Она никогда безъ нужды не искажала своихъ мыслей или выраженій, якобы приспособляя ихъ къ предполагаемому низкому умственному уровню ребенка. Она настоятельно всѣхъ просила говорить съ Еленой естественнымъ языкомъ, полными предложеніями, выражающими зрѣлыя мысли, не заботясь о томъ, пойметъ ли она или нѣтъ. Она твердо знала то, чего очень многіе совсѣмъ не понимаютъ, а именно, что послѣ первыхъ, элементарныхъ объясненій такихъ словъ, какъ: **шляпа, чашка, ходить, сидѣть**, единица рѣчи, въ пониманіи ребенка, есть предложеніе, совершенно такъ же, какъ для насъ, взрослыхъ. Мы воспринимаемъ предложеніе, не разлагая его на слова, а цѣликомъ. Именно цѣлое предложеніе, — т. е. то, что высказывается о чемъ-нибудь, — представляетъ для насъ понятіе. Правда, и слова выражаютъ понятія, вѣрнѣе намекають на нихъ, дитя можетъ выговаривать «мама?», желая спросить «гдѣ мама?», но оно научается выраженію разныхъ понятій, относящихся къ мамѣ, научается рѣчи, только слыша цѣлыя предложенія. И миссъ Солливанъ, хотя не насильствовала первыхъ лепетовъ пальчиковъ своей ученицы, требуя отъ нея сразу правильной грамматической конструкціи, но сама, повторяя фразу дѣвочки: «мама — молоко», дополняла недосказанное ею, писала въ ея рукѣ: «мама дастъ Еленѣ молока».

Такъ-то она выработывала «натуральную методу», столь простую, далекую отъ всякой искусственности, что ее скорѣе можно бы назвать отрицаніемъ всякой методы. Сомнительно, услыхали ли бы мы что-нибудь объ Еленѣ Келлеръ, если бы миссъ Солливанъ не имѣла случая сойтись съ другими дѣтьми? Наблюдая за ними, она научилась обращаться со своей ученицей по возможности больше, каюсъ нормальнымъ ребенкомъ.

Не одинъ только ручной алфавитъ знакомилъ пальчики Елены со словами. Алфавиту немного, быть-можетъ, даже нисколько, въ дѣлѣ обученія языка не уступали книги. Елена сидѣла надъ ними задолго до того, какъ она научилась читать, ища въ нихъ сначала не рассказы, а только отдѣльныя знакомыя слова, а поясненіе новыхъ словъ, которое дается ихъ положеніемъ относительно знакомыхъ словъ, сочетаніемъ ихъ съ этими словами, незамѣтно увеличивало ея лексиконъ. Книги — сокровищница языка, и всякій ребенокъ, глухъ ли онъ, или нѣтъ, вниманіе котораго какъ-нибудь привлечено къ печатной страницѣ, волей-неволей долженъ многому научиться. Научается онъ чтеніемъ не того, что онъ понимаетъ, а того, что онъ не понимаетъ, но замѣчаетъ и запоминаетъ. Положимъ, что многихъ дѣтей такъ рано потянетъ къ книгамъ, какъ Елену Келлеръ, но все же возможно обратить на печатную страницу естественное любопытство каждаго умственно здороваго ребенка, особенно, если учительница умна и обратить это въ игру, какъ это дѣлала миссъ Солливанъ. Говорятъ, что у Елены Келлеръ особенный даръ къ языкамъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что у нея особенный даръ къ мышленію, а склонность къ языкамъ у нея оттого, что языкъ для нея — жизнь. Это былъ для нея не «предметъ», какъ географія или ариѳметика; это былъ путь ея въ наружный міръ.

Четырнадцать лѣтъ, когда она взяла всего нѣсколько уроковъ нѣмецкаго языка, она прочитала слово за словомъ «Вильгельма Телля» и умудрилась разобрать сюжетъ. Грамматики она не знала и знать не хотѣла. Она узнала языкъ изъ самого языка, а это, — если нельзя слышать языкъ отъ говорящихъ на немъ, — самый лучший способъ научиться ему, и, въ концѣ концовъ, легче нашей школьной методы начинать съ грамматики. Точно такъ же она играла латинскимъ языкомъ: не только учила уроки, заданные ей учителемъ, но по многу разъ проходила слова какого-нибудь текста для собственной забавы.

Одинъ изъ ея учителей писалъ мнѣ въ письмѣ:

Часто я заставлялъ ее, когда у нея случалось немного свободнаго времени, сидящею въ любимомъ уголку, въ креслѣ, ручки котораго поддерживали громоздкій томъ, какіе изготовляются для слѣпыхъ; она медленно водила пальцемъ по строкамъ комедіи Мольера: «Le Médecin Malgré Lui», посмѣиваясь про себя комическимъ положеніямъ и забавнымъ стихамъ. Въ то время ея запасъ французскихъ словъ былъ очень невеликъ, но она «доходила своимъ умомъ», какъ мы шутили называли этотъ процессъ, отгадывала значеніе словъ и составляла общій смыслъ вѣродѣ того, какъ ребенокъ составляетъ мозаичную картину. Въ результатѣ, мы съ нею, нѣсколько недѣль спустя, цѣлый вечеръ хохотали надъ

комедіей, которую она всю рассказала мнѣ своими словами, съ начала до конца, съ полнымъ пониманіемъ юмора отдѣльныхъ сценъ и вѣрной оцѣнкой особенно остроумныхъ выходовъ. Это не былъ урокъ, а просто забава, отдыхъ послѣ работы.

Однимъ словомъ, способность Елены Келлеръ къ языкамъ есть не что иное, какъ вся ея умственная способность, обратившаяся къ изученію человѣческой рѣчи, вслѣдствіе необыкновенной цѣны, которую она имѣетъ для нея.

Было много споровъ о томъ, обязана ли Елена Келлеръ тѣмъ, что ею достигнуто, своей необыкновенной даровитости или методѣ, по которой она учена.

Рѣчи нѣтъ, что преподавательница, въ десять разъ геніальнѣе миссъ Солливанъ, не могла бы создать такую замѣчательную ученицу изъ ребенка, отъ рожденія тупого или съ заурядными способностями. Но несомнѣнно и то, что изъ Елены Келлеръ, будь она вдесятеро геніальнѣе, не могло бы выйти то, чѣмъ она является, если бы она не была превосходно учена съ самаго начала, и особенно именно съ начала. И не подлежитъ сомнѣнію, что она обучена по методѣ, существенныя основанія которой ясно изложены въ письмахъ миссъ Солливанъ, писанныхъ въ то самое время, когда она додумывалась до своей методы и успѣшно примѣняла ее на практикѣ. Теперь же методу эту любой преподаватель можетъ съ успѣхомъ примѣнить къ обученію любого здороваго глухого ребенка, а при болѣе широкомъ истолкованіи основныхъ принциповъ — къ обученію языкамъ вообще кого угодно.

Въ безчисленныхъ препирательствахъ, вызванныхъ этимъ вопросомъ, писавшіе о немъ непремѣнно ставятъ дилемму: **или** Елена Келлеръ — геній, **или** метода — совершенство. Но вѣдь и то, и другое можетъ быть вѣрно. И тутъ является еще одно обстоятельство: миссъ Солливанъ — личность необыкновенно мощная. Метода ея въ другихъ рукахъ, быть-можетъ, не имѣла бы такого успѣха. Ея сильный, самобытный умъ много своей жизненности передалъ ея ученицѣ. Если миссъ Келлеръ любитъ языки и не особенно жалуется математику, мы не удивимся, узнавъ то же и о миссъ Солливанъ. И это не значить, чтобы миссъ Келлеръ была поработана вліяніемъ своей наставницы. Такую почти воинствующую личность не можетъ поработить даже такая воля, какою одарена миссъ Солливанъ. Но послѣдняя сдѣлала для своей воспитанницы многое, что не поддается анализу, не сводится къ «принципамъ»: она дала ей вдохновеніе, которое исходитъ изъ тѣсной дружбы и скорѣе развиваетъ, нежели тормозитъ способности и энергію обѣихъ сторонъ. И если миссъ Келлеръ является чудомъ доброты и нѣжности, если она «исполнена любви ко всему хорошему и прекрасному», то это кое-что говорить и о наставницѣ, прожившей съ нею шестнадцать лѣтъ.

Таблица 6.3. Елена Келлеръ читаетъ въ своемъ кабинетѣ

Елена Келлеръ читаетъ въ своемъ кабинетѣ.

Итакъ, миссъ Солливанъ много сдѣлала для миссъ Келлеръ такого, чего другая наставница не была бы въ состояніи точно такими же средствами сдѣлать для другой личности. Для того, чтобы получить другую Елену Келлеръ, нужна, прежде всего, другая миссъ Солливанъ. Для того же, чтобы получить просто образованнаго, хорошо воспитаннаго слѣпо- глухого ребенка, достаточно любой воспитанницы, живущей въ благопріятныхъ условіяхъ, среди внѣшнихъ живыхъ интересовъ, свободно отъ вмѣшательства и контроля, неразлучно со своей воспитательницей, примѣняющей, насколько ей потребуется, принципы, которыхъ, благодаря миссъ Солливанъ, ей не нужно самой доискиваться, съ такими приспособленіями и прибавленіями, какія она найдетъ нужными; да нужно, чтобы воспитанница была физически здоровая, отъ природы способная и настолько молодая, чтобы не успѣть окончательно закоснѣть въ невѣжествѣ. Любого здороваго глухого или слѣпо-глухого ребенка возможно воспитать. Но сдѣлать это могутъ родители или воспитатели, специально приставленные, — не школа. Я знаю, что противъ этой мысли сильно возстанутъ поборники учебныхъ заведеній для глухихъ. Конечно, для дѣтей, которыхъ берется воспитывать государство, такое заведеніе — единственно возможное. Но очевидно, что глухого ребенка нужно учить именно тому, чему нормальный ребенокъ научается до школьнаго возраста. Когда миссъ Солливанъ, выйдя съ Еленой на птичій дворъ, брала въ руки только что вылупившагося цыпленка и бесѣдовала съ нею о немъ, она давала ей воспитаніе, невозможное въ четырехъ стѣнахъ, притомъ возможное только съ однимъ ребенкомъ, не съ классомъ⁵

⁵ Едва ли миссъ Солливанъ согласилась бы съ этимъ. Она, вѣроятно, сказала бы, что, если школы не годятся при существующихъ условіяхъ, то условія эти надо измѣнить и примѣнить къ требованіямъ задачи. И это не такъ ужъ трудно: что же невозможнаго въ томъ, чтобы такія школы устраивать за городомъ, въ сельской обстановкѣ? Что же касается того, будто по этой методѣ возможно учить только по одному ребенку, то это не совсѣмъ вѣрно. Большіе классы, конечно, немыслимы, но съ маленькими группами можно справиться. И, во всякомъ случаѣ, учительскій персоналъ въ такой школѣ долженъ быть гораздо многочисленнѣе, нежели въ обыкновенной.

Искушенію обсуждать весь вопросъ о воспитаніи глухихъ и слѣпо-глухихъ исключительно съ точки зрѣнія Елены Келлеръ опасно уступать. Спрашивается, не возбудилъ ли успѣхъ миссъ Солливанъ съ нею слишкомъ высокія надежды въ воспитателяхъ другихъ дѣтей, и мнѣ лично извѣстны случаи, гдѣ слѣпо-глухихъ дѣтей родные и преподаватели толкаютъ и тащатъ черезъ силу, и пишутъ про нихъ блестящіе «доклады», — увы! далеко не соответствующіе истинѣ: такъ и читается между строкъ, какъ несчастныхъ дѣтей гоняютъ, чтобы добиться отъ нихъ хоть части того, что о нихъ рассказываютъ...

Хорошій «субъектъ» дался миссъ Солливанъ, съ ея умомъ, преданностью и готовностью безстрашно производить надъ нимъ опыты. Метода ея такъ хороша, что даже если бы успѣхъ получился не такой блестящій, всякій долженъ былъ бы признать основательность ея выводовъ. Наконецъ, она многимъ была обязана обстановкѣ: окружающая богатая природа была первою школой, въ которой неразлучныя воспитательница и воспитанница вмѣстѣ учились, вмѣстѣ играли, воспитывая себя и другъ друга.

Глава 7. Первое горе

Мисс Солливанъ, говоря о быстротѣ, съ которой ея ученица схватывала тончайшіе оттѣнки рѣчи, а, стало-быть, и того, что рѣчь изображаетъ и выражаетъ, какъ-то замѣтила: «Она имѣетъ одно великое преимущество надъ заурядными дѣтьми, а именно, — ничто извнѣ не отвлекаетъ ея вниманія».

Это брошенное вскользь замѣчаніе, на самомъ дѣлѣ даетъ ключъ къ феноменально быстрому, всестороннему и гармоничному развитію ея замѣчательныхъ способностей. Понятно, что развиваться можетъ только то, что существуетъ, и что никакія заботы, никакія самыя благопріятныя условія не могли бы **создать** такой мыслительный аппаратъ, какимъ обладаетъ мисс Келлеръ. Но разъ онъ ей былъ дарованъ отъ природы, нѣтъ сомнѣнія, что данныя при этомъ условія до нельзя изошчили его и мѣшали ему растрчивать свои силы на всякую, не идущую къ дѣлу мелочь.

Тѣми же условіями въ большой мѣрѣ объясняется художественность ея литературнаго слога. Опять-таки, они не могли бы создать въ ней этого дара, но способствовали его развитію и сберегли его первобытную чистоту, охраняя его отъ прикосновенія ко всему пошлому, пустому, мишурному въ области литературнаго творчества и мышленія, не говоря уже о простомъ «бумагомараніи». Вѣдь у всякаго пишущаго литературный слогъ, какимъ бы своеобразнымъ и самобытнымъ ни выработался вполнѣдствіи, начинается неизбежно съ подражанія. Кто никогда ничего не читалъ, тотъ не примется писать. Это — такой огонь, который возжигается непременно искрой, и несомнѣнно тутъ важно, **изъ какого очага** эта искра залетитъ! Елена стала читать почти что съ того же дня, какъ начала говорить (руками), и никогда не прочла ни одной пустой статьи, ни одной дрянной повѣсти, ни одного пошлаго романа. Зато все прекрасное, возвышенное, мудрое, что накоплено вѣками въ письменности всѣхъ народовъ, питало ея умъ и душу съ первыхъ же шаговъ; и сильная пища эта давалась ей съ разборомъ, постепенно, по мѣрѣ того, какъ развивались и крѣпли ея собственныя силы и способность принимать и усваивать ее. Чтеніе ея не ограничилось книгами, печатанными выпуклымъ шрифтомъ, или «брайлемъ» специально для слѣпыхъ, не очень многочисленными, однако включающими почти всѣхъ міровыхъ классиковъ (въ истинномъ, не-школьномъ смыслѣ этого слова). Мисс Солливанъ «читала ей вслухъ» (т. е. писала въ рукѣ ея) всѣ лучшія произведенія не только новѣйшей, но и современной, даже текущей литературы, серьезной и легкой, не исключая періодической политической прессы, и въ ея невѣроятной памяти все укладывалось и сохранялось. Значитъ, ея голова **наполнена, но не засорена**. Писать, какъ мы видѣли, Елена принялась тоже сразу, и въ первыя пять-шесть лѣтъ ея впечатлительность и память оказались для нея немалой опасностью: она бессознательно то и дѣло воспроизводила читанное и слышанное, — обороты, выраженія, цѣлыя фразы, чуть не страницы, — въ разговорѣ, въ сочиненіяхъ, въ письмахъ, рѣдко слово въ слово, но облекая поразившую ее мысль или образъ «своими словами», съ сохраненіемъ самыхъ характерныхъ словъ. Пришлось обратить на это серьезное вниманіе, и когда Елена, бывало, скажетъ или напишетъ что-нибудь особенно красивое или умное, мисс Солливанъ остановитъ ее: «Ты гдѣ это взяла?» — и обыкновенно доищется источника, такимъ образомъ пріучая ее относиться къ самой себѣ критически и недовѣрчиво. Бѣда въ томъ, что при частыхъ путешествіяхъ и пребываніи въ институтѣ, гдѣ дѣвочка имѣла свободный доступъ къ обширной библиотекѣ, или въ гостяхъ у лицъ, умѣющихъ разговаривать съ нею «руками», она до известной степени становилась независимой отъ мисс Солливанъ, которая не всегда могла услѣдить за ея чтеніемъ, а слѣдовательно ловить ее на такихъ невольныхъ заимствованіяхъ. Она могла только качать про себя головой, зная навѣрно, что нѣкоторые образы и выраженія, которые Елена въ полной невинности принимала за свои, она физически **не могла** почерпнуть изъ собственнаго фонда. Такъ, однажды, онѣ рвали цвѣты на горномъ склонѣ, богатомъ ключами и ручейками, и Елена, вдругъ какъ-то понявъ, что эти воды **окружены** горами, съ обычной своей восторженностью воскликнула (она уже научилась «говорить ртомъ»): «Горы толпятся вокругъ ключей, чтобы любоваться своими прелестными отраженіями!» Мисс Солливанъ отлично знала, что подобный образъ **не могъ** создаться въ сознаніи человѣка, вовсе лишеннаго самыхъ ощущеній оптического нерва, но такъ и не доискала источника. Опять, каково было ея удивленіе, когда, послѣ поѣздки красивыми лѣсами, Елена передала свои (якобы!) впечатлѣнія въ письмѣ слѣдующими словами: «Проѣзжая лѣсомъ, мы видѣли, какъ гордые лѣсные цари пригибались къ маленькимъ лѣснымъ дѣтямъ, слушая, какъ тѣ шептали имъ свои невинные секреты. Анемона, лѣсная фіалка (heratésa), смѣшныя завитки маленькихъ папоротниковъ, всѣ робко выглядывали на насъ изъ-подъ побурѣвшихъ листьевъ». Кончалось письмо словами: «Надо идти спать: Морфей коснулся вѣкъ моихъ своимъ золотымъ жезломъ». Откуда все это?!

Родныхъ и близкихъ часто забавляли подобныя продѣлки феноменальной, не сознающей себя памяти. Но мисс Солливанъ больше тревожилась, — и не даромъ. Этой своей способности: до такой степени ото-

ждествляться съ сильно поразившей или очаровавшей ее чужой мыслью, чужимъ слогомъ, что они у нея дѣлались своими, бѣдная дѣвочка была обязана первому великому горю, надолго омрачившему ея молодую жизнь и грозившему навсегда лишить ее ясности духа и самоувѣренности, затормозить ея талантъ и даже поколебать ея вѣру въ дружбу и справедливость. Это — длинная исторія, которая заслуживаетъ быть рассказанной въ подробности по психологическому своему значенію и огромному мѣсту, которое она заняла во внутренней жизни этого исключительного существа. Миссъ Солливанъ пришлось написать для печати обстоятельный отчетъ обо всемъ, что по этому случаю произошло. Какъ это ни было ей тяжело, но она поняла необходимость возстановить факты, которые, по обыкновенію, сильно искажались слухами и репортерскими розсказнями, въ предотвращеніе ложныхъ сужденій о ея возлюбленной ученицѣ. Послѣ довольно пространнаго вступленія, въ которомъ она описываетъ замѣчательную особенность Елены, подтверждая все примѣрами, она слѣдующимъ образомъ описываетъ этотъ злополучный случай:

Въ прошломъ октябрѣ (1891), дома, въ Тускумбѣи, Елена написала маленькій разсказъ, который она озаглавила «Осенніе листья». Она работала надъ нимъ двѣ недѣли, каждый день понемногу, какъ вздумается. Когда разсказъ былъ конченъ и прочтенъ семейнымъ кружкомъ, всѣ дивились красотѣ образовъ и не могли понять, какъ Елена могла создать такія картины безъ помощи зрѣнія. Такъ какъ мы ничего подобнаго не читали и не слышали, то мы спросили ее, гдѣ она прочла. Она же отвѣтила: «Я нигдѣ не прочла. Это я сочинила въ подарокъ мистеру Анагносу ко дню его рожденія». Меня хотя и удивило, что она могла такъ написать, однако не болѣе, чѣмъ неоднократно удивляли меня неожиданные подвиги моей маленькой ученицы, тѣмъ болѣе, что было много говорено о необыкновенной красотѣ и роскоши осенней листвы въ этомъ году.

Прежде чѣмъ Елена окончателно списала свой разсказъ, ей посовѣтовали переименовать заглавіе на «Царь- Морозъ», болѣе подходящій къ сюжету, и она охотно на это согласилась. Она, по обыкновенію, писала и теперь переписала разсказъ **брайлемъ** (пунктирнымъ шрифтомъ), я же еще вписала текстъ, между строкъ простымъ письмомъ, для большаго удобства желающихъ прочесть разсказъ. Елена написала письмецо и вмѣстѣ съ рукописью отправила по почтѣ мистеру Анагносу ко дню его рожденія.

Разсказъ былъ помѣщенъ въ январской книжкѣ (1892) журнала «Менторъ», и скорѣе затѣмъ появилась рецензія, изъ которой я, къ великому удивленію своему, узнала, что разсказъ, весьма похожій на этотъ, былъ напечатанъ въ 1873 г. за семь лѣтъ до рожденія Елены, подъ заглавіемъ «Фейя Мороза», въ маленькомъ сборникѣ, — «Пташка и ея пріятельницы феи», изданномъ нѣкоей миссъ Маргаретой Кэнби. Мѣста, приведенныя изъ обоихъ разсказовъ, были до того схожи по мысли и выраженію, что я пришла къ убѣжденію, что кто-нибудь когда-нибудь да прочелъ Еленѣ разсказъ миссъ Кэнби.

Такъ какъ я никогда не читала этого разсказа и не слыхала о самой книгѣ, я спросила Елену, не знаетъ ли она чего объ этомъ; оказалось — не знаетъ. Она положительно не могла припомнить имени ни разсказа, ни книги. Тщательно были пересмотрѣны книги выпуклымъ шрифтомъ въ библиотекѣ института Перкинса, чтобы удостовѣриться, не найдутся ли тамъ выдержки изъ этого сборника, но и тамъ ничего не открыли. Тогда я рѣшила, что разсказъ былъ читанъ ей когда-нибудь давно, такъ какъ память ея очень долго удерживаетъ впечатлѣнія.

Наконецъ, я таки узнала, что у друга нашего, миссъ Хопкинсъ, въ 1888 г. была эта книга, которую кто-то подарилъ ея маленькой дочери въ 1873 или 1874 году. Мы же съ Еленой гостили у миссъ Хопкинсъ лѣтомъ 1888 г., и она иногда вызывалась присмотрѣть за дѣвочкой, чтобы дать мнѣ возможность отдохнуть. Она ее занимала и читала ей изъ нѣсколькихъ дѣтскихъ книгъ, въ числѣ которыхъ находилась и «Пташка и ея пріятельницы феи», и хотя не помнитъ именно разсказа о «Феяхъ Мороза», однако вполне увѣрена, что она читала Еленѣ выдержки, если только не цѣлые разсказы изъ этого самаго сборника. Но она никакъ не могла найти у себя книги; писали нѣсколькимъ книгопродавцамъ въ Бостонѣ, НьюЙоркѣ, Филадельфіи, и все безуспѣшно; тогда стали разыскивать самого автора. Это оказалось не легко, потому что издатели уже много лѣтъ, какъ удалились отъ дѣлъ; однако, отыскали таки миссъ Кэнби и достали отъ нея нѣсколько экземпляровъ втораго изданія ея книги, вышедшаго въ 1889 г. Мы при этомъ получили самыя дружескія и лестныя письма отъ нея, и я приведу изъ нихъ нѣсколько отрывковъ.

«Въ февралѣ 1892 она писала:»

...Надѣюсь, что вы сумѣете объяснить ей, какъ я рада, что ей понравился мой рассказъ... Я сама скоро напишу ей... Можете ли сказать мнѣ, въ какой газетѣ Елену обвинили въ плагиатѣ и напечатали выдержки изъ обоихъ рассказовъ? Я бы очень желала получить нѣсколько экземпляровъ...

«Въ мартѣ миссъ Кэнби опять писала, все въ томъ же дружескомъ духѣ:»

Какой удивительно даровитый ребенокъ! Если бы она запомнила и въ точности записала коротенькій рассказецъ, вскорѣ послѣ того, какъ услышала его, это было бы чудо. Но, слышавши рассказъ всего одинъ разъ **три года** назадъ, да такъ, что ни родители, ни воспитательница ея о томъ не знали и не могли впослѣдствіи освѣжить ея память, воспроизвести его такъ живо, даже съ прибавленіями отъ себя, которыя не только вполнѣ гармонируютъ съ цѣлымъ, но даже улучшаютъ подлинникъ, это нѣчто такое, на что были бы способны весьма немногія дѣвочки гораздо болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, притомъ зрячія и одаренныя большимъ литературнымъ талантомъ, я полагаю, вѣрнѣе, что ни одна. Не понимаю, какъ могло хватить духа назвать это плагиатомъ. Это — изумительный подвигъ памяти, не имѣющей себѣ подобнаго... Я многихъ дѣтей коротко знала, всю жизнь мою была окружена дѣтьми и ничего такъ не люблю, какъ бесѣдовать съ ними, занимать ихъ и втихомолку наблюдать черты ихъ ума и характера, но припомню лишь одну дѣвочку ея лѣтъ, выказавшую такую любовь и жажду знанія въ соединеніи съ такимъ писательскимъ талантомъ. Она поистинѣ — чудо природы... Прошу васъ, увѣрьте ее въ моихъ теплыхъ къ ней чувствахъ и скажите ей, чтобы она не огорчалась. Я никому не позволю подозрѣвать ее въ чемъ-либо дурномъ, и когда-нибудь она напишетъ большой рассказъ или поэму, на услажденіе многихъ. Скажите ей, что въ каждой чашкѣ бываютъ горькія капли и что всего разумнѣе брать горькое съ покорностью, а сладкое съ благодарностью...

Я теперь (мартъ 1892) прочла Еленѣ «Феи Мороза», «Феи Розъ», и отчасти «Феи Росы», но она не въ состояніи разъяснить дѣло. Она сразу признала эти рассказы за свои, съ незначительными измѣненіями, и никакъ не могла объяснить себѣ, какъ они могли быть напечатаны еще до ея рожденія. Она не можетъ надивиться, какъ два человѣка могли написать вещи до того между собой схожія, но, все-таки, считаетъ свои вещи подлинными...

«Царь-Морозъ», поднявшій такую бурю въ стаканѣ воды, былъ написанъ въ октябрѣ 1891 г. Почти два года передъ тѣмъ (1-го февраля 1890 г.), когда Еленѣ еще не было десяти лѣтъ, она въ письмѣ къ тому же мистеру Анагносу рассказала ему поэтическій, якобы, сонъ свой, очень всѣмъ понравившійся. Она и не выдавала его за настоящій сонъ, а именно за красивую фантазію. Въ то время никому ничего другого и не пришло въ голову. Но теперь, когда отъ миссъ Кэнби были получены всѣ ея рассказы, оказалось, что и этотъ «сонъ» оттуда взятъ! Миссъ Солливанъ для сличенія приводитъ весь рассказецъ «Феи Розъ». Мы же здѣсь удовольствуемся тѣми мѣстами, тождество которыхъ съ соотвѣтствующими мѣстами описаннаго Еленой «сна» бросается въ глаза.

Отрывки изъ рассказа миссъ Кэнби «Феи Розъ».

Въ одно прелестное утро малютка Пташка сидѣла на травѣ возлѣ дома своей мамы и внимательно разглядывала розовые кусты.

Было еще совсѣмъ рано. Солнце, которое лѣтомъ такъ рано встаетъ, еще недолго, какъ поднялось; птички только что зачирикали, здороваясь другъ съ другомъ; что же до цвѣтовъ, они еще спали. Но Пташка, набѣгавшись весь день по дому и по саду, всегда къ вечеру была готова улечься въ свое гнѣздышко раньше птичекъ и цвѣтовъ, и потому, когда Солнце поднимало голову надъ зелеными лѣсами, любовно улыбаясь землѣ, часто случалось, что Пташка первая его видѣла и улыбалась ему въ отвѣтъ, въ то же время протирая себѣ глаза своими пухленькими въ ямочкахъ кулачками, пока она не просыпалась окончательно.

И какъ-бы вы думали, что она затѣмъ сдѣлала? А вотъ что: плутовка заползла къ мамѣ въ постельку и начала цѣловать ей глазки, щечки, губки, такъ что ей приснилось, будто

на нее падаетъ дождь поцѣлуевъ, и когда она, наконецъ, раскрыла глаза посмотрѣть, что это съ нею творится, она увидала, что это — Пташка старается разбудить ее поцѣлуями.

Мама крѣпко любила свою дѣвочку, любила чѣмъ-нибудь ее порадовать, и когда Пташка стала просить: «Милая мама, одѣнь меня, отпусти въ садъ, поиграть», она съ удовольствіемъ это исполнила, и вскорѣ послѣ того дѣвочка, въ своемъ прохладномъ холстинковомъ платицѣ, съ круглымъ, веселымъ личикомъ, порозовѣвшимъ послѣ ванны, выбѣжала на дорожку поиграть до завтрака.

Она постояла минутку осмотрѣться и обдумать: за что бы первое приняться? Свѣжій утренній вѣтерокъ нѣжно обдувалъ ей лицо, какъ бы привѣтствуя ее и предлагая поиграть съ нею, а Солнце глядѣло на нее съ теплой, живительной улыбкой; но Пташка пошла дальше поискать, съ чѣмъ бы поиграть. Завидѣвъ розовые кусты, которые росли въ сторонкѣ, возлѣ дома, она вдругъ захлопала въ ладоши и съ легкимъ, радостнымъ крикомъ бросилась осматривать ихъ: они были все покрыты прелестными бутонами. Были тутъ алые, и бѣлые, и блѣдно-розовые, и все они выглядывали изъ зеленыхъ листьевъ, какъ дѣтскія розовыя личики зимой выглядываютъ изъ теплой постельки, когда еще не хочется вставать...

Немного постоявъ, Пташка подошла къ кустамъ и, разглядывая бутоны поближе, увидѣла, что они все сложены, лепестокъ надъ лепесткомъ, какъ вѣки надъ сонными глазами, такъ что Пташка подумала, что ихъ надо будить. «Лѣнныя розы, просыпайтесь!» — говорила она, легонько потрясая вѣтками; но отъ этого только роса падала съ нихъ блестящими каплями, а цвѣты не раскрывались. Наконецъ, Пташка вспомнила, какъ она будила мать поцѣлуями, и рѣшила попробовать то же и съ розами и, наклонивъ къ себѣ вѣтку съ прелестнымъ розовымъ бутонемъ, тихонько два-три раза поцѣловала его...

На этомъ кончается сходство между обоими рассказами.

А вотъ и письмо Елены. Оно было вложено въ другое, написанное по-французски, чтобы пощеголять новопріобрѣтенными знаніями.

Дорогой мистеръ Анагнось, вы посмѣтетесь, когда развернете письмо вашего маленькаго друга и увидите, сколько она надѣлала смѣшныхъ ошибокъ по-французски; но я думаю, вы будете довольны, что я способна написать хотя бы только коротенькую записку по-французски. Для меня большая радость — угодить вамъ и моею дорогой наставницѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть вашу маленькую племянницу Амелію. Я увѣрена, что мы полюбили бы другъ друга. Надѣюсь, что вы привезете съ собой нѣсколько стихотвореній Виргиніи Евангелидесъ и переведете мнѣ ихъ. **Teacher** и я сейчасъ вернулись съ прогулки. Сегодня чудный день. Мы встрѣтили миленькую дѣвочку. Она играла на набережной съ крошечнымъ братцемъ. Она меня поцѣловала и убѣжала, потому что она очень дичилась. Не хотите ли, чтобы я вамъ рассказала очень милый сонъ, который я видѣла давно, когда я была всецѣмъ маленькая? **Teacher** говоритъ, что это я фантазировала, и что моя фантазія вамъ навѣрно понравится. Въ одно прелестное утро, чудной весенней порой, мнѣ казалось, что я сижу на мягкой травѣ подъ окномъ моей милой мамы и внимательно разглядываю розовые кусты, которые росли кругомъ меня. Было еще всецѣмъ рано, солнце не такъ давно, какъ взошло, птички только что начинали весело распѣвать. Цвѣты еще спали. Они не хотѣли просыпаться прежде чѣмъ солнце любовно не улыбнется имъ. Я была счастливѣйшей дѣвочкой, съ розовыми щечками, большими голубыми глазами и чудеснѣйшими золотыми кудрями, какія вы себѣ можете вообразить. Свѣжій утренній вѣтерокъ нѣжно обдувалъ мнѣ лицо, какъ бы привѣтствуя меня и предлагая поиграть со мной, а солнце глядѣло на меня съ теплой, нѣжной улыбкой. Я отъ радости захлопала въ ладоши своими пухлыми ручками, когда увидѣла, что розовые кусты покрыты прелестными бутонами. Были тутъ алые, и бѣлые, и нѣжно-розовые, и они выглядывали среди зеленыхъ листьевъ, точно чудныя маленькія феи. Я никогда еще не видала такой прелести, потому что была очень мала и не могла помнить, какъ хороши были прошлогодніе бутоны. Мое сердечко исполнилось сладкой радостью, и я плясала вокругъ розовыхъ кустовъ, чтобы чѣмъ-нибудь выразить свой восторгъ. Немного погодя, я подошла очень близко къ чудесному кусту съ бѣлыми розами, который былъ совершенно покрытъ бутонами и

сверкаль подь каплями росы. Я наклонила къ себѣ вѣтку съ прелестнымъ бѣлымъ бутонь и много разъ тихонько цѣловала его. Въ эту самую минуту я почувствовала, какъ двѣ нѣжныя руки тихо подкрались и обняли меня, и нѣжныя губки стали цѣловать мнѣ глаза, щеки, уста, такъ что я подумала, что на меня падаетъ дождь поцѣлуевъ, и когда я, наконецъ, раскрыла глаза посмотрѣть, что это со мной творится, я увидала, что это драгоцѣнная моя мама наклоняется надо мною и старается поцѣлуями разбудить меня. Какъ вамъ нравится мой сонъ-фантазія? Если нравится, то я, можетъ-быть, когда-нибудь еще вамъ пофантазирую.

Teacher и всѣ наши вамъ кланяются. Я такъ буду рада, когда вы вернетесь изъ-за границы; я очень по васъ скучаю. Поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ добрымъ греческимъ друзьямъ и скажите имъ, что я когда-нибудь приѣду въ Аѳины.

Любящій васъ маленькій другъ вашъ и товарищъ

Елена А. Келлеръ.

Сказка про «Царя Мороза» рассказываетъ въ лицахъ, изящно и образно, какъ богатый царь однажды расщедрился и поручилъ своему сосѣду и пріятелю, доброму рождественскому волшебнику Санта-Клаусу, когда подходила суровая осень, раздать, въ утѣшеніе людямъ и особенно дѣтямъ, его накопленные за лѣто сокровища, и какъ расплавленное золото и самоцвѣтные камни были разлиты по всѣмъ лѣсамъ и роцамъ, на украшеніе деревьевъ, кустовъ и ползучихъ лозъ, всевозможными роскошными красками, и какъ у нихъ, съ тѣхъ поръ, повелся обычай облекать природу въ пышный осенній нарядъ, придающій этому, нѣкогда печальному времени года, такую красоту и прелесть, что ему нѣтъ болѣе причины завидовать веснѣ и лѣту.

Миссъ Солливанъ приводитъ обѣ сказки сполна, на двухъ параллельныхъ столбцахъ, для большаго удобства при сличеніи ихъ. Достаточно будетъ окончанія для того, чтобы судить объ изумленіи, которое должно было вызвать такое открытіе.

У миссъ Кэнби:	У Елены:
<p>... Двое маленькихъ дѣтей прибѣжали въ лѣсъ и, увидя чудную окраску листьевъ, засмѣялись отъ восторга и принялись срывать большіе пучки, чтобы нести матери. «Эти листья такъ же хороши, какъ цвѣты», — сказали они и стали называть желтые «ноготками», а красные «розами», и веселились отъ души, распѣвая по лѣсу...</p> <p>«Съ тѣхъ поръ Морозъ поставилъ себѣ долгомъ расписывать деревья тѣми пышными красками, которыя мы видимъ осенью, и если они не разукрашены золотомъ и драгоцѣнными камнями, то я не знаю, отчего они у него такъ горятъ; а вы?»</p>	<p>... Въ лѣсъ вошла компанія мальчиковъ и дѣвочекъ. Когда дѣти увидали деревья, горѣвшія яркими красками, они захолопали въ ладоши съ радостнымъ крикомъ и тотчасъ же принялись срывать большіе пучки, нести домой. «Листья такіе же прелестные, какъ цвѣты», — восклицали они въ восторгѣ...</p> <p>«Съ этихъ поръ было величайшимъ удовольствіемъ Царя-Мороза расписывать листья пышными красками, которыя мы видимъ осенью, и если они не разукрашены золотомъ и драгоцѣнными камнями, то я не придумаю, отчего они такъ горятъ; а вы?»</p>

Если, — замѣчаетъ миссъ Солливанъ въ заключеніе: — рассказъ былъ прочитанъ Еленѣ лѣтомъ 1888 г., она въ то время многого не могла въ немъ понимать, такъ какъ начала учиться всего въ мартѣ 1887 г. Возможно ли, что языкъ остался въ ея мозгу въ состояніи, такъ сказать, спячки, до тѣхъ поръ, пока мое описаніе осенней красоты природы въ 1891 г. не вызвало его къ жизни? Я тщательно освѣдомлялась у всѣхъ ея друзей, въ Алабамѣ, въ Бостонѣ и по близости Бостона, но такъ и не могла дознаться, чтобы кто-нибудь могъ прочесть ей это позже того лѣта.

Въ связи со всѣмъ этимъ отмѣчу еще одинъ весьма знаменательный фактъ. Рассказъ «Фей Розъ» напечатанъ въ той же книжкѣ, какъ и другой, о Морозѣ, стало быть, вѣроятно, былъ прочитанъ Еленѣ тогда же или около того же времени. А между тѣмъ, она, въ письмѣ отъ февраля 1890 г., называетъ его сномъ, видѣннымъ ею «**очень давно, когда она была совсѣмъ маленькая**». Очевидно, полтора года должны были казаться

долгимъ временемъ такой маленькой дѣвочкѣ. Этимъ еще подтверждается, что оба сказа должны были быть прочитаны ей никакъ не позже лѣта 1888 г.

Въ числѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ изъ дневника Елены, веденнаго ею весьма неправильно и не всегда охотно, сохранился листокъ, исписанный подѣ немедленнымъ впечатлѣніемъ нанесенной ей горькой обиды.

1892. 30-е января. — Сегодня утромъ я взяла ванну, и когда **teacher** пришла ко мнѣ расчесывать мои волосы, она сообщила мнѣ очень непріятную вѣсть, которая опечалила меня на весь день. Кто-то написалъ мистеру Анагносу, что сказка, которую я ему послала въ подарокъ къ его рожденію и которую я сама писала, совсѣмъ не моя, а что ее давно писала одна дама. Право же я никогда ее не слыхала. Мнѣ такъ тяжело узнать, что люди думаютъ про насъ такое дурное и такую неправду. Сердце мое заливається слезами, потому что я люблю красавицу-правду всѣмъ сердцемъ и душою.

Это меня сильно смущаетъ. Не знаю, что я буду дѣлать. Я никогда не думала, чтобы люди могли такъ ошибаться. Я совершенно увѣрена, что сама написала сказку. Мистеръ Анагносъ очень огорченъ. Мнѣ очень грустно сознавать, что я была для него причиной огорченія, но вѣдь это сдѣлалось не по моей волѣ.

Я задумала свою сказку осенью, потому что **teacher** говорила мнѣ объ осенней листьѣ, когда мы гуляли въ лѣсахъ. Я подумала, что вѣрно ихъ расписывали феи, потому что онѣ такъ удивительно красивы, и еще подумала, что у «Царя Мороза» должны быть сокровища и драгоценности, потому что я знала, что они бывали давно-давно у другихъ царей, а **teacher** говорила мнѣ, что листья раскрашены золотомъ, рубинами, изумрудами, топазами, и мнѣ представилось, что краски эти — просто расплавленные драгоценные камни. Я знала, что красота ихъ должна радовать дѣтей, и для меня было большимъ удовольствіемъ воображать, какіе листья красивые, и какъ деревья горятъ всѣми цвѣтами, хотя я не могла видѣть ихъ.

Я думала, что всѣмъ приходятъ тѣ же мысли, но теперь я не знаю. Я очень много думала объ этой печальной новости, когда **teacher** пошла къ доктору. Она не обѣдала дома, и безъ нея была тоска.

Всколыхнулся почтенный педагогическій мірокъ. Пошли совѣщанія, переписка, торжественный допросъ обвиняемой, на которомъ ея наставницѣ было воспрещено присутствовать, во избѣжаніе тайныхъ соглашеній между предполагаемыми «сообщницами!» Предсѣдательствовалъ на этомъ допросѣ директоръ Анагносъ, и хотя онъ въ концѣ концовъ сообщилъ печати вынесенный «судомъ» и одобренный имъ самимъ оправдательный приговоръ, но это вышло у него холодно, размѣренно, съ комической аффектаціей безпристрастія, тогда какъ отъ **него-то** ужъ и миссъ Солливанъ, и сама Елена были въ правѣ ожидать горячаго заступничества, негодующаго отклоненія самой возможности такого нелѣпаго, недостойнаго подозрѣнія. Вотъ официальное письмо Анагноса редактору журнала «Американскій Вѣстникъ Глухихъ», появившійся въ этомъ журналѣ въ апрѣлѣ 1892 г.

Милостивый Государь, согласно вашему желанію, сообщаю вамъ слѣдующее по поводу сказки Елены Келлеръ «Царь Морозъ». Она была прислана мнѣ въ подарокъ, ко дню моего рожденія, 7-го ноября 1891 г., изъ Тускумбіи, въ штатѣ Алабамѣ. Зная такъ хорошо Еленины необыкновенныя способности, я, не колеблясь, принялъ сказку за ея работу; да и теперь еще я нимало не сомнѣваюсь, что она вполне способна написать такую вещь. Вскорѣ послѣ появленія сказки въ печати, я съ прискорбіемъ узналъ, черезъ изданіе **Goodson Gazette**, что часть ея (восемь или девять мѣстъ) прямо взята или приспособлена изъ сказки миссъ Маргареты Кэнби «Феи Мороза». Я немедленно учинилъ дознаніе, чтобы удостовѣриться въ сущности дѣла. Изъ нашихъ учительницъ и служащихъ, привыкшихъ разговаривать съ Еленой, никто не зналъ и не слыхалъ о книжкѣ миссъ Кэнби, не знали о ней и родители и близкіе ея дома. Отецъ ея, капитанъ Келлеръ, писалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее:

Спѣшу завѣрить васъ, что Елена не могла позаимствовать мысль о сказкѣ здѣсь ни у кого изъ родныхъ или друзей, такъ какъ никто изъ нихъ не въ состояніи настолько свободно объясняться съ нею, чтобы передать ей подробности такого рода разсказа.

По моей просьбѣ, одна изъ преподавательницъ спросила Елену о томъ, какъ у нея содалась сказка. Она показала слѣдующее:

Я первымъ дѣломъ старалась вывѣдать, что навело Елену на своеобразныя фантазіи, дѣлающія ея сказку точно снимкомъ со сказки, которую писала миссъ Кэнби. Елена рассказала мнѣ, что Морозъ давно уже представлялся ей царемъ, потому что у него такъ много, сокровищъ. Такія богатства должны храниться гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ; вотъ она и вообразила, что они заключены въ разные сосуды и спрятаны въ царскомъ дворцѣ. Далѣе она рассказала, что, въ одинъ осенній день, она и наставница ея вмѣстѣ гуляли въ лѣсахъ, и послѣдняя много говорила ей о многоцвѣтной красотѣ листьвы, она же подумала, что такая красота должна многихъ радовать и внушать благодарность къ «Царю-Морозу». Я спросила ее, что она читала вообще о Морозѣ. Она въ отвѣтъ прочитала мнѣ на память часть стихотворенія «Проказы Мороза» и вспомнила про маленькое стихотвореніе о зимѣ въ одной изъ школьныхъ книжекъ для чтенія. Она не могла припомнить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь читалъ ей какую-либо сказку про «Царя-Мороза», но повторила, что она бесѣдовала со своей наставницей о чудесахъ, которыя творитъ морозъ.

Разсуждая, кто бы могъ прочесть эту сказку Еленѣ, мы могли подумать на одну только особу, а именно на друга ея, миссисъ Хопкинсъ, у которой она одно время гостила. Я попросилъ миссъ Солливанъ тотчасъ же къ ней съѣздить и разузнать все, какъ было. Результатъ дознанія вы найдете въ прилагаемой печатной замѣткѣ.

Я почти не сомнѣваюсь, что книжка миссъ Кэнби была прочтена Еленѣ этой самой миссисъ Хопкинсъ лѣтомъ 1888 г. Но у дѣвочки объ этомъ не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія. Миссъ Солливанъ, уѣзжавшая въ Бостонъ, но возвращеніи своемъ, прочла ей повѣсть «Маленькій Лордъ Фонтльрой», нарочно тамъ купленную. Дѣвочка сразу была очарована и поглощена этой прелестной повѣстью, которая, очевидно, произвела на нее болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ что-либо, ею дотолѣ прочитанное, что доказывалось частыми упоминаніями о ней въ разговорахъ и въ письмахъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Подъ ея страстнымъ увлеченіемъ Фонтльроемъ, должно-быть, глубоко сохранилось воспоминаніе о книжкѣ миссъ Кэнби, и когда, три года спустя, научившись полнѣе владѣть языкомъ, она услышала про Морозъ и его дѣла, долго лежавшее подъ спудомъ сѣмя внезапно возшло въ видѣ новыхъ мыслей и фантазій. Этимъ, можетъ-быть, объясняется упорство, съ которымъ Елена настаиваетъ на томъ, что сказка — ея. Она, по-видимому, имѣетъ нѣкоторое понятіе о разницѣ между оригинальнымъ творчествомъ и заимствованіемъ. Но она не знала значенія слова «плагиатъ» до весьма недавняго времени. Когда оно было ей объяснено — (она безусловно правдива, правдивость — отличительная черта ея характера), — она была до нельзя удивлена и огорчена, когда ей сказали, что ея сказка передѣлана со сказки миссъ Кэнби. Она не могла удержаться отъ слезъ, и главной причиной ея скорби была боязнь, неужели усомнятся въ ея правдивости. Она со страстнымъ чувствомъ повторяла: «Я люблю красавицу правду». Строжайшимъ допросомъ, который длился около двухъ часовъ, и на которомъ присутствовали восемь лицъ, безъ стѣсненія предлагавшихъ дѣвочкѣ всевозможные вопросы, не удалось добиться никакихъ уликъ противъ нея, ни ея наставницы, ни кого-либо другого въ умышленномъ обманѣ или попыткѣ къ таковому.

Въ виду этихъ фактовъ, я не могу не выразить мнѣнія, что Елена, когда писала своего «Царя Мороза», совершенно не сознавала того, чтобы ей, когда-либо, читана была сказка про «Фею Мороза», и память ея дѣйствовала до того произвольно, что она была твердо убѣждена въ томъ, что ея произведеніе — оригинальное. Эту теорію раздѣляютъ многія лица, коротко знакомыя съ дѣвочкой и вполне способныя подняться выше узкихъ предразсудковъ. Искренно преданный

М. Анагнось,

Директоръ, и пр..

И все! Хотя бы одно слово сочувствія, жалости къ несчастному ребенку, ни за что, ни про что терпѣвшему такую нравственную пытку, вдвойнѣ мучительную для такой необыкновенно чуткой и оберегаемой натуры!

Право, этот нелѣпый ареопагъ, съ предоставленнымъ ему на истязаніе «всевозможными вопросами» ребенкомъ, представляется судомъ девяти волковъ надъ беззащитнымъ ягненкомъ.

Сама Елена, собственными живыми силами и помощью любви и поощреній окружающихъ, со временемъ выбилась, хотя и съ трудомъ, изъ-подъ гнета, оставленного на ней всѣмъ этимъ гнуснымъ эпизодомъ, но забыть она его никогда не можетъ и въ своей автобіографіи не старается умалить значеніе, которое оно имѣло въ ея духовной жизни, хотя, какъ и можно было отъ нея ожидать, относится къ своимъ гонителямъ съ замѣчательной справедливостью и милосердіемъ. Въ ея разсказѣ есть весьма интересные психологическіе моменты.

Зиму 1892 г., — пишетъ она, — омрачила единственная туча, ставшая на небѣ моего дѣтства. Радость покинула мое сердце, и долгое, долгое время я прожила въ сомнѣніи, тревогѣ, страхѣ. Книги утратили свою прелесть, а память о тѣхъ ужасныхъ дняхъ теперь еще холодитъ мнѣ сердце. Маленькая сказка, озаглавленная «Царь Морозъ», которую я написала и послала мистеру Анагносу, была причиной бѣды. Чтобы поставить дѣло ясно, я должна сообщить факты, относящіеся къ этому инциденту, разсказать которые обязываютъ меня справедливость къ моей наставницѣ и къ себѣ самой.

Таблица 7.1. Елена Келлеръ и докторъ Грехемъ Белль

Елена Келлеръ и докторъ Грехемъ Белль.

Написала я сказку дома, осенью того года, когда я выучилась говорить. Мы пробыли на дачѣ долѣе обыкновеннаго. Тамъ миссъ Солливанъ описывала мнѣ красоту осенней листвы, и описанія ея, повидимому, оживили во мнѣ воспоминаніе о маленькой сказкѣ, которую мнѣ, должно-быть, когда-то прочли, а я, вѣроятно, бессознательно удержала въ памяти. Я думала тогда, что «сочиняю», какъ дѣти говорятъ, и ретиво принялась записывать, пока мысли не ускользнули отъ меня. А мысли лились легко, самый актъ писанія былъ для меня наслажденіемъ. Слова и образы такъ и толпились въ кончикахъ пальцевъ, и фразы однѣ за другими, сами собою писались на моей **брайльско**й машинкѣ. Дѣло въ томъ, что, когда слова и образы являются такъ, безъ усилія, то это вѣрный признакъ, что они зародились не въ моей головѣ а забрели туда откуда-нибудь, и я, скрѣпя сердце, устраняю ихъ. Въ то время я съ жадностью впитывала въ себя все, что читала, не помыш-

ляя объ авторствѣ прочитаннаго, и до сего дня я не всегда совѣмъ твердо знаю черту, отдѣляющую мои собственныя мысли отъ тѣхъ, которыя я нахожу въ книгахъ. Я полагаю, это оттого, что впечатлѣнія въ большинствѣ случаевъ передаются мнѣ черезъ чужіе глаза и уши.

Когда я окончила сказку, я прочла ее моею наставницѣ и я до сихъ поръ живо помню, какое удовольствіе доставляли мнѣ наиболѣе красивыя мѣста, и какъ бывало досадно, когда она останавливала меня, чтобы поправить произношеніе какого-нибудь слова. Послѣ объѣда я читала сказку всему семейному кружку, и всѣ дивились, что я могу такъ хорошо писать. Кто-то тогда же спросилъ меня, читала ли я это въ книгѣ?

Вопросъ этотъ крайне удивилъ меня, потому что я не имѣла малѣйшаго воспоминанія, чтобы кто-либо мнѣ это читалъ. Я отвѣтила очень смѣло: «О, нѣтъ! Это — моя сказка: я написала ее для мистера Анагноса!»

Итакъ, я переписала сказку начисто и послала ему ко дню его рожденія. Мнѣ посовѣтовали переимѣнить заглавіе: «Осенніе Листья» на другое: «Царь Морозъ», что я и сдѣлала. Я сама отнесла рукопись на почту, ступая точно по воздуху. Не снилось мнѣ тогда, какъ дорого я поплачусь за этотъ подарокъ.

Мистеръ Анагносъ былъ въ восторгѣ отъ сказки и напечаталъ ее въ одномъ изъ отчетовъ института Перкинса. Это было для меня верхомъ счастья, съ котораго мнѣ предстояло скорое низверженіе. Я недолго пробыла въ Бостонѣ, когда кто-то сдѣлалъ открытіе, что сказка, сходная съ моею, подъ заглавіемъ «Фей Мороза», сочиненіе миссъ Маргареты Кэнби, появилась, еще до моего рожденія, въ книжкѣ, озаглавленной «Пташка и ея пріятельницы Фей». Обѣ сказки были до того сходны по мысли и языку, что было очевидно, что сказка миссъ Кэнби была когда-нибудь прочтена мнѣ, моя же оказывалась — плагиатомъ! Не легко было объяснить это мнѣ; но когда я, наконецъ, поняла, я удивилась и огорчилась. Никогда ребенокъ не осушалъ болѣе горькой чаши. Я опозорила себя; я навлекла подозрѣніе на тѣхъ, кого любила болѣе всего. А между тѣмъ, какъ это могло случиться? Я ломала себѣ голову до изнуренія силъ, стараясь припомнить все, что только я читала про морозъ прежде, нежели написала свою сказку, но ничего не могла припомнить, кромѣ того, что обыкновенно говорится про морозъ, да стихотворенія для дѣтей, — «Проказы Мороза», и я знала навѣрно, что это не входило въ мое сочиненіе.

Сначала мистеръ Анагносъ, хотя глубоко взволнованный, какъ будто мнѣ вѣрилъ. Онъ былъ необыкновенно добръ и нѣженъ ко мнѣ, и туча на короткій срокъ сбѣжала съ моего неба. Въ угоду ему, я старалась не грустить и принарядиться, какъ только могла, къ празднованію дня рожденія Вашингтона, наставшаго весьма скоро послѣ того, какъ я получила печальную вѣсть.

Слѣпая дѣвочки давали какое-то мифологическое представленіе, и я должна была участвовать въ роли Цереры. Какъ хорошо я помню облакавшую меня граціозную драпировку, горѣвшіе всѣми красками осенніе листья, гирляндами обвивавшіе мою голову, плоды и снопы зерна у ногъ моихъ и въ моихъ рукахъ, — а подъ всѣмъ этимъ веселіемъ гнетущее предчувствіе чего-то ужаснаго, отъ котораго тяжелѣло сердце!

Въ вечеръ наканунѣ представленія одна изъ учительницъ спрашивала меня что-то, относившееся къ моей сказкѣ, и я объясняла ей, что миссъ Солливанъ рассказывала мнѣ про Морозъ и его удивительныя дѣла. Въ чемъ-то такомъ въ моихъ словахъ она какъ будто усмотрѣла полупризнаніе, будто я помню сказку миссъ Кэнби, и сообщила свои заключенія мистеру Анагносу, хотя я ее увѣряла самымъ положительнымъ образомъ, что она ошибается.

Мистеръ Анагносъ нѣжно любилъ меня; но, вообразивъ, что я обманула его, онъ остался глухъ мольбамъ любви и невинности. Онъ повѣрилъ или, во всякомъ случаѣ, заподозрилъ, что мы съ миссъ Солливанъ умышленно украли чужія мысли, чтобы этимъ подлогомъ выманить у него похвалы. Меня поставили передъ слѣдственнымъ судомъ изъ преподавательницъ и служащихъ института, и миссъ Солливанъ попросили оставить меня. Тогда меня принялись допрашивать и передопрашивать, съ намѣреніемъ, какъ мнѣ

казалось, во что бы ни стало вынудить у меня признаніе, что я помню, какъ мнѣ была читана сказка миссъ Кэнби. Въ каждомъ вопросѣ такъ и чувствовалось мнѣ сомнѣніе и подозрѣніе, засѣвшія въ ихъ умахъ, чувствовалось и то, что любимый мною другъ глядитъ на меня съ укоромъ, хотя я не сумѣла бы всего этого облечь въ слова. Кровь прилиwała къ сердцу, и я была едва въ состояніи произносить слова, и то только односложныя. Даже сознаніе, что все это — не что иное, какъ ужасная ошибка, не облегчало моего страданія, и когда меня, наконецъ, отпустили, я была точно въ туманѣ, не замѣчала ни ласокъ моей наставницы, ни нѣжныхъ словъ моихъ близкихъ, хвалившихъ меня и говорившихъ мнѣ, что я — храбрая дѣвочка, и что они гордятся мною.

Лежа въ постели въ ту ночь, я плакала, какъ, я надѣюсь, рѣдкому ребенку приходилось плакать. Мнѣ было такъ холодно, что я вообразила, что умру до утра, и мысль эта утѣшала меня. Приключись со мною это горе, когда я была постарше, я думаю, что оно сломило бы духъ мой безвозвратно. Но ангелъ забвенія подобралъ и унесъ почти все страданіе и положительно всю горечь тѣхъ печальныхъ дней.

Миссъ Солливанъ никогда не слыхала ни о сказкѣ «Феи Мороза», ни о книгѣ, въ которой она напечатана. Съ помощью доктора Александра Грэхемъ Бэлль, она тщательно разслѣдовала все это дѣло, и, наконецъ, уяснилось, что у миссисъ Хопкинсъ былъ экземпляръ книжки миссъ Кэнби, «Пташка и ея пріятельницы Феи» въ 1888 г. — томъ самомъ, лѣто котораго мы провели у нея въ гостяхъ. Миссисъ Хопкинсъ не могла найти своего экземпляра; но она мнѣ рассказала, что въ отсутствіе миссъ Солливанъ, куда-то уѣзжавшей, она, желая забавить меня, читала мнѣ изъ разныхъ книгъ, и хотя такъ же, какъ и я, не помнила именно сказки о морозѣ, однако была увѣрена, что въ числѣ этихъ книгъ была «Пташка и ея пріятельницы Феи». Исчезновеніе книги она объясняла тѣмъ, что недавно продала домъ свой и по этому случаю раздала множество дѣтскихъ книгъ, между ними, вѣроятно, и эту.

Сказки въ то время не имѣли для меня значенія, или очень мало; но одного процесса чтенія пальцами странныхъ словъ достаточно было, чтобы забавить ребенка, имѣвшаго такъ мало забавъ, и хотя я не припоминаю ни одного обстоятельства въ связи съ чтеніемъ этихъ сказокъ, однако, мнѣ думается, что я съ большимъ усиліемъ старалась запомнить слова, съ тѣмъ, чтобы просить мою наставницу объяснить мнѣ ихъ, когда она вернется. Навѣрно могу сказать одно, что языкъ неизгладимо запечатлѣлся въ моемъ мозгу, хотя долгое время никто этого не зналъ, и я сама меньше всѣхъ.

Когда миссъ Солливанъ вернулась, я ее не спрашивала о новыхъ словахъ, вѣроятно потому, что она начала читать мнѣ повѣсть «Маленькій Лордъ Фонтльрой», исключительно поглотившую все мое вниманіе. Остается фактъ, что сказка миссъ Кэнби была прочитана мнѣ всего одинъ разъ, и что долго послѣ того, какъ я совершенно о ней забыла, она всплыла у меня въ головѣ такъ естественно, сама собой, что я ни на минуту не подозрѣвала, чтобы она зародилась въ другой головѣ.

Въ моемъ горѣ мнѣ было оказано много любви и сочувствія. Всѣ самые любимые мои друзья, за исключеніемъ одного, остались мнѣ вѣрны до сихъ поръ. Сама миссъ Кэнби по добротѣ сердечной писала мнѣ: «Когда-нибудь вы напишите такую сказку изъ собственной головы, которая многихъ утѣшитъ и порадуетъ». Но это пророчество не сбылось. Я никогда больше не играла словами ради одного удовольствія, которое составляетъ такая игра. Мало того, меня съ тѣхъ поръ не переставала мучить боязнь: свое ли я пишу? Долгое время каждый разъ, какъ я писала письмо, даже къ матери, на меня вдругъ находилъ безумный ужасъ, и я по нѣсколько разъ повторяла пальцами слова, чтобы увѣриться, не прочла ли я ихъ гдѣ въ книгѣ. Если бы не поощренія, которыми неустанно подбодряла меня миссъ Солливанъ, я думаю, что совсѣмъ бросила бы писать.

Я послѣ того перечитывала сказку миссъ Кэнби о морозѣ, а также письма свои, въ которыхъ я нашла еще мысли, заимствованныя у миссъ Кэнби. Въ одномъ изъ нихъ, къ тому же мистеру Анагносу, отъ 29-го сентября 1891 г., встрѣчаются выраженія и мысли прямо изъ ея книги. Я въ то время писала свою сказку «Царь Морозъ», и это письмо, подобно многимъ другимъ, содержитъ цѣлыя фразы, показывающія, что умъ мой былъ насквозь пропитанъ этимъ рассказомъ. Я привожу слова (якобы) моей наставницы по поводу роскошной осенней листвы: «Да, листья такъ хороши, что утѣшаютъ насъ за улетѣвшее лѣто». Мысль, прямо взятая у миссъ Кэнби.

Привычка эта, — усваивать то, что мнѣ нравилось, потому что же самое давать, какъ мое собственное, часто проявляется въ моей перепискѣ первыхъ лѣтъ и въ первыхъ моихъ писательскихъ опытахъ. Въ сочиненіи, которое я писала о древнихъ городахъ Италіи и Греціи, я заимствовала яркія описанія съ варьяціями изъ источниковъ, нынѣ забытыхъ. Мнѣ извѣстно было, какъ горячо любилъ мистеръ Анагносъ древность и какъ его всегда восхищали всякія прекрасныя мысли объ Италіи и Греціи. Поэтому я собирала изъ всѣхъ книгъ, какія я читала, каждую кроху поэзіи или исторіи, могущую, насколько я могла судить, доставить ему удовольствіе. Говоря объ этомъ моемъ сочиненіи, мистеръ Анагносъ сказалъ: «Мысли эти по самой сути своей поэтичны». Но я не понимаю, какъ онъ могъ на минуту подумать, чтобы одиннадцатилѣтній слѣпо-глухой ребенокъ былъ въ состояніи изобрѣсть ихъ. Но все же я не могу мириться съ мыслью, чтобы мой маленькій трудъ, потому только, что не всѣ мысли въ немъ совсѣмъ мои, былъ лишень всякаго интереса. Онъ все же доказываетъ, что я была способна выразить свое восторженное поклоненіе красотѣ и поэтическимъ мыслямъ яснымъ и оживленнымъ языкомъ.

Эти раннія сочиненія были умственной гимнастикой. Я училась, какъ учатся всѣ юные, неопытные пишушіе, усвоеніемъ чужого и подражаніемъ, облекать мысли словами. Все, что я находила въ книгахъ, если оно нравилось мнѣ, я удерживала въ памяти сознательно или безсознательно, потому примѣняла сама. Молодой писатель, какъ замѣтилъ Стивенсонъ, инстинктивно пытается описать все, что приводитъ его въ восторгъ, восторгъ же свой переноситъ съ одного предмета на другой съ изумительной подвижностью. Только послѣ многихъ лѣтъ подобной практики даже великіе люди научаются выстраивать въ могучую рать слова, беспорядочно толпящіяся со всѣхъ сторонъ всевозможными стезями.

Боюсь, что у меня до сихъ поръ еще не совсѣмъ окончился этотъ процессъ. Во всякомъ случаѣ, я не всегда могу отличить свои собственные мысли отъ тѣхъ, которыя читаю, потому что то, что я читаю, претворяется въ самую суть и ткань моего ума... Все же я вѣрю, и надѣюсь, и работаю, и стараюсь не давать горькимъ воспоминаніямъ о «Царѣ Морозѣ» тормозить мои усилія. И можетъ-быть, этотъ печальный инцидентъ принесъ мнѣ пользу тѣмъ, что заставилъ меня размышлять о нѣкоторыхъ задачахъ писательства. Объ одномъ сожалѣю, что я черезъ него лишилась одного изъ наиболѣе любимыхъ друзей моихъ, — мистера Анагноса.

Мистеръ Анагносъ впоследствии заявилъ въ письмѣ, которое было напечатано, что онъ во время всей этой исторіи считалъ меня невиновной. Онъ говоритъ, что слѣдственная комиссія, передъ которою я была поставлена, состояла изъ восьми лицъ, — четырехъ слѣпыхъ и четырехъ зрячихъ, и что четверо изъ нихъ были увѣрены, что я знала, что сказка миссъ Кэнби была мнѣ прочитана, а другіе четверо не соглашались съ ними. Мистеръ Анагносъ пишетъ, что подалъ свой (рѣшающій) голосъ въ мою пользу.

Но какъ бы тамъ все это ни было, на какой бы сторонѣ ни подалъ онъ голоса, когда я вошла въ ту комнату, гдѣ мистеръ Анагносъ столько разъ держалъ меня на колѣняхъ и, забывая свои многосложныя заботы раздѣлялъ мои шалости, и нашла тамъ людей, относившихся ко мнѣ съ подозрѣніемъ, я въ самой атмосферѣ почувствовала что-то враждебное, угрожающее, и все, что послѣдовало, подтвердило это впечатлѣніе. Въ теченіе двухъ лѣтъ мистеръ Анагносъ, повидимому, оставался при мнѣ, что миссъ Солливанъ и я невиновны, и вдругъ измѣнилъ его; почему — я такъ и не узнала. Не узнала я и подробностей «слѣдствія»; никогда не узнала даже именъ членовъ «суда»... Я была слишкомъ взволнована для того, чтобы обращать на что-либо вниманіе, слишкомъ запугана, чтобы

задавать какие-либо вопросы. Я едва была въ состояніи думать, сознавать, что я говорила и что мнѣ говорили.

Я рассказала всю эту исторію, потому что она сыграла важную роль въ моей жизни и развитіи, и для того, чтобы не осталось недоразумѣній, я представила всѣ факты такими, какими они представлялись мнѣ, безъ малѣйшаго намѣренія оправдывать себя или кого-либо осуждать.

Лѣто и зиму, слѣдовавшія за инцидентомъ съ моей сказкой, я провела со своими въ Алабамѣ. Съ восторгомъ вспоминаю объ этомъ возвращеніи во-свояси. Все распускалось и цвѣло. Я блаженствовала. «Царь Морозъ» былъ забытъ.

Къ осени, когда земля усѣялась алыми и золотыми листьями, а виноградныя грозди на бесѣдкѣ въ концѣ сада наливались янтаремъ, я принялась писать очеркъ моей жизни, какъ разъ годъ спустя послѣ того, какъ я писала сказку про «Царя Мороза».

Я все еще до крайности щепетильно и боязливо относилась ко всему, что писала. Меня мучительно преслѣдовала мысль: «какъ то, что я пишу, да не мое?» Никто не зналъ объ этомъ страхѣ кромѣ моей наставницы. По какому-то странному чувству я стѣснялась упоминать на словахъ о «Царѣ Морозѣ»; но часто, когда въ разговорѣ у меня промелькнетъ, бывало, мысль, я робко писала въ ея рукѣ: «Я не увѣрена — мое ли это?» А то, на самой серединѣ фразы я останавливалась: «А вдругъ кто-нибудь откроетъ, что это было кѣмъ-то написано давнымъ-давно!» И руку мою удерживалъ безумный страхъ, такъ что я весь тотъ день уже не могла писать. До сихъ поръ на меня иногда находитъ тотъ же парализующій страхъ, то же безпокойство. Миссъ Солливанъ утѣшала и подбодряла меня всѣми способами, какіе только могла придумать; но пережитое ужасное испытаніе оставило на моемъ умѣ неизгладимый отпечатокъ, все значеніе котораго я теперь только начинаю уяснять себѣ. Въ надеждѣ возвратить мнѣ уверенность въ себя, она уговорила меня писать для бостонскаго юношескаго журнала «**Youth's Companion**» краткій очеркъ моей жизни, о которомъ я сейчасъ упомянула. Мнѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ. Припоминая, какихъ усилій мнѣ стоило написать эту вещицу, мнѣ сдается, что меня поддерживало пророческое прозрѣніе пользы, которую принесетъ мнѣ эта работа, иначе я навѣрно не одолѣла бы ее.

Я писала робко, боязливо, но съ рѣшимостью, подзадориваемая моею наставницею, которая знала, что если я выдержу, то найду опять ускользящую почву и снова овладѣю своими способностями. До инцидента со сказкой я жила безсознательной жизнью малаго дитяти; нынѣ же мысли мои были обращены внутрь, и я созерцала невидимое. Постепенно я вынырнула изъ полумрака, оставленнаго пережитымъ ужасомъ, съ мыслью, просвѣтленною испытаніемъ, и болѣе вѣрнымъ познаніемъ жизни...

Таблица 7.2. Елена Келлеръ и Маркъ Твэнь

Елена Келлеръ и Маркъ Твэнь.

Все это прекрасно въ полномъ смыслѣ; въ высшей степени благородно и трогательно въ такомъ молодомъ существѣ такое безпристрастіе, всепрощеніе, отрѣшеніе отъ своего, безвинно униженнаго, оскорбленнаго «я». Но фактъ остается неизмѣннымъ, что отъ начала до конца директоръ Анагносъ играетъ незавидную роль во всей этой исторіи. Недаромъ у безхитростной, прямолинейной миссъ Солливанъ къ нему, что называется, никогда «сердце не лежало». Какую узкую, мелкую, холодную душу долженъ былъ имѣть человѣкъ, способный заподозрить чистаго, благороднаго ребенка, высокая натура котораго была ему достаточно извѣстна, въ такомъ дрянномъ поступкѣ, какъ умышленный плагиатъ, а такую прямую, честную личность, какъ миссъ Солливанъ, въ потворствѣ такому! Неужели маститые педагоги и умные журналисты серьезно считали послѣднюю способной научить свою воспитанницу красть чужія произведенія ради того, чтобы удивлять добрыхъ людей и «плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ?!» Жалкой и смѣшной пародіей представлялся бы этотъ судъ надъ невиннымъ ребенкомъ, долго даже не понимавшимъ, чего отъ него добиваются, въ чемъ его обвиняютъ, если бы не возмутительная, глупая безсердечность всей процедуры и не трагизмъ положенія дѣвочки, не страшный переломъ, который долженъ былъ совершиться въ молодой, впечатлительной душѣ, впервые познавшей при этомъ случаѣ сомнѣніе въ людяхъ, ненадежность отношеній, беззащитность передъ несправедливостью. Вѣдь менѣе крѣпкую свѣтлую натуру подобный опытъ на порогѣ жизни могъ бы покоробить, исковеркать навсегда, если не совсѣмъ сломать, погрузить въ мракъ болѣе густой, болѣе безвыходный, нежели физическое ея затемнѣніе. И то уже, по словамъ редактора Джона А. Мэси, собравшаго матерьялъ для ея жизнеописанія, этотъ инцидентъ подѣйствовалъ мертвящимъ образомъ на Елену и миссъ Солливанъ, такъ какъ послѣдняя испугалась, не допустила ли она привычку къ подражанію, на самомъ дѣлѣ сдѣлавшую изъ Елены писательницу, зайти слишкомъ далеко? И теперь еще, когда миссъ Келлеръ скажетъ ужъ очень красивую фразу, миссъ Солливанъ, съ притворнымъ комическимъ отчаяніемъ, часто восклицаетъ: «Гдѣ-то она опять это взяла?» Слѣдуютъ нѣсколько интересныхъ размышлений и наблюдений о взаимодѣйствіи языка и духа въ человѣкѣ, о процессахъ работы рѣчи у людей вообще и слога у пишущихъ.

Она (миссъ Солливанъ), — говоритъ Мэси, — изучая въ университетѣ вмѣстѣ со своей воспитанницей проблемы сочинительства подъ опытнымъ и мудрымъ руководствомъ, поняла, что слогъ каждаго писателя, — въ сущности, каждаго человѣка, безграмотнаго или культурнаго, — представляетъ какъ бы конгломератъ бессознательныхъ воспоминаній

изъ всего читаннаго и слышаннаго. Источники своего словаря онъ такъ же мало въ состояніи сознательно указать, какъ тотъ самый моментъ, когда онъ съѣлъ тотъ самый кусокъ хлѣба или мяса, который пошелъ на образование части ногтя его мизинца. У большинства людей струи отъ разныхъ источниковъ смѣшаны, скрещены, перекрещены такъ, что не разобрать. Ребенокъ, имѣющій доступъ къ немногимъ источникамъ, еще можетъ держать въ отдѣльности полученное отъ cadaго. Въ настоящемъ случаѣ память Елены Келлеръ удержала почти неприкосновенными, несмѣшанными съ другими мыслями слова сказки, прочитанной ей въ такое время, когда она еще не вполне понимала ихъ. Этотъ фактъ имѣетъ огромную важность. Онъ показываетъ, какъ дѣтскій умъ вбираетъ въ себя слышанныя слова и какъ слова эти тамъ лежатъ до того времени, когда имъ придетъ пора выйти на свѣтъ, когда что-то коснется клавиши, которая освободитъ пружину. Мы потому не наблюдаемъ этого процесса у обыкновенныхъ дѣтей, что мы и вообще-то мало ихъ наблюдаемъ, и еще потому, что умъ ихъ питается отъ столькихъ различныхъ источниковъ, что воспоминанія путаются и взаимно стираютъ другъ друга. И все-таки, сказка про «Царя Мороза» не выскочила изъ Елениной головы въ неизмѣненномъ видѣ, а вылилась въ форму ея личнаго темперамента и обогатилась словами, почерпнутыми и изъ другихъ источниковъ. Слогъ въ ея разсказѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше слога въ разсказѣ миссъ Кэнби. Въ немъ замѣчается та же первобытная непосредственная вѣра, какъ и въ настоящей народной сказкѣ, тогда какъ разсказъ миссъ Кэнби очевидно **сочинень** для дѣтей человѣкомъ взрослымъ, который поддѣлывается подъ тонъ сказки и не можетъ скрыть умственной зрѣлости, допускающей такія «книжныя» выраженія, какъ, напр., слѣдующія: «Морозъ Красный Носъ (**Jack Frost**), какъ его иногда называютъ», или: «Полдень — время, когда Солнце всего сильнѣе». Большинство читателей почувствуетъ превосходство описанія, которымъ разсказъ начинается у Елены Келлеръ, надъ тою же страницей у миссъ Кэнби, въ смыслѣ непосредственности и вѣрности поэтическаго впечатлѣнія. «Двѣнадцать воинственныхъ бѣлыхъ медвѣдей» на стражѣ у Царя Мороза, — прямо гениальная идея; кромѣ того, во всему разсказу ребенка разлита прелесть музыкально-ритмическаго языка. Онъ оригиналенъ въ томъ смыслѣ, какъ оригинальна пересказанная поэтомъ старая повѣсть.

Вотъ эти двѣ страницы, съ возможно точнымъ сохраненіемъ ихъ характеристики для сравненія:

<i>У миссъ Кэнби:</i>	<i>У Елены Келлеръ:</i>
<p>Царь-Морозъ, или Морозъ Красный Носъ, какъ его иногда называютъ, живетъ въ холодной землѣ на дальнемъ Сѣверѣ; но каждый годъ онъ отправляется путешествовать по всему міру на колесницѣ изъ золотыхъ облаковъ, запряженной сильнымъ, быстрымъ конемъ, котораго зовутъ Северный Вѣтеръ. Гдѣ онъ ни проѣдетъ, онъ натворитъ всякихъ чудесъ: черезъ каждую рѣку онъ построитъ мостъ, на видъ прозрачный, что стекло, но крѣпкій, что желѣзо; однимъ прикосновеніемъ руки своей усыпитъ цвѣты и растенія, которыя всѣ склоняются и ложатся въ теплую землю до возвращенія весны; а чтобы мы не горевали о цвѣтахъ, онъ украшаетъ наши окна прелестными вѣнками и букетами бѣлыхъ сѣверныхъ цвѣтовъ, миниатюрными лѣсочками изъ нѣжныхъ сосенокъ и елочекъ чистѣйшей бѣлизны и чудной красоты. Но удивительнѣйшая его работа, это — расписываніе деревьевъ: когда онъ съ ними покончитъ, они точно покрыты слоями расплавленнаго золота и рубиновъ и такъ чудно хороши, что вознаграждаютъ насъ за улетѣвшее лѣто.</p>	<p>Царь-Морозъ живетъ въ прекрасномъ, дворцѣ на дальнемъ Сѣверѣ, въ полосѣ вѣчнаго снѣга. Дворецъ великолѣпный, паче всякихъ словъ, былъ построенъ много вѣковъ тому назадъ, еще въ царствованіе царя Ледника. Даже съ небольшо-го разстоянія его легко можно бы принять за гору, вершины которой устремляются къ небу, навстрѣчу послѣдному поцѣлюю уходящаго дня. Но, подойдя ближе, мы убѣдились бы въ своей ошибкѣ. То, что мы приняли за вершины, въ дѣйствительности оказывается тысячею сверкающихъ ледяныхъ иголокъ. Ничто не можетъ быть прекраснѣе зодчества этого ледяного дворца. Стѣны искусно сложены изъ массивныхъ глыбъ льда, кончающихся верху башнями, видомъ похожими на высокіе утесы. Входъ во дворецъ помѣщается въ концѣ глубокаго свода, и его денно и ночью охраняютъ двѣнадцать воинственныхъ бѣлыхъ медвѣдей.</p> <p>Но вамъ, дѣти, непременно надо навѣстить Царя-Мороза при самой первой возможности, какая вамъ представится, и самимъ осмотрѣть этотъ чудный дворецъ. Старый царь ласково приметъ васъ, потому что онъ любитъ дѣтей и не знаетъ большаго удовольствія, какъ ихъ чѣмъ-либо порадовать.</p>

Редакторъ Мэси находить, что этотъ маленькій литературный трудъ вызываетъ всевозможные вопросы по части языка и философіи слога, и пользуется случаемъ, чтобы высказать по этому поводу нѣкоторые выводы и соображенія, исходя изъ поставленнаго уже имъ положенія, что рѣчь основана на подражаніи, а слогъ (кого бы то ни было) составлень изъ другихъ встрѣчаемыхъ слоговъ.

Единственный способъ научиться хорошо говорить и писать, это — слышать и читать только хорошій языкъ. Такъ любого ребенка можно научить выражаться правильно, если не допускать, чтобы онъ слышалъ или читалъ дурной языкъ.

Дюжинный человекъ никогда не отдѣляется отъ ошибочнаго понятія, будто мы сперва мыслимъ и потомъ уже облакаемъ мысли свои въ слова. Правда, нужно, прежде всего, чтобы существовало желаніе, намѣреніе что-нибудь сказать, но мысль рѣдко принимаетъ опредѣленный обликъ до тѣхъ поръ, пока она не выльется въ словесную форму. Нѣтъ сомнѣнія, что идея, понятіе, невысказанныя и высказанныя — двѣ вещи разныя. **Слова часто создаютъ мысль**, и мастеръ языка часто говоритъ больше того, что онъ способенъ сознательно думать. Замѣчательный примѣръ тому представляетъ одно мѣсто въ автобіографическомъ эскизѣ миссъ Келлеръ, напечатанномъ въ журналѣ «**Youth's Companion**». Разказавъ о томъ моментѣ, когда она вдругъ поняла, что каждый предметъ имѣетъ названіе, она пишетъ: «Мы встрѣтили няню, съ моей маленькой сестрой на рукахъ, и моя наставница написала въ моей рукѣ слово „бэби“. **И меня впервые поразило сознаніе** ничтожности и беспомощности маленькаго существа, и къ этой мысли присоединилась другая, о себѣ самой, и я порадовалась, что я — именно я, а не бэби». **Эти мысли создало въ умѣ ея одно слово. Такимъ образомъ, мастеръ языка дѣлается хозяиномъ надъ мыслями, которыя создаются словами, и говоритъ вещи великія и глубокія, какихъ ему иначе бы не знать.** Такъ, Елена Келлеръ, когда писала сказку про Царя-Мороза, говорила гораздо больше, чѣмъ сама сознавала.

Составляя предложеніе изъ словъ, человекъ говоритъ не отъ своего ума, а отъ ума всей расы, вложившей душу свою въ эти слова, хотя они еще никогда не появлялись именно въ **этой** группировкѣ. Орудіе, служащее средствомъ для выраженія, вызываетъ то, что оно должно выразить, и чѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ болѣе велико и глубоко выражаемо.

Воспитанный человекъ, это тотъ человекъ, у котораго способность выражаться воспитанно. Вещественная, такъ сказать, суть мысли есть слово, языкъ; поэтому, языку прежде всего должно учить ребенка, какъ всякаго другаго, такъ и глухого. Пусть онъ научится владѣть языкомъ, и онъ будетъ владѣть и тѣмъ веществомъ, изъ котораго созданъ языкъ, — мыслью и вѣковымъ опытомъ своей расы. Но языкъ долженъ быть настоящій, на которомъ говорить нація, а не какой-нибудь сочиненный. **Волапюкъ** — мертвый парадоксъ; надо имѣть французскій, или англійскій, или нѣмецкій языкъ, или какой-либо другой, но только выросшій вмѣстѣ съ націей...

...Елена Келлеръ съ первыхъ годовъ своего воспитанія читала только хорошія вещи. Она выросла на отборной беллетристикѣ и впитала въ свою сильную память слогъ великихъ писателей. «Новое слово раскрыло мнѣ свое сердце», — пишетъ она въ одномъ письмѣ... До послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ не столько она владѣла слогомъ, сколько слогъ владѣлъ ею. Только съ тѣхъ поръ, какъ она стала сознательно изучать писательское дѣло, какъ отдѣльный предметъ, она перестала быть рабою фразы, — къ счастью, художественно прекрасной.

Это уже входитъ въ періодъ ея университетской жизни, — періодъ успѣшный, блестящій, но во многихъ отношеніяхъ тяжелый, исполненный подвиговъ и борьбы.

Глава 8. Борьба съ университетомъ

Совсѣмъ молоденькой дѣвочкой Елена, побывавъ въ женскомъ университетѣ Уэллесли, объявила: «Когда-нибудь и я пойду въ университетъ; только я пойду въ Гарвардъ». Когда ее спросили, почему не въ Уэллесли, она отвѣтила: «Тамъ однѣ дѣвицы». Эта мысль засѣла въ ея головѣ и сдѣлалась цѣлью всѣхъ ея стараній, вопреки всѣмъ доводамъ родныхъ и друзей, не безъ основанія опасавшихся за нее, за послѣдствія неудачи, да и удачи тоже, въ смыслѣ переутомленія и непосильнаго напряженія всѣхъ способностей. Она, по обыкновенію, поставила на своемъ и въ октябрѣ 1896 г. поступила въ приготовительное училище въ Кембриджѣ. Рѣшено было, что миссъ Солливанъ будетъ ходить съ нею въ классы и передавать ей слова преподавателей, прямое общеніе съ которыми было возможно лишь при помощи того, что Елена называетъ «чтеніемъ съ губъ пальцами», такъ какъ профессора имѣли дѣло исключительно со вполне нормальными студентками, и ни одинъ, конечно, не умѣлъ объясняться пальцами.

Въ курсъ перваго года входили: англійская исторія и литература, французскій и нѣмецкій языки, латинскій языкъ съ сочиненіями, ариѳметика и иногда англійскія сочиненія. Къ счастью, Елена была хорошо подготовлена въ латинскомъ и французскомъ языкахъ и особенно въ нѣмецкомъ, а изъ англійскихъ предметовъ знала гораздо больше того, что требовалось. Все же, въ началѣ было трудно. Миссъ Солливанъ не успѣвала всего передавать ей въ руку, да и удержатъ всего въ памяти безъ книгъ не было возможности. Пришлось долго ждать книгъ, нарочно печатавшихся въ Лондонѣ и Филадельфіи выпуклымъ шрифтомъ. Латинскія упражненія она списывала «брайлемъ», чтобы имѣть возможность отвѣчать уроки въ классѣ съ другими, такъ какъ обыкновенное, гладкое письмо она, написавъ, уже не могла читать, и потому не могла бы въ классѣ по немъ отвѣчать. Умѣніе «говорить ртомъ» не только пригодилось ей, но вскорѣ стало совершенно ясно, что безъ него ей немисливо было бы поступать не то что въ университетъ, но даже въ любое учебное заведеніе съ нормальными учащимися. Несмотря на весьма замѣтное еще въ то время несовершенство ея устной рѣчи, преподаватели скоро привыкли къ ней, такъ что могли легко отвѣчать на ея вопросы и исправлять ошибки. Записывать же что-либо въ классѣ или писать упражненія тутъ же съ другими она не могла. Сочиненія и переводы она писала дома на машинѣ.

Миссъ Солливанъ неутомимо сопровождала свою воспитанницу въ классы и съ безконечнымъ терпѣніемъ передавала ей слова учителей. Въ часы занятій она же разыскивала новыя слова, читала и перечитывала ей ея записки и книги, которыхъ у нихъ не имѣлось выпуклымъ шрифтомъ. Невозможно представить себѣ болѣе кропотливой, убійственно тупой работы. Добрѣйшая нѣмка, собственная учительница Елены, и самъ директоръ училища нарочно выучились ручному алфавиту, чтобы сколько-нибудь облегчить работу миссъ Солливанъ, и занимались съ Еленой отдельно въ неклассные часы.

Въ этотъ учебный годъ Елена кончила ариѳметику, повторила латинскую грамматику и прочла три главы Цезаря «**De Bello Gallico**». По-нѣмецки она прочла, отчасти собственными пальцами, отчасти съ помощью миссъ Солливанъ, Шиллера «**Lied von der Glocke**» и «**Der Taucher**», Гейне «>**Harzreise**», Лессинга «**Minna von Barnhelm**», Гёте «**Aus meinem Leben**» и еще кое-какія вещи. Фрейтага и др. Нѣмецкое чтеніе доставляло ей величайшее наслажденіе. Остальное дѣлалось «по долгу службы», за исключеніемъ англійской литературы, предмета хорошо знакомаго и давно любимаго.

Таблица 8.1. Миссъ Солливанъ читаетъ Еленѣ Келлеръ «вслухъ»

Миссъ Солливанъ читаетъ Еленѣ Келлеръ „вслухъ“.

Въ Кембриджѣ Елена узнала одну сторону жизни, дотолѣ совершенно ей чуждую и богатую новыми впечатлѣніями: она тутъ въ первый разъ очутилась среди молодыхъ дѣвушекъ своихъ лѣтъ, живя ихъ жизнью, раздѣляя ихъ занятая, заботы, забавы, вѣроятно иногда и шалости. Во всякомъ случаѣ, она не отставала отъ нихъ въ играхъ, бѣгала, играя даже въ горѣлки. Совершала прогулки съ подругами, причеиъ онѣ, вспоминая недалекіе еще дѣтскіе годы, катались съ горъ въ снѣжныхъ сугробахъ; обсуждала съ ними общія занятія, участвовала въ ихъ дебатахъ и даже чтеніяхъ, по крайней мѣрѣ настолько, что сама читала имъ вслухъ, если и не могла пользоваться чтеніемъ другихъ. Веселое было житье и само по себѣ, и по новизнѣ своей, потому что жизнь ея въ институтѣ Перкинса со слѣпыми дѣвочками, которыя были не подъ стать ей ни по общественному положенію, ни по способностямъ, не могла удовлетворить ея общительныхъ инстинктовъ. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ выучились говорить съ Еленой пальцами, такъ что маленькій кружокъ, не нуждаясь въ посредствѣ даже добрѣйшей миссъ Солливанъ, сдѣлался совсѣмъ независимымъ, и когда къ Рождеству подѣхала еще миссисъ Келлеръ съ младшей дочерью, «малюткой» Мильдредъ, провести праздники, для Елены настало незабвенно счастливое время. Въ довершеніе ея благополучія, мать позволила Мильдредъ поступить въ то же приготовительное училище, и сестры цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ почти не разлучались, помогая другъ другу въ занятіяхъ и проводя свободные часы опять таки вмѣстѣ.

Сравнительно легко Елена сдала предварительный экзаменъ на поступленіе въ Рэдклиффъ-Колледжъ (Radcliffe-College), женскій отдѣлъ гарвардскаго университета (отъ 29-го іюня до 3-го іюля 1897 г.). Предметами были средній и высшій курсы нѣмецкаго языка, языки французскій, латинскій, англійскій, да греческая и римская исторія. Нѣмецкій и англійскій экзамены она сдала «съ отличіемъ» (**with honours**), что соотвѣтствуетъ нашей помѣткѣ «**сit eximia laude**».

Весьма основательно полагая, что процедура такого небывалаго экзамена должна представить необычайный интересъ и для неспеціалиста, миссъ Келлеръ сообщаетъ о немъ слѣдующія подробности:

Полагалось сдать весь экзаменъ въ шестнадцать часовъ, причеиъ надо было проработать не меньше пяти часовъ подрядъ, иначе въ счетъ не шло. Билеты выдавались въ Гарвардѣ

въ 9 ч. утра и приносились въ Рэдклиффъ спеціальнымъ посыльнымъ. Кандидатки обозначались не фамиліями, а номерами. Я была № 233, но такъ какъ я по необходимости должна была употреблять пишущую машинку, то мое инкогнито не могло быть соблюдаемо.

Мнѣ было предложено работать въ отдѣльной комнатѣ, чтобы шумъ машинки не беспокоилъ другихъ. Директоръ, мистеръ Гильмэнъ, прочелъ мнѣ билеты посредствомъ ручного алфавита. За дверь былъ поставленъ сторожъ, чтобы никто ко мнѣ не входилъ.

Первый день былъ нѣмецкій экзаменъ. Директоръ сѣлъ возлѣ меня и сначала прочелъ мнѣ весь билетъ, потомъ фразу за фразой, заставляя меня повторять за нимъ каждую фразу, чтобы убѣдиться, что я все поняла. Билеты были трудные, и я со страхомъ и трепетомъ писала отвѣты на машинкѣ. Мистеръ Гильмэнъ прочелъ мнѣ то, что я написала (писала въ моей рукѣ); я сдѣлала нужныя поправки, и онъ вписалъ ихъ. Замѣчу здѣсь, что ни при одномъ другомъ экзаменѣ я болѣе не пользовалась такой льготой. Въ Рэдклиффѣ никто не читаетъ мнѣ моихъ отвѣтовъ, и я не имѣю возможности дѣлать поправки, развѣ, что кончу до срока. И то я исправляю лишь тѣ немногія ошибки, которыя припомнятся мнѣ въ оставшіяся немногія минуты, и отмѣчаю эти поправки въ концѣ. Если я предварительные экзамены сдала лучше, нежели окончательные, то этому двѣ причины: на окончательныхъ никто не читалъ мнѣ того, что я писала; притомъ, на предварительныхъ мнѣ достались предметы, съ которыми я отчасти была знакома до Кембриджа, такъ какъ въ началѣ года я уже сдавала экзамены по исторіи и по англійскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, частнымъ образомъ у мистера Гильмэна по прежнимъ гарвардскимъ билетамъ.

Мистеръ Гильмэнъ послалъ мои письменныя работы экзаменаторамъ, при свидѣтельствѣ, что писаны онѣ мною, кандидаткой № 233.

Всѣ прочіе предварительные экзамены велись тѣмъ же самымъ порядкомъ. Ни одинъ изъ нихъ по трудности не равнялся съ первымъ. Я помню, что въ тотъ день, когда принесли латинскій билетъ, профессоръ Шиллингъ пришелъ къ намъ съ вѣстью, что я хорошо прошла по нѣмецкому языку. Это меня сильно подбодрило, и я съ легкимъ сердцемъ выдержала испытаніе до конца.

Второй годъ былъ гораздо труднѣе. Въ курсъ этого года входили преимущественно физика и разныя математическія науки: геометрія, алгебра, астрономія. Надо было разрѣшать задачи въ классѣ, и пришлось приобрести машинку, пишущую пунктирными письменами. Но главное затрудненіе состояло въ невозможности для Елены слѣдить за фигурами на черной доскѣ. Чтобы она могла ознакомиться съ ними и сама «чертить» ихъ, придумали слѣдующій способъ: на подушкѣ накалывали фигуры изъ очень гибкой проволоки съ загнутыми и острыми, какъ булавка, концами, которыми проволока прикалывалась къ подушкѣ. Но и тутъ еще ученица должна была запоминать буквы, построеніе и разрѣшеніе задачи. Несокрушимымъ упорствомъ и силой воли она превозмогла всѣ трудности и блистательно выдерживала экзамены. Но въ третьемъ году опасенія ея близкихъ отчасти сбылись: здоровье ея сильно пошатнулось. Тогда послѣ праздниковъ было рѣшено взять Елену изъ училища и пригласить къ ней репетитора. Выборъ палъ на профессора, прекраснаго, симпатичнаго человѣка, который съ любовью принялся за интересную задачу и хотя не могъ объясняться посредствомъ ручного алфавита, однако, съ помощью миссъ Солливанъ, повелъ дѣло отлично. 29-го и 30-го іюня 1899 г. Елена сдала вступительный экзаменъ въ Рэдклиффъ-Колледжъ. Читаешь и едва вѣришь, какія трудности ей пришлось преодолѣть въ эти, навѣки для нея памятные, два дня. Университетскія власти не только ничѣмъ не облегчили ея и безъ того неимоверно трудную задачу, но какъ будто даже отнеслись къ ней съ особенной строгостью. Невольно думается, ужъ не хотѣли ли они ее запугать, отбить у нея охоту? Если такъ, то они не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Предоставимъ ей самой разсказать исторію этого генеральнаго сраженія.

Первый день на очереди были греческій и латинскій языки; на второй были назначены алгебра и геометрія.

Миссъ Солливанъ не позволили прочесть мнѣ билеты, но пригласили одного изъ преподавателей института Перкинса, мистера Вэйнинга, и онъ списалъ мнѣ билеты пунктирными письменами (braille). Онъ не былъ знакомъ со мной и никакимъ другимъ способомъ не могъ разговаривать со мной.

Языки, при помощи пунктирнаго письма, сошли ничего себѣ; но когда дѣло дошло до геометріи, возникли затрудненія. Я сбилась и растерялась... Два дня до экзамена м-ръ Вэйнингъ принесъ мнѣ пунктирную копию билетовъ по алгебрѣ. Къ ужасу своему я замѣтила, что они написаны по американской системѣ, тогда какъ я до тѣхъ поръ для алгебры употребляла только англійскую. Я немедленно написала м-ру Вэйнингу, прося его объяснить знаки. Со слѣдующей почтой я получила другой билетъ и таблицу знаковъ. Я засѣла за нихъ и выучила. Но вечеромъ наканунѣ экзамена я билась надъ очень сложными задачами, и вдругъ — все у меня перемѣшалось. И м-ръ Кейтъ (репетиторъ), и я были въ отчаяніи. Завтра быть бѣдѣ! Но мы пошли пораньше, и м-ръ Вэйнингъ успѣлъ еще разъ хорошенько объяснить мнѣ знаки... И все-таки, было ужасно трудно. Знаки, только-что выученные, сбивали меня. Къ тому же, мнѣ не видно было, что я писала на машинкѣ. Я привыкла работать пунктирнымъ письмомъ или въ головѣ, и м-ръ Кейтъ, слишкомъ полагаясь на мою способность мысленно разрѣшать задачи, не пріучилъ меня къ письменной работѣ. Поэтому дѣло шло убійственно медленно, и я должна была безъ конца перечитывать задачи, прежде чѣмъ могла сколько-нибудь осмыслить, что отъ меня требовалось. Я и теперь не увѣрена, всѣ ли знаки я прочла. Было ужасно трудно сосредоточиться и не дать мыслямъ разбѣжаться.

Но я никого не виню. Экзаменаторы не знали, насколько они усугубляли трудности моей задачи, да и не понимали, въ чемъ именно состоятъ эти своеобразныя трудности. И если они ненамѣренно ставили мнѣ препятствія, я могу утѣшиться сознаниемъ, что я ихъ всѣ преодолѣла. Борьба кончилась, и я могла поступить во всякое время. Впрочемъ, рѣшено было, что мнѣ лучше будетъ еще годъ позаняться подъ руководствомъ мистера Кейта, такъ что я мечту свою, — поступить въ университетъ — осуществила не раньше осени 1900 г.

Таблица 8.2. Елена Келлеръ за пишущей машинкой

Елена Келлеръ за пишущей машинкой.

Я хорошо помню мой первый день въ Рэдклиффъ. Это для меня былъ день въ высшей степени знаменательный. Какая-то могучая сила внутри меня, преодолевая убѣжденія моихъ близкихъ, даже нашептыванія собственнаго моего сердца, толкала меня помѣрить силы свои нормами зрячихъ и слышащихъ. Я знала, что на пути моемъ встрѣтятся препятствія, и меня тянуло превозмочь ихъ. Я запомнила слова мудраго римлянина, сказавшаго: «Быть изгнаннымъ изъ Рима значить только — жить не въ Римѣ». Лишенная возможности слѣдовать по большимъ дорогамъ знанія, я вынуждена пробираться разными малоизвѣженными проселками, — вотъ и все; и я знала, что въ университетской жизни найдется много тропинокъ, на которыхъ я встрѣчусь съ такими дѣвушками, которыя мыслятъ, любятъ, борются такъ же, какъ и я.

Глава 9. Университетъ — Впечатлѣнія и оцѣнка

Очень интересно и поучительно критическое отношеніе миссъ Келлеръ къ университетской наукѣ и жизни. Эти страницы сильно напоминаютъ сѣтованія Гёте на неосуществленіе благоговѣйныхъ надеждъ, съ которыми онъ поступалъ въ университетъ, думая найти тамъ неизсякаемый ключъ живой воды, отвѣты на все вопросы. У обоихъ постепенно накопившіяся отрицательныя впечатлѣнія сводятся къ двумъ словамъ, въ которыхъ не одно поколѣніе горячихъ искателей высказало свое унылое недоумѣніе: «Не то!»

Съ жаромъ принялась я за работу, — пишетъ миссъ Келлеръ. — Передо мною открывался новый міръ, облитый свѣтомъ и красотой, и я чувствовала въ себѣ способность одолѣть какую угодно науку. Въ волшебномъ мірѣ мысли я могла быть совершенно свободна... Аудиторіи казались мнѣ населенными тѣнями великихъ людей и мудрецовъ, профессоровъ я представляла себѣ воплощеніемъ премудрости. Если я впоследствии нѣсколько измѣнила свой взглядъ, я о томъ никому не расскажу.

Я скоро убѣдилась, что университетъ не совсѣмъ тотъ поэтический пріютъ, какимъ онъ мнѣ представлялся. Многія мечты, прельщавшія мою юную неопытность, постепенно разсѣялись, теряли свою радужную окраску. Я понемногу стала замѣчать, что университетская жизнь имѣетъ свои непріятныя стороны.

Ощутительнѣе всего для меня недосугъ. Мы, бывало, имѣли время подумать, побесѣдовать другъ съ другомъ, — душа моя и я. Сидимъ, бывало, вечеркомъ и прислушиваемся къ тѣмъ внутреннимъ мелодіямъ духа, которыя слышатся лишь въ свободныя минуты, когда слова любимаго поэта затронуть молчавшую дотолѣ глубокую, сладкозвучную струну. Но тутъ не то: нѣтъ уже времени предаваться собственнымъ мыслямъ. Сюда идутъ учиться, не думать. Вступая въ ученую ограду, оставляешь за нею, подъ шепчущими соснами, самыя драгоценныя сокровища, — книги, уединеніе, игру фантазій. Полагаю, что мнѣ слѣдовало бы утѣшаться мыслью, что я накоплю сокровища для будущаго пользованія; но я настолько недомовита, что предпочитаю радость въ настоящемъ запасу про черный день...

Таблица 9.1. Елена Келлеръ въ университетской мантии и шапочкѣ

Елена Келлеръ въ университетской мантии и шапочкѣ.

Нѣтъ; это не тѣ Аѳины, какъ я думала, Здѣсь не встречаешь великихъ людей и мудрецовъ лицомъ къ лицу; не чувствуется даже ихъ живое прикосновеніе. Правда, они тутъ, но въ видѣ мумій... Ученые забываютъ, что мы наслаждаемся великими произведениями литературы больше чувствомъ, нежели разумомъ. Изъ ихъ хитроумныхъ объясненій очень немного остается въ памяти. Они опадаютъ, какъ съ вѣтки падаетъ перезрѣлый плодъ. Можно знать цвѣтокъ, съ корнемъ, и стеблемъ, и всѣми процессами его роста и развитія, и не умѣть любоваться имъ въ его освѣженной росой красотѣ. Я безпрестанно спрашиваю съ нетерпѣніемъ: «Какое мнѣ дѣло до всѣхъ этихъ комментарій и гипотезъ?» Только порхаютъ въ моей головѣ, словно слѣпныя птицы бьются безсильными крыльями. Я ничего не имѣю противъ основательнаго изученія знаменитыхъ твореній, я только противъ безконечныхъ комментарій и сбивчивой критики, отъ которыхъ узнаешь лишь одно: что мнѣнній столько же, сколько и людей. Зато, когда дѣйствительно великій ученый берется толковать великаго писателя, тогда словно слѣпой прозрѣваетъ...

Находятъ на меня дни, когда мнѣ хотѣлось бы, какъ метлой, смести половину того, чему меня заставляютъ учиться: чрезмѣрно нагруженный умъ уже не въ состояннн использовать то, чтѣ онъ пріобрѣлъ дорогой цѣной. Нѣтъ возможности читать въ одинъ день четыре-пять книгъ на разныхъ языкахъ и о совершенно различныхъ предметахъ и не потерять при этомъ изъ вида именно то, ради чего читаешь. Когда читаешь наскоро и нервно, все время думая объ экзаменахъ, мозгъ набирается всякой всячины, въ которой, повидимому, мало толку. Въ настоящее время умъ мой до того заваленъ всякимъ разнороднымъ товаромъ, что я почти отчаиваюсь когда-нибудь привести все это въ порядокъ... Кончается тѣмъ, что мнѣ приходится святотатственное желаніе разбить тѣ самые кумиры, которымъ я пришла поклоняться.

Но самыя ужасныя пугала университетской жизни, это — экзамены... Проводишь послѣдніе дни въ пичканнн¹ мозга всякими формулами и числами, — невкусной и неудобоваримой пищей, — и радъ бы утопить и книги, и науки, и самого себя въ самую глубь морскую...

Наконецъ, наступаетъ страшный часъ, — и счастлива ты, если чувствуешь себя подготовленною и въ состояннн въ данный моментъ собрать на свой зовъ мысли, способныя помочь тебѣ въ критическую минуту. Слишкомъ часто трубный звукъ твой остается безъ отвѣта. Ужасно обидно, что именно въ эту самую минуту, когда всего необходимѣе память и тонкій критическій смыслъ, какъ разъ эти-то качества и улетають куда-то безслѣдно. Факты, набранныя съ такимъ безконечнымъ трудомъ, предательски разбѣгаются.

«Дайте краткій очеркъ Гусса и его дѣятельности?» Гуссъ? Кто онъ такой и чтѣ сдѣлалъ? Имя глядитъ странно знакомымъ. Шаришь, роешься въ своемъ запасѣ историческихъ фактовъ, совершенно такъ, какъ рылась бы въ мѣшкѣ съ пестрыми лоскутками за кусочкомъ цвѣтной ленты. Знаешь навѣрно, что онъ-то есть, на самомъ верху, попался на глаза не дальше, какъ на-дняхъ, когда справлялась о началѣ реформаціи; да теперь-то куда запропастился? Тащишь изъ мѣшка всевозможные концы да обрѣзки: революціи, схизмы, возстанія, избіенія, заговоры и пр. А Гусса какъ не бывало! Дивишься, какъ много всего знаешь, только все не то, чтѣ требуется по билету... И вотъ, объявляютъ, что пора, — готова ли? Съ глубокимъ отвращеніемъ сгребаетъ всѣ листы, замѣтки и пр. и идешь домой, ворочая въ головѣ самыя революціонныя замыслы, какъ бы отобрать у профессоровъ Богомъ данное право дѣлать всякіе вопросы безъ согласія опрошаемыхъ.

Пока университетъ былъ для меня далекой мечтой, онъ являлся мнѣ окруженный поэтическимъ сіяніемъ, которое онъ теперь утратилъ. Но въ переходѣ отъ мечты къ дѣйствительности я многое узнала, чего не знала бы никогда, если бы не пошла на это дѣло. Между прочимъ, я постигла, что воспитаніе должно быть подобно деревенской прогулкѣ, — неторопливое, и умъ въ это время долженъ быть открытъ для всевозможныхъ впечатлѣннн. Только такимъ образомъ знаніе невидимой волной со всѣхъ сторонъ нахлынетъ и обдастъ дѣйствительно живой водой. Говорятъ: «Знаніе есть сила». Вѣрнѣе:

¹ «Пичканнн» — **cramming**, — общепринятое, такъ сказать, техническое выраженіе на школьническомъ языкѣ, замѣняющее нашу «зубрежку» и «долбежку».

«Знаніе есть счастье», потому что имѣть знаніе, — широкое и глубокое, — значить умѣть распознавать настоящее отъ ложнаго, возвышенное отъ низменнаго. Знать мысли и дѣла, отмѣтившія шествіе человѣка, значить чувствовать могучее сердцебіеніе человѣчества черезъ всѣ вѣка; и тотъ, кто не ощущаетъ въ этомъ біеніи порывъ къ небесамъ, тотъ поистинѣ глухъ гармоніямъ жизни.

Въ то же время, какъ миссъ Келлеръ такъ рѣшительно произноситъ свое грустное «**He to!**» — она выражаетъ искреннюю признательность тѣмъ самымъ профессорамъ, которые, въ частности, нерѣдко мучили ее и въ общемъ не удовлетворяли, но лично къ ней относились крайне сердечно и помогали, насколько имъ дозволяло ихъ, правду сказать, черезчуръ узкое пониманіе правилъ. Противорѣчія въ этомъ нѣтъ, потому что недовольство относится не къ такому-то именно факультету, а къ неизбѣжной рутинности массоваго обученія вообще и къ холодной сухости, которая все болѣе и болѣе преобладаетъ въ высшей литературной критикѣ и въ преподаваніи наукъ и даже искусствъ. Каждая живая душа, прошедшая обязательную школу изъ-за диплома, прошла и черезъ этотъ фазисъ недовольства и унынія, но сильная натура со временемъ возьметъ свое, отброситъ ненужное, остальное сохранить и переработаетъ по-своему, для своихъ надобностей, а потомъ пойдетъ своей дорогой.

Такъ будетъ, конечно, и съ Еленой Келлеръ; отчасти уже и есть. Когда она поступила въ университетъ, въ ней еще далеко не возстановилось умственное и нравственное равновѣсіе, столь жестоко поколебленное глупой исторіей, поднятой изъ-за ея сказки.

Именно серьезныя университетскія занятія по риторикѣ и литературной критикѣ довершили самостоятельную постановку ея мышленія. Профессора, готовившіе ее къ поступленію въ университетъ, поразились именно силой и логической правильностью хода ея мысли, самостоятельной прямоотой, съ которой она рѣшала вопросы и задачи **своими** приѣмами, часто совсѣмъ не похожими на предписанные въ школьныхъ учебникахъ. Такъ, она особенно отличалась въ чистой математикѣ, хотя не любила эту науку.

Вполнѣ сознавая, что техническая сторона ея работы, самая процедура ея занятій должна особенно интересовать и ученую, и простую публику, миссъ Келлеръ отвѣчаетъ этому естественному любопытству, насколько описаніе, даже тщательное и подробное, способно дать понятіе о томъ, что дѣлается наполовину какимъ-то вдохновеніемъ.

Меня часто спрашиваютъ, — пишетъ она, — какъ именно я преодолеваю своеобразныя условія, при которыхъ я работаю въ университетѣ? Въ классной я, разумѣется, все равно что одна. Профессоръ такъ же отъ меня далекъ, какъ будто онъ говоритъ въ телефонъ. Лекціи пишутся въ моей рукѣ елико возможно быстрѣе, и индивидуальность читающаго въ большой мѣрѣ теряется для меня при усиліи, котораго я дѣлаю, чтобы только не отстать. Слова несутся черезъ мою руку, словно гончія за зайцемъ, котораго нерѣдко все-таки отпускаютъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не думаю, чтобы записывающіе со словъ профессора имѣли большое передо мной преимущество. Когда умъ занятъ механическимъ процессомъ слушанія и записыванія словъ на бумагѣ въ сумасшедшихъ попыткахъ, не думаю, чтобы можно было очень-то слѣдить за предметомъ или за тѣмъ, какъ онъ излагается. Во время лекціи я не могу записывать, потому что руки мои заняты, — слушаютъ. Я вообще набрасываю на бумагу, сколько запомню, какъ придю домой. Упражненія, ежедневныя сочиненія, все чтѣ нужно къ экзаменамъ, годовымъ и полугодовымъ, я пишу на машинкѣ, такъ что профессорамъ сразу видно, много ли я знаю. Когда я начала заниматься латинской просодіей, я сочинила и объяснила моему профессору систему условныхъ знаковъ, обозначающихъ различныя размѣры и стопы...

Изъ книгъ, требующихся для разныхъ курсовъ, весьма немногія напечатаны выпуклымъ шрифтомъ для слѣпыхъ, такъ что содержаніе ихъ приходится писать въ моей рукѣ. Слѣдовательно, мнѣ для приготовленія урока требуется больше времени, нежели другимъ. Ручная работа больше беретъ, да и другія бываютъ у меня затрудненія, которыхъ они вовсе не знаютъ. Бываютъ дни, когда неотступное вниманіе къ мелочамъ страшно раздражаетъ меня, и досада беретъ, что я должна проводить цѣлыя часы за немногими главами, когда тамъ, на волѣ, мои товарки поютъ, бѣгаютъ, смѣются; но я скоро опять опомнюсь и весельемъ изгоняю мрачныя мысли изъ сердца. Вѣдь, какъ-никакъ, а каждый, кто желаетъ пріобрѣсти истинное знаніе, долженъ взбираться на крутую гору одинъ, и такъ какъ казенной большой дороги на вершину ея нѣтъ, то и мнѣ приходится взбираться

ся разными зигзагами, своими тропинками. Много разъ я соскальзываю назадъ, падаю, останавливаюсь на мѣстѣ, спотыкаюсь объ острые края невидимыхъ препятствій, теряю терпѣніе, вновь нахожу и тщательно берегу его, опять плетусь дальше, немного подвигаюсь впередъ, пріободряюсь, разгораюсь новымъ рвеніемъ, взбираюсь выше, выше, и горизонтъ мой начинаетъ расширяться. Сама борьба уже есть побѣда. Еще одно усиліе, и я достигну золотистаго облака, глубины небесной синевы, желаннаго края моихъ вожделѣній. Но въ этой борьбѣ я не всегда предоставлена одной себѣ. Мистеръ Уильямъ Уэдь и мистеръ Элленъ, директоръ института для обученія слѣпыхъ штата Пенсильваніи, заказали многія изъ необходимыхъ мнѣ книгъ выпуклымъ шрифтомъ. Никогда они не узнаютъ, какой великой помощью было для меня ихъ вниманіе, и сколько оно прибавило мнѣ бодрости².

Второй годъ я изучала Библию съ литературной точки зрѣнія, сравнительныя формы правленія въ Америкѣ и Европѣ, оды Горация, латинскую комедію и упражнялась въ англійскихъ сочиненіяхъ въ связи съ англійской литературой. Этотъ классъ я предпочитала всѣмъ прочимъ. Онъ былъ такой оживленный. Лекціи были всегда занимательны, остроумны; преподаватель лучше всѣхъ слышанныхъ мною лекторовъ умѣлъ представить литературу въ первобытной свѣжести и силѣ. Въ теченіе этого короткаго часа можно было упиваться красотой старинныхъ мастеровъ слова безъ мѣшающихъ толкованій и объясненій и вдоволь насладиться чудными мыслями и, уходя домой, уносить сознаніе, что мнѣ было дано «лицезрѣть то совершенство, гдѣ духъ и форма пребываютъ въ безсмертной гармоніи, гдѣ истина и красота пускаютъ новые ростки на незапамятномъ стволѣ времени».

Настоящій годъ — самый лучший изъ всѣхъ, потому что я занимаюсь предметами, особенно интересующими меня, — политической экономіей, литературой елисаветинскаго вѣка, Шекспиромъ и исторіей философіи. Философія даетъ намъ симпатичное пониманіе традицій отдаленныхъ временъ и чужихъ складовъ мысли, прежде казавшихся чуждыми и безосновательными...

Въ послѣдней главѣ своей автобіографіи миссъ Келлеръ обобщаетъ, въ общихъ чертахъ, все прочитанное ею съ малолѣтства и отдаетъ себѣ отчетъ въ полученныхъ впечатлѣніяхъ и въ своихъ литературныхъ вкусахъ и симпатіяхъ. Въ педагогическомъ и психологическомъ отношеніи особенно интересны страницы, въ которыхъ она прослѣживаетъ съ самаго начала страсть къ чтенію, сразу ставшую главнымъ содержаніемъ ея дѣтской жизни, и постепенное развитіе ея, отъ простой забавы, — полумашинальнаго выскиванія знакомыхъ словъ. Въ чтеніи, какъ и въ другихъ занятіяхъ, миссъ Солливанъ первые два-три года избѣгала всякой методичности и стѣсненій, а давала дѣвочкѣ свободно развертываться по всѣмъ направленіямъ, чтобы потомъ вѣрнѣе знать, въ какую сторону по преимуществу помогать развитію. Первый связный рассказецъ Елена читала уже въ маѣ 1887 г., не болѣе шести недѣль спустя послѣ памятной прогулки къ водокачкѣ, и признается, что съ самаго того дня и до сей поры «пожирала безразлично все, что попадалось ея голоднымъ пальцамъ».

Сначала, — рассказываетъ она, — у меня было очень мало книгъ съ выпуклымъ шрифтомъ: кое-какія школьныя книжки для начинающихъ, сборникъ коротенькихъ рассказовъ да книга о землѣ, подъ заглавіемъ «Нашъ Міръ». Кажется, все. Но я читала и перечитывала ихъ, пока слова такъ стерлись и сгладились, что я насилу могла разбирать ихъ. Иногда миссъ Солливанъ читала мнѣ «вслухъ», т. е. писала въ моей рукѣ маленькія стихотворенія и рассказы, о которыхъ знала навѣрно, что они для меня понятны, но я предпочитала читать сама, потому что любила перечитывать нравившіяся мнѣ мѣста.

Настоящимъ образомъ, я начала читать въ первую мою бытность въ Бостонѣ. Мнѣ дозволяли часть каждаго дня проводить въ библіотекѣ института, и я бродила отъ шкапа къ шкапу и брала съ полокъ любую книгу, какая «приглядится» моимъ пальцамъ. Ну, и читала же я, все равно, понимала ли я одно слово изъ десяти или два слова на страницѣ. Самыя слова плѣняли меня, о содержаніи же я сознательно очень мало заботилась. Однако, умъ мой въ то время, должно быть, былъ необыкновенно воспримчивъ, потому что

² Книги, заготовленные для одного курса англійской литературы XIX вѣка по заказу мистера Уэда, наполнили большой шкапъ. Знаменитая «Краткая исторія англійскаго народа», Грина, занимаетъ девять огромныхъ томовъ. Никто не знаетъ, сколько времени и денегъ этотъ скромный, истинно великодушный дѣятель посвятилъ духовной пользѣ глухо-слѣпыхъ.

удерживала множество словъ и цѣлыя фразы, къ значенію которыхъ я не имѣла ни малѣйшаго ключа, а впослѣдствіи, когда я сама начала писать и говорить, эти самыя слова и фразы совершенно естественно у меня являлись, да такъ впопадъ, что близкіе мои только дивились моему богатому запасу словъ. Я, должно-быть, прочла тогда части многихъ книгъ (цѣлой книги я, помнится, въ ту пору не прочла ни одной) и очень много стиховъ, все съ тѣмъ же непониманіемъ, пока я не открыла повѣсть «Маленькій лордъ Фонтльрой». Это была первая книга, которую я прочла съ полнымъ пониманіемъ.

...Ясно вспоминается мнѣ, когда и гдѣ мы читали первыя главы этой очаровательной дѣтской повѣсти. Былъ жаркій августовскій день. Мы вмѣстѣ усѣлись въ гамакъ, повѣшенномъ на двухъ соснахъ неподалеку отъ дома. Мы поторопились перемыть посуду послѣ завтрака, чтобы сберечь себѣ какъ можно больше времени для чтенія; мы спѣшили черезъ высокую траву къ гамаку, какъ вдругъ вокругъ насъ затолпился и облѣпилъ насъ рой кузнечиковъ, и какъ теперь помню, — моя наставница непремѣнно настаивала, чтобы мы всѣхъ ихъ сняли съ нашихъ платьевъ прежде, чѣмъ устроиться, что мнѣ показалось совершенно лишней тратой времени. Гамакъ былъ весь усыпанъ хвоей съ сосенъ, потому что моя наставница уѣзжала на нѣсколько дней, и въ ея отсутствіе никто сюда не приходилъ. Солнце жарко пригрѣвало сосны и тянуло изъ нихъ весь пряный ароматъ. Воздухъ былъ чудный, съ морскимъ привкусомъ. Прежде чѣмъ начать чтеніе, миссъ Солливанъ объяснила мнѣ все то, что, какъ она знала, должно было оказаться для меня непонятнымъ, и по мѣрѣ того, какъ мы читали, объясняла и каждое незнакомое слово. Ихъ сначала было очень много, такъ что чтеніе то и дѣло прерывалось; но лишь только я вполнѣ поняла, въ чемъ дѣло, меня слишкомъ завлекъ рассказъ, чтобы дозволить мнѣ останавливаться на словахъ, и я, должно-быть, съ нетерпѣніемъ слушала разъясненія, которыя миссъ Солливанъ считала необходимыми. Когда пальцы ея до того устали, что она была положительно не въ состояніи болѣе шевелить ими, я въ первый еще разъ болѣзненно сознала, чего я лишена. Я взяла книгу у нея изъ рукъ и силилась пальцами ощупать гладкія буквы съ такимъ страстнымъ желаніемъ, котораго не забуду никогда.

Впослѣдствіи, по моей настоятельной просьбѣ, мистеръ Анагносъ приказалъ отпечатать эту повѣсть выуклымъ шрифтомъ, и я читала и перечитывала ее до тѣхъ поръ, пока чуть отъ слова до слова не выучила на память; и во все мое дѣтство «Маленькій лордъ» былъ моимъ милымъ, любимымъ товарищемъ. Я вдавалась во всѣ эти подробности съ опасностью надоѣсть, потому что онѣ своей живостью такъ ярко отличаются отъ прочихъ смутныхъ, расплывающихся, путанныхъ воспоминаній изъ моего ранняго дѣтства.

«Маленькій лордъ Фонтльрой» отмѣчаетъ для меня начало настоящей любви къ книгамъ. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ я прочла ихъ много и дома, и когда бывала въ Бостонѣ, но, конечно, всѣхъ не помню; не помню и того, въ какомъ порядкѣ я ихъ читала...

Съ удовольствіемъ встрѣчаемъ въ спискѣ книгъ, читанныхъ Еленой въ первые два года послѣ ея «пробужденія», всѣхъ незабвенныхъ любимцевъ и нашихъ дѣтскихъ лѣтъ, — «Робинзона Крузо», «Швейцарскаго Робинзона», «Тысячу и одну ночь», нѣкоторыя вещи Диккенса, рассказы изъ Священной исторіи, изъ Шекспира, о греческихъ герояхъ и нѣкоторыя позднѣйшія произведенія, которыми талантливыя америанскія писательницы обогатили хорошую дѣтскую литературу, какъ-то: «Маленькій лордъ Фонтльрой», «Маленькія женщины» и пр.

Я читала ихъ между уроками и игрой, — пишетъ Елена, — съ постоянно возрастающимъ наслажденіемъ. Я не изучала ихъ и не разбирала, не знала, хорошо ли написано или нѣтъ, не думала о слогѣ или авторскихъ приемахъ. Я нашла на пути своемъ эти сокровища и принимала ихъ какъ мы принимаемъ солнечный свѣтъ и любовь нашихъ близкихъ...

Рутина, тщательно изгнанная изъ ея воспитанія, вкралась-таки невзначай въ одинъ уголокъ: дѣвчкѣ, по старой привычкѣ, дали басни Лафонтэна, конечно въ англійскомъ переводѣ, и онѣ ей не понравились. Она читала ихъ почти съ принужденіемъ. Впослѣдствіи, при сознательномъ чтеніи въ подлинникѣ, она получила то же впечатлѣніе, но уже могла отдать себѣ отчетъ въ немъ:

«Книгу Джунглей» «Дикіе звѣри — мои знакомые»

...Древняя Греція имѣла для меня какое-то обаяніе... Илиада сдѣлала Грецію моимъ раемъ. Я наизусть знала исторію Трои, прежде чѣмъ прочитала ее въ подлинникѣ, поэтому

мнѣ не трудно было извлечь изъ греческихъ словъ всѣ ихъ сокровища, разъ я перешла пограничную полосу — грамматику. Высшая поэзія, — все равно, по-гречески ли она писана, или по-англійски, — не нуждается въ другомъ толкователѣ, какъ только отзывчивой душѣ. Хорошо, если бы полчище людей, которые своими разборами, задачами и своими мудреными комментаріями дѣлають ненавистными великія творенія поэтовъ, затвердило эту простую истину! Вовсе не нужно быть въ состояніи опредѣлить каждое слово и дать ему подобающее мѣсто въ предложеніи, для того, чтобы оцѣнить прекрасную поэму. Я знаю, что мои ученые профессора нашли въ Илиадѣ больше богатствъ, чѣмъ я когда-либо найду; что- жъ, я не завистлива: пусть другіе будутъ умнѣ меня...

...Но когда я читаю одну изъ дивныхъ страницъ Илиады, я чувствую, какъ что-то поднимаетъ меня превыше всѣхъ житейскихъ мелочей, опадають тѣсныя рамки, въ которыхъ заперто мое существованіе. Физическія немощи мои забыты; небеса — мои, со всею ихъ глубиою и шириою необозримою...

Я не помню такого времени, съ тѣхъ поръ, какъ я стала способна любить книги, когда бы я не любила Шекспира... Кажется, всего болѣе поразилъ меня сначала «Макбетъ». Одного чтенія довольно было для того, чтобы навсегда запечатлѣть въ памяти моей всѣ подробности самого разсказа. Призраки и вѣдьмы долго преслѣдовали меня даже во снѣ. Я видѣла, — положительно-таки **видѣла**, кинжалъ и маленькую бѣлую руку леди Макбетъ съ ея несмываемымъ пятномъ.

«Короля Лира» я читала вскорѣ послѣ «Макбета», и никогда не забуду своего ужаса, когда я дошла до той сцены, гдѣ Глостеру выкалываютъ глаза. Гнѣвъ обуялъ меня, пальцы онѣмѣли; я долго просидѣла неподвижно, кровь стучала въ виски, и вся ненависть, какую способенъ чувствовать ребенокъ, прихлынула къ моему сердцу.

Съ Шейлокомъ и Сатаной я ознакомилась, вѣроятно, около одного и того же времени, потому что эти двѣ личности долгое время присутствовали въ умѣ моемъ неразлучно. Помню, что мнѣ ихъ было жаль. Я смутно чувствовала, что они **не могли** быть хорошими, даже если бы желали, потому что никто не хотѣлъ помочь имъ или дать имъ возможность стать на другую дорогу. У меня и теперь не хватаетъ духа осудить ихъ безповоротно...

Я съ тѣхъ поръ много разъ перечитывала Шекспира и многія мѣста знаю наизусть, но не могу сказать, что у него мнѣ больше нравится. Это зависитъ отъ настроенія... Но, при всей моей любви къ нему, иногда ужасно утомительно вымучивать изъ его строкъ всѣ значенія, которыя вычитали изъ нихъ комментаторы и критики. Я, бывало, усиливалась запомнить всѣ эти толкованія, но они меня смущали и обезкураживали, и, наконецъ, я сама съ собою заключила тайный договоръ больше не стараться...

Послѣ поэзіи я люблю исторію...

Я довольно близко познакомилась и съ французской, и нѣмецкой литературой. Нѣмецъ ставитъ мощь выше красоты и правду выше условности, — и въ жизни, и въ литературѣ. Что бы онъ ни дѣлалъ, онъ словно молотомъ выковываетъ. Онъ говоритъ словно бы не для того, чтобы подѣйствовать на другихъ, а оттого, что у него сердце разорвется, если онъ не выскажется. Затѣмъ, мнѣ въ нѣмецкой литературѣ нравится какая-то деликатная сдержанность. Но главное достоинство ея, на мой взглядъ, это благоговѣніе передъ испу-пительной силой самоотверженной женской любви...

Изъ французскихъ писателей, которыхъ я читала, я больше всѣхъ люблю Мольера и Расина. Альфредъ-де-Мюссэ невозможенъ! Я преклоняюсь передъ Викторомъ Гюго, высоко цѣню его гениальность, блескъ, романтизмъ, хотя страсти къ нему не питаю. Но Гюго, и Шиллеръ, и Гёте, и всѣ великіе поэты всѣхъ великихъ націй — вѣщатели того, что вѣчно въ челоуѣческомъ духѣ, и моя душа благоговѣнно слѣдуетъ за ними въ тѣ сферы, гдѣ Красота, Правда и Добро составляютъ одно нераздѣльное цѣлое.

Въ заключеніе настоящей главы не будетъ нестати привести нѣсколько образчиковъ классныхъ сочиненій, которыми Елена приводила въ изумленіе, — почти, можно бы сказать, въ умиленіе, — профессора англійской литературы и вызывала у него пророчество о ея будущихъ успѣхахъ на литературномъ

поприщѣ. «Она, — часто говаривалъ онъ, — пишетъ лучше всѣхъ перебивавшихъ у меня студентовъ и студентокъ. У нея удивительно „музыкальное ухо“ для гармонично льющейся фразы». Представляемъ эти упражненія «отдѣльными отрывками» такъ точно, какъ они сохранились на ея листкахъ:

Мнѣ сейчасъ читали нѣсколько строфъ изъ Омаръ-Хаяма, и я чувствую, точно послѣднiе полчаса провела въ великолѣпной гробницѣ. Да, это — гробница, въ которой сгорѣны надежда, радость и силы на благородную дѣятельность. Каждое красивое описанiе, каждая глубокая мысль, — все незамѣтно скользитъ въ ту же скорбную пѣсню о скоротечности жизни, о медленномъ увяданiи и разложенiи всего земного. Свѣтлыя, нѣжныя воспоминанiя поэта о любви, молодости, красотѣ суть не что иное, какъ погребальные факелы, разливающiе свѣтъ свой на эту могилу, или — (чтобы внести въ образъ нѣкоторое разнообразiе) — цвѣты на ней растущiе, орошаемые слезами и питаемые обливающимся кровью сердцемъ. У могилы сидитъ усталая душа и не находитъ себѣ отрады ни въ радостяхъ прошлаго, ни въ возможностяхъ будущаго, а только ищетъ утѣшенiя въ забвенiи. Тщетно море громогласно поетъ свою вдохновляющую пѣсню этой темной душѣ; тщетно небеса борются противъ ея слабосилiя; она упорно сожалеетъ о быломъ и въ забвенiи ищетъ убѣжища отъ мукъ настоящихъ страданiй. Порою она улавливаетъ далекий отзвукъ изъ живого, радостнаго, настоящаго мiра, отблескъ того, что сулитъ будущее, и, стяхнувъ съ себя унынiе, ощущаетъ въ себѣ способность осуществить славный идеалъ даже въ бѣдной, жалкой, со всѣхъ сторонъ сковывающей дѣйствительности, въ которую она поставлена; но въ одно мгновенiе вдохновенiе улетучивается, видѣнiе исчезаетъ, и великая, многострадальная душа снова погружена въ мракъ неизвѣстности и безнадежности.

Меня удивляетъ, какъ много времени хорошие люди тратятъ, воюя съ дьяволомъ. Если бы они такую же сумму энергiи тратили, любя ближнихъ — дьяволъ самъ собою умеръ бы отъ скуки.

Sainte-Beuve гдѣ-то говоритъ: «**Il vient un âge, quand on n'écrit plus**». («Приходитъ возрастъ, когда больше не пишется»). Это — единственный, гдѣ-либо встрѣченный мною намекъ на возможность изсяканiя источниковъ литературы, кажущихся намъ нынѣ такими разнообразными, безконечно обильными. Одинъ фактъ, что XIX вѣкъ немного произвелъ такихъ писателей, которыхъ можно бы причислить къ величайшимъ именамъ всѣхъ вѣковъ, по моему мнѣнiю, еще не даетъ права къ заключенiю, что можетъ придти время, когда люди перестанутъ писать. Во-первыхъ, родники литературы питаются отъ двухъ обширныхъ мiровъ, — мiра дѣла и мiра мысли, черезъ долгiй рядъ событiй въ одномъ и измѣненiй въ другомъ. Новыя происшествiя и новыя идеи наталкиваютъ людей на вопросы, о которыхъ прежде не помышляли, и побуждаютъ ихъ искать отвѣтовъ въ самой глубинѣ человѣческой мысли. Во-вторыхъ, если правда, что до полнаго своего совершенства мiръ долженъ прожить столько же, сколько прожилъ до настоящаго своего состоянiя, то литература навѣрно безконечно обогатится непомѣрными переменами, прiобрѣтенiями, улучшениями, которыя непременно произойдутъ въ далекомъ будущемъ. Если генiй молчалъ сто лѣтъ, это еще не значитъ, что онъ спалъ. Напротивъ, онъ собиралъ новый матерьялъ не только изъ отдаленнаго прошлаго, но и изъ текущаго вѣка прогресса и развитiя, и въ новомъ столѣтiи, быть-можетъ, произойдутъ новыя вспышки во всѣхъ различныхъ областяхъ литературы. Въ мiрѣ, въ настоящее время, происходитъ полнѣйшiй переворотъ, и, посреди этого крушенiя системъ и царствъ, этой борьбы теорiй и вѣрованiй, этого наплыва изобрѣтенiй и открытiй, надо удивляться, какъ можетъ человѣкъ творить сколько-нибудь хорошихъ литературныхъ произведенiй. Мы живемъ въ вѣкъ дѣятелей, не мыслителей. Немного погодя, когда поубавится порыва и горячности, можно будетъ начать поджидать появленiя крупныхъ мужей духа, которые будутъ чествовать въ роскошной поэзiи и прозѣ дѣянiя и побѣды немногихъ послѣднихъ вѣковъ.

Интересно слѣдить за растеніемъ: точно участвуешь въ дѣлѣ творенія. Когда на дворѣ все бѣло и холодно, когда лѣсныя дѣточки попрятались по своимъ угламъ въ теплой землѣ, а въ пустыя гнѣзда на оголенныхъ деревьяхъ нанесло снѣга, садикъ на моемъ окнѣ улыбается и дышитъ жизнью: на дворѣ зима, а у меня лѣто. Удивительное дѣло — цвѣты среди метели! Не разъ я чувствовала, какъ бутонъ робко сбрасывалъ свой зеленый капюшончикъ и распускалъ свои шелковые лепестки въ то самое время, какъ вьюга ледянистыми пальцами стучалась ко мнѣ въ окно. Диву даешься, — какая сокровенная сила творить это чудо? Какая таинственная мощь выводить ростокъ изъ сѣмени черезъ черную землю на бѣлый свѣтъ, потомъ черезъ стебель и листъ къ конечному, пышному расцвѣтанію? Кому бы приснилось, что такая красота дремлетъ въ земныхъ потьмахъ, таится въ посаженномъ нами крошечномъ сѣмячкѣ? Чудный цвѣтокъ! ты научилъ меня заглядывать поглубже въ тайники. Я черезъ тебя поняла, что всякій мракъ можетъ скрывать возможности, краше лучшихъ моихъ грезъ.

Глава 10. Личные характеристики

Какое впечатлѣніе производит Елена Келлеръ, взрослая, вылившаяся въ окончательную форму, на простого знакомаго, на случайнаго собесѣдника своею внѣшностью, манерами, обращеніемъ? Отвѣтъ на этотъ интересный вопросъ отчасти даетъ тотъ же Джонъ А. Мэси, ея «редакторъ», въ отведенной для этого особой главѣ, и оказывается, что она во многихъ отношеніяхъ является не совсѣмъ такою, какою можно бы ожидать по предвзятымъ понятіямъ о лицахъ, пораженныхъ ея недугомъ. Главная неожиданность ея, если можно такъ выразиться, — необыкновенная нормальность. Ни тѣни чего-либо, что въ ней обнаруживало бы сознание малѣйшей неловкости или въ постороннемъ возбуждало что-нибудь въ родѣ жалости. Прежде всего, она поражаетъ здоровымъ видомъ; высокая ростомъ, стройная, сильная, она привлекаетъ взоры живостью и ловкостью движеній. Только замѣтна въ ней нѣкоторая нервность, да и то больше кажущаяся, оттого что миссъ Келлеръ, какъ и всѣ глухія, жестикулируетъ руками больше, чѣмъ принято въ обществѣ у англосаксовъ. Въ разговорѣ лицо ея оживляется и отражаетъ всѣ оттѣнки ея мысли, своей краснорѣчивой подвижностью представляя любопытный контрастъ съ монотонной, сравнительно, ровностью голоса, который (какъ и понятно вполне) страдаетъ нѣкоторой бѣдностью интонацій. Сама она очевидно тяготеетъ тѣмъ, что не можетъ слѣдить за выраженіемъ лица собесѣдника. Въ разговорѣ съ близкими пріятелями, рука ея часто быстро крадется къ лицу говорящаго, чтобы уловить, по ея выраженію, «изгибъ губъ», который для нея дополняетъ смыслъ не вполне досказанной фразы, какъ для насъ интонація голоса или внезапно сверкнувшій огонекъ во взорѣ. Замѣчательно, что, несмотря на то, что окружающіе ее факты внѣшняго міра сообщаются ея сознанию осязаніемъ, однако чувство это у нея далеко не до такой тонкости развито, какъ у большинства слѣпыхъ. Такъ, Лора Бриджмэнъ различала тончайшія разницы въ ниткахъ или бумагѣ и была замѣчательно кружевницей. Елена научилась вязать и на спицахъ, и крючкомъ, и въ дѣтствѣ любила это занятіе, но вскорѣ увлеклась другими, въ ущербъ рукодѣліямъ. И тутъ отчасти сказалось, безо всякаго намѣренія съ ея стороны, неуловимое вліяніе личности наставницы: миссъ Солливанъ ненавидитъ шитье и всякаго рода рукодѣлія, — что и понятно въ виду слабости ея зрѣнія и необходимости постоянно беречь всегда готовые воспалиться глаза. При исключительной почти мозговой дѣятельности, Елена недостаточно упражняла осязаніе, чтобы усовершенствовать его много противъ нормальнаго развитія. Такъ, однажды, одинъ пріятель далъ ей нѣсколько монетъ, и она, къ удивленію его, не очень-то быстро и мѣтко распознавала ихъ по вѣсу и величинѣ. Впрочемъ, и то сказать: она почти никогда сама не беретъ въ руки деньги; нѣтъ надобности; такими житейскими мелочами ее не утруждаютъ. Когда ей было двѣнадцать лѣтъ, одинъ художникъ положить передъ нею нѣсколько гипсовыхъ листьевъ и розетокъ и далъ ей въ руки глину и палочку, предлагая ей вылѣпить копіи съ нихъ. У нея вышло нѣчто отчасти похожее на образцы, но сейчасъ можно было видѣть, что такая работа не по ней. Единственное занятіе, въ которомъ руки ея достигли значительной ловкости, это — писаніе на машинѣ; но и тутъ она отличается тщательностью и аккуратностью болѣе, нежели быстротой; за то пишетъ красиво и безъ ошибокъ. Неудобство тутъ одно: она не имѣетъ возможности прочесть написанное. Поэтому, когда ей необходимо сохранить рукопись для справокъ, или для памяти, или чтобы впослѣдствіи возвращаться къ ней или дѣлать въ ней поправки, она, какъ было уже замѣчено, пишетъ **брайлемъ**, — пунктирными письменами, на что имѣется особая машинка. Есть нѣсколько системъ **брайля**, какъ и стенографическаго письма, и очень образованные слѣпые знаютъ всѣ: англійскую, американскую, нью-іоркскую. Кстати сказать, хорошо было бы остановиться на какой-нибудь одной системѣ; тогда не могли бы выходить такія осложненія и затрудненія, какъ то, благодаря которому Елена чуть-было не провалилась на вступительномъ экзаменѣ въ университетѣ. На нашемъ изображеніи видно расположеніе точекъ. Каждая группа, представляющая либо букву, либо сокращеніе слога или слова, состоитъ изъ шести точекъ, расположенныхъ во всевозможныхъ комбинаціяхъ. Машинка имѣетъ шесть клавишей. Надо придавить разомъ разныя комбинаціи (въ родѣ того, какъ на роялѣ берутъ аккордъ), которыя выдавливаются на толстой бумагѣ. Писать можно наполовину такъ быстро, какъ на обыкновенной машинѣ.

Таблица 10.1. Елена Келлерь (20-ти летъ). Ея подпись (факсимиле)

Елена Келлерь (20-ти лѣтъ). Ея подпись (факсимиле).

Но въ чемъ руки ея достигли почти феноменальной ловкости и проворства, почти можно сказать собственной сознательной индивидуальности, это въ чтеніи и употребленіи ручного алфавита, замѣнившего ей живую рѣчь.

Постороннему, непривычному человѣку, хотя бы и знающему алфавитъ, сначала не услѣдить за движеніями ея пальцевъ, такъ какъ она продѣлываетъ слова такъ же быстро, какъ могла бы ихъ говорить, и, надо замѣтить, безо всякихъ сокращеній, не выпуская ни одной буквы; она такъ приучена съ самаго начала, и это очень важно, потому что только этимъ путемъ она могла выучиться безукоризненному правописанію, которое сдѣлалось у нея до того инстинктивно, что она, какъ сама объясняетъ, не думаетъ о каждой буквѣ, даже не сознаетъ ни ихъ, ни раздѣленія словъ, ни когда «говоритъ» пальцами, ни когда «слушаетъ» ими, — не болѣе чѣмъ мы, когда читаемъ или пишемъ. Впрочемъ, въ этомъ искусствѣ не отстаютъ и другіе, которымъ приходится въ немъ практиковаться: миссъ Солливанъ въ состояніи передать своей воспитанницѣ лекцію сполна, если лекторъ говоритъ не быстро, а то съ пропусками, не искажающими, однако, смысла и не оставляющими существенныхъ пробѣловъ. Вообще, трудность такого общенія съ глухими и слѣпо-глухими далеко не такъ велика, какъ это большей частью воображаютъ. Ручному алфавиту можно выучиться въ какой-нибудь часъ или немного больше того; въ день-два можно научиться говорить на немъ медленно, а послѣ мѣсяца постоянной практики, пальцы будутъ дѣйствовать уже сами собою. Если бы это знали вообще, и большее число родныхъ и близкихъ глухихъ дѣтей сразу, безъ боязни брались за ручной алфавитъ, то дѣти были бы гораздо счастливѣе и болѣе образованы.

Чтеніе выпуклаго шрифта и пунктирнаго письма (**брайлемъ** «Braille»), конечно, изощряетъ до большой тонкости чувствительность кончиковъ пальцевъ, такъ какъ выпуклость и того, и другого очень незначительна, что видно изъ того, что такія книги и рукописи легко «зачитываются», — сглаживаются. Мэси говоритъ, что никогда такъ наглядно не поражаетъ фактъ слѣпоты миссъ Келлеръ, какъ если натолкнешься на нее гдѣ-нибудь въ уголку, впотѣмахъ, преспокойно читающей одну изъ своихъ большихъ книгъ, развернутыхъ у нея на колѣняхъ. Почти кажется, будто такіе до тонкости выдрессированные пальцы обладаютъ особой, собственной памятью. Миссъ Солливанъ увѣряетъ, что и она, и миссъ Келлеръ «пальцами помнятъ», что онѣ говорили. Разъ послѣдняя пальцами продѣлала фразу, хотя бы не въ разговорѣ, а просто

про себя, она это запоминает так, как мы запоминаем то, что с этой целью записали. Любопытнѣе всего, что она, часто бессознательно, разговаривает одна руками, так точно, как мы иной раз сами с собой вполголоса разговариваем или что-нибудь про себя напѣваемъ.

Замѣчательна еще ея способность составить себѣ осязаніемъ понятіе о скульптурномъ произведеніи. Она правильно пойметъ и оцѣнитъ статуэтку не выше шести дюймовъ. Но барельефъ, выпуклость котораго меньше полудюйма, ничего не говоритъ ей, т. е. она уже не въ состояніи уловить въ немъ ни красоту, ни выраженіе. Большія же статуи, гармоническія лініи которыхъ она можетъ прослѣдить въ цѣлости, всей рукой, она познаетъ въ ихъ полномъ художественномъ значеніи. Она даже говоритъ, что способна оцѣнить ихъ лучше насъ, потому что лучше можетъ схватить разомъ всѣ пропорціи и всю жизненность, пластику фигуры. «Я иногда спрашиваю себя, — пишетъ она по этому поводу, — не болѣе ли чутка рука, чѣмъ глазъ къ скульптурной красотѣ? Думается мнѣ, что дивный ритмъ изгибовъ и ліній долженъ съ болѣею тонкостью оцѣниться осязаніемъ, нежели зрѣніемъ. Какъ бы тамъ ни было, но я знаю, что я ощущаю біеніе сердца древней Эллады въ ея мраморныхъ богахъ и богиняхъ». Однажды въ Бостонѣ, въ художественномъ музеѣ, она потребовала лѣсенку и, стоя на верхней платформѣ, водила обѣими руками по статуямъ, такимъ образомъ «осматривая» ихъ всѣ, одну за другою. Одинъ древне-греческій барельефъ, изображающій вереницу пляшущихъ дѣвушекъ, она изучала долго и подробно. «Гдѣ же пѣвицы?» спросила она, наконецъ, въ недоумѣніи и, когда нашла ихъ, замѣтила: «Одна молчитъ». У одной, дѣйствительно, губы были сомкнуты.

Таблица 10.2. Елена Келлеръ изучаетъ статую Венеры Милосской

Елена Келлеръ изучаетъ статую Венеры Милосской.

Подобно всѣмъ глухимъ и особенно слѣпымъ, миссъ Келлеръ въ большей степени полагается на свое обоняніе. Въ дѣтствѣ она ко всему принюхивалась и на ходу все нюхала воздухъ, такъ что всегда узнавала мимо чьего дома проходила, — по мѣстнымъ запахамъ. По мѣрѣ того, какъ она умственно развивалась, она становилась менѣе чутка въ этомъ отношеніи, и теперь невозможно сказать, въ какой степени она узнаетъ предметы по ихъ запаху. Обоняніе почему-то не въ почетѣ, попало въ немилость, и слѣпые стѣсняются признаваться въ своей зависимости отъ этого чувства. Едва ли, однако, возможно сомнѣваться въ томъ, что легкость, съ которою она распознаетъ людей и предметы, притомъ на нѣкоторомъ разстояніи, въ зна-

чительной мѣрѣ объясняется необыкновенной тонкостью ея обонянія, а вовсе не какимъ-нибудь загадочнымъ, мнимымъ «шестымъ чувствомъ», или даже необычайнымъ развитіемъ всѣмъ намъ присущей въ бо́льшей или меньшей степени способности ощущать близость къ намъ какого-нибудь лица, особенно если оно намъ либо симпатично, либо антипатично. Гуляя, она часто вдругъ останавливается, привлеченная запахомъ какого-нибудь куста. Протянетъ руку, потрогаетъ листья, повертитъ ихъ въ пальцахъ, понюхаетъ цвѣты, если они есть, и нисколько не меньше насъ получаетъ удовольствія отъ воспоминанія о немъ.

На новомъ мѣстѣ, — въ особенности, если оно интересное, какъ, напр., Ниагара, — ея спутникъ или спутница (обыкновенно, разумѣется, все та же миссъ Солливанъ) едва успѣваютъ описывать ей со всѣми подробностями все, что взоръ обнимаетъ. Миссъ Солливанъ, въ точности зная всѣ особенности умственного склада своей воспитанницы, выбираетъ именно тѣ существенныя черты, которыя наиболѣе могутъ ее заинтересовать и способны создать въ умѣ ея наиболѣе ясную картину, считаясь постоянно съ тѣмъ, что вѣдь представленіе, которое сложится въ ея воображеніи, поневолѣ должно отличаться отъ нашего, и не слѣдуетъ обременять и опутывать его массою вовсе недоступныхъ и непонятныхъ для нея подробностей. Между тѣмъ, если описаніе, по ея мнѣнію, выходитъ недостаточно полное, она не перестаетъ задавать вопросы, пока не получится удовлетворяющее ее впечатлѣніе. Ужасно трудно составить себѣ хоть какое-нибудь понятіе о томъ, **какимъ** можетъ представляться ей міръ свѣта, красокъ и звуковъ!

Еще въ одномъ отношеніи миссъ Келлеръ отличается отъ большинства слѣпыхъ. Есть много такихъ, которые свободно ходятъ одни даже по улицамъ въ небольшомъ, хорошо знакомомъ селеніи или городкѣ. Она же съ видимымъ трудомъ ориентируется даже въ хорошо знакомомъ ей большомъ домѣ или зданіи: мѣстный инстинктъ, очевидно, отсутствуетъ въ ней. Неувѣренно, ощупью пробирается она по комнатамъ, въ которыхъ бываетъ чуть не каждый день и, когда идетъ по коридору или расхаживаетъ по верандѣ, руки ея такъ и летаютъ по сторонамъ, точно трепещущіяся крылья.

Таковы внѣшнія впечатлѣнія, получаемыя отъ болѣе или менѣе близкаго знакомства съ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей нашего вѣка, отъ которой, вѣроятно, поведется новая эра въ бытѣ безвинно обездоленныхъ міра сего. Чтò касается ея симпатичнаго нравственного облика, то онъ достаточно обрисовался изъ всѣхъ обстоятельствъ ея жизни, столь подробно изложенныхъ въ предыдущихъ страницахъ, и, расставаясь съ нею, остается только пополнить его нѣсколькими характерными чертами изъ наблюденій постороннихъ и особенно изъ ея собственныхъ, болѣе интимныхъ признаній, которыми она заканчиваетъ свою автобіографію.

Благодаря все той же отчужденности отъ внѣшняго міра, обусловленной положенными ей физическими границами, у Елены своеобразно сложились и собственный ея внутренній міръ, и отношенія къ окружающему. И тутъ, конечно, сказалась ея, — по прекрасному англійскому выраженію, — «солнечная» натура, общительная, любящая, неспособная къ замкнутости и озлобленію. Ея взгляды на жизнь отличаются нѣкоторой, — не то чтобы высокопарностью, а, такъ сказать, поэтической окраской. Міръ, какимъ она его представляетъ себѣ, безъ сомнѣнія, нѣсколько лучше, краше, чѣмъ въ дѣйствительности, отчасти оттого, что ее, понятно, безъ нужды не знакомили съ наиболѣе неблагоприятными, непривлекательными сторонами жизни и людей, а затѣмъ оттого, что къ ней лично всѣ всегда относились любовно и симпатично, такъ какъ она, и по несчастью своему, и по своей прелестной довѣрчивости, съ дѣтства обладала способностью вызывать въ каждомъ человѣкѣ все, чтò въ немъ есть добраго, мягкаго, хорошаго. При томъ, она съ малолѣтства и до сего дня находилась въ общеніи почти исключительно съ самыми свѣтлыми личностями, сливками американскаго общества.

Было бы, однако, великой ошибкой назвать этотъ оптимизмъ полнымъ незнаніемъ людей и жизни или сентиментальностью. Для этого у нея слишкомъ ясный, здравый умъ. Односторонность ни въ чемъ несвойственна ея нормальной, уравновѣшенной натурѣ; да и воспитательница ея, отличаясь такою же здравостью и нормальностью, въ умственной области граничащими съ мудростью, никогда не впала бы въ такую ошибку, — не внушала бы своей ученицѣ фальшивыхъ понятій о действительности; наконецъ, основательнаго знанія исторіи, которой обѣ занимаются съ большой любовью, достаточно было бы, чтобы установить у нея трезвый взглядъ на вещи. Окружающіе не старались ни создавать въ ней иллюзіи, ни разрушать ихъ, и мы видѣли, что ее, десятилѣтнюю дѣвочку, уже болѣе всего смущало и огорчало существованіе зла на землѣ. Здравый смыслъ, живое воображеніе и юморъ помогли ей разобраться въ томъ, чтò другой, такъ же обставленной натурѣ могло бы представиться безвыходной путаницей. Притомъ, ея наставница, если и не досаждала ей мелочами, однако, серьезныхъ затрудненій и крупныхъ неприяностей, когда таковыя встрѣчались, отъ нея не скрывала. Но у обѣихъ въ натурѣ въ самую основу характера была вложена природой одна спасительная черта: тонкій, добрый юморъ. Нельзя, сколько-нибудь близко познакомившись

сь мисс Келлерь, не замѣтить, что эта нотка рѣшительно преобладаетъ въ ея отношеніяхъ къ житейскимъ мелочамъ и случайностямъ.

Ея разговоръ, когда она «въ ударѣ», напоминаетъ огненные фонтаны или колеса на фейерверкахъ, которые во всѣ стороны сыплютъ искрами. У нея всегда готовъ отвѣтъ или отпоръ.

Ее кто-то спросилъ, любить ли она заниматься. «Люблю, — отвѣтила она, — но люблю и поиграть. У меня иногда бываетъ такое чувство, точно я — табакерка съ музыкой: музыка заперта въ ней: только завести, и заиграетъ».

Одинъ ученый шекспиристъ какъ-то предупреждалъ ее, чтобы она не слишкомъ- то увлекалась всѣмъ, что профессора рассказываютъ про разные «факты» изъ жизни Шекспира, такъ какъ «вѣрнаго» про него извѣстно всего четыре факта: что онъ родился, былъ крещенъ, женился и умеръ. «Что же, — возразила Елена, — онъ, какъ видно, все существенное исполнилъ исправно».

Однажды знаменитый актеръ Джозефъ Джефферсонъ (по годамъ старѣйшій артистъ американской сцены) осматривалъ ея голову съ френологической точки зрѣнія и объяснялъ ей значеніе разныхъ «шишекъ». — «А вотъ это у васъ воинствующая шишка», сказалъ онъ. — «Я никогда не воюю, — рѣшительно возразила она, — какъ только противъ препятствій и трудностей».

Всего глубже мисс Келлерь даетъ заглянуть въ свой задушевный міръ на тѣхъ страницахъ, на которыхъ она исчисляетъ свои «удовольствія и увеселенія», между которыми находимъ такія, какихъ не ожидали бы встрѣтить въ числѣ доступныхъ для нея при ея ограниченныхъ средствахъ къ воспринятію внѣшнихъ впечатлѣній. Мы видѣли, что она съ дѣтства ѣздила верхомъ, сначала на осликѣ, а потомъ и на настоящемъ пони. Мисс Солливанъ держала его на длинномъ поводу, что не мѣшало Еленѣ самой управлять имъ. И нерѣдко, на открытыхъ, ровныхъ мѣстахъ, при хорошей дорогѣ, она пускала ее безъ повода, и дѣвочка находила истинное упоеніе въ чувствѣ полной свободы, хотя и временной. Это ее приближало къ ея идеалу: дѣлать все то, что дѣлаютъ «другіе», и не хуже другихъ. Почти не меньше удовольствія доставлялъ ей велосипедъ-**тандемъ**, т. е. для двоихъ. «Великолѣпное это ощущеніе, — пишетъ она, — когда вѣтеръ обдуваетъ лицо, а стальной конь подо мною скачетъ, какъ живой». А все же она всему предпочитаетъ дальнюю прогулку лѣсами, вырвавшись изъ душнаго города на волю, въ своей чудной южной родинѣ.

Но и на сѣверѣ она провела много счастливыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Штатъ Массачусетъ богатъ природными красотами, особенно безподобными лѣсами, рощами и отдельными группами роскошныхъ деревьевъ-исполиновъ, да живописными озерами, не говоря о прекрасномъ атлантическомъ побережьи.

«У меня тамъ среди деревьевъ есть много личныхъ друзей», — пишетъ мисс Келлерь объ одномъ мѣстечкѣ, представляющемъ счастливое соединеніе деревни со многими хорошими чертами городской культуры, какихъ такъ много въ такъ-называемой «Новой Англіи» (New England). Года три назадъ Мисс Келлерь провела у добрыхъ друзей особенно памятное ей лѣто. — «Всѣхъ дороже мнѣ одинъ царственный дубъ. Онъ стоитъ на крутомъ обрывѣ надъ самымъ озеромъ, и знатоки говорятъ, что онъ стоитъ тамъ не менѣе восьмисотъ или даже тысячи лѣтъ. Я всегда вожу моихъ другихъ друзей къ нему на поклонъ. Есть преданіе, что подъ нимъ въ послѣдній разъ глядѣлъ на небо и землю „Король Филиппъ“ (King Philip, знаменитый индѣйскій вождь, по всѣмъ рассказамъ — замѣчательная личность, другъ и союзникъ первыхъ „отцовъ пилигримовъ“»).

Былъ у меня еще другъ, не такой гордый и неприступный; напротивъ того, милый и симпатичный. Онъ раскинулся среди двора за домомъ. Однажды, во время страшной грозы, я почувствовала сильнѣйшій толчокъ о стѣну дома и сразу подумала, прежде чѣмъ мнѣ успѣли сказать: это моя липа свалилась. Мы вышли посмотреть на богатыря, выстоявшего столько бурь, и сердце у меня болѣло по немъ сраженномъ во всей мощной красѣ своей...

...Не разъ я упоминала о моей любви къ деревнѣ и жизни на открытомъ воздухѣ. Совсѣмъ маленькой дѣвочкой я научилась плавать и грести, а лѣтомъ, въ Массачусетѣ, я почти живу въ лодкѣ. Мнѣ нѣтъ большаго удовольствія, какъ прокатить своихъ посѣтителей по озеру. Управлять лодкой я, конечно, не могу хорошо. Кто-нибудь долженъ сѣсть у кормы рулевымъ. Но я люблю направлять ходъ лодки по запаху водорослей и кувшинчиковъ, да кустарниковъ. Мои весла прикрѣпляются въ уключинахъ ремнями, и я знаю, по сопротивленію воды, ровно ли они подвѣшены. Тѣмъ же способомъ я знаю, когда гребу противъ теченія. Я люблю бороться противъ волнъ и вѣтра... Хорошо и откинуться на по-

душкахъ и опустить руку въ воду, — чувствовать, какъ иногда смѣлая рыбка проскользнетъ между пальцами, или водяная лилія робко прижметъ къ рукѣ...

...Еще удовольствіе, которое, впрочемъ, дается рѣже другихъ, это — театр. Я люблю, чтобы мнѣ рассказывали пьесу, пока она, идетъ на сценѣ; это гораздо лучше, чѣмъ читать ее, потому что мнѣ тогда кажется, что я переживаю всѣ событія. Я имѣла счастье лично познакомиться съ нѣсколькими великими артистами, у которыхъ есть даръ такъ очаровать васъ, что вы забываете и время, и мѣстность и живете въ прошломъ. Мнѣ было дозволено прикоснуться къ лицу и одеждѣ Элленъ Терри, въ роли идеальной королевы, и ее осѣняла святость великаго горя. Рядомъ съ нею стоялъ сэръ Генри Ирвингъ, тоже въ царственныхъ доспѣхахъ, и каждый его жестъ, каждая поза дышали духовнымъ величіемъ; имъ одухотворялась и каждая черта чуткаго лица. Хотя это была лишь маска, но въ ней была такая неприступность, отчужденность великой печали, которыхъ я никогда не забуду...

Таблица 10.3. «Разговор руками»

„Разговоръ руками“.

Богатая жизнь, несомнѣнно: книги, друзья, семья, задачи и цѣли впереди, неисчерпаемое внутреннее содержаніе и талантъ, — способность излиться въ дѣлѣ и словѣ. А все же какъ будто неполная. Не все же человѣкъ читаетъ, пишетъ, учится; не все даже думаетъ. Сколько у каждого изъ насъ часовъ, когда мы просто отдаемся теченію обыденной жизни, какъ пловецъ ложится на воду и даетъ волнѣ нести себя безъ цѣли и безъ усилія. Въ такіе часы мы находимъ отдохновеніе въ самыхъ простыхъ мелочахъ, въ бесѣдѣ съ окружающими о самыхъ бездѣлицахъ, въ занятіяхъ самыми пустяками. И это, что ни говорятъ мудрецы, не потерянное время. Натянутыя силы въ полномъ отдыхѣ обновляются, напряженные нервы освѣжаются. Какъ проводить такіе часы затворница духа, для которой всякое общеніе съ людьми составляетъ усиліе, самый пустой разговоръ требуетъ напряженнаго вниманія? Поневолѣ въ одиночествѣ. Она сама объ этомъ рассказываетъ, — по обыкновенію, съ благодарностью за оставленные ей блага, безъ одного слова ропота за все, у нея отнятое, — и все же въ словахъ ея слышится скорѣе тихая покорность, чѣмъ полное довольство. Единственное, что доставляетъ ей безусловное наслажденіе, неистощимый и полный покой душевный, это — часы, проведенные наединѣ съ природой, навсегда оставшейся для нея, какъ въ дѣтскіе годы, поистинѣ «Матерью-природой». Чѣмъ больше она вынуждена жить въ городахъ, тѣмъ страстнѣе и въ то же время осмысленнѣе дѣлается ея любовь къ деревнѣ.

Мнѣ кажется, — пишетъ она, — что въ каждомъ изъ насъ существуетъ способность постигать впечатлѣнія и чувства, которыя человѣчество испытывало съ самаго на-

чала. Въ кождомъ живеть несознанное воспоминаніе о зеленѣющей землѣ и говорливой струѣ, и ни слѣпота, ни глухота не въ состояніи лишить его этого дара, сошедшаго къ нему отъ былыхъ поколѣній. Эта унаслѣдованная способность является какимъ-то шестымъ чувствомъ — духовнымъ, которымъ мы видимъ, слышимъ, чувствуемъ, — все разомъ...

Въ деревнѣ мы видимъ только прекрасныя творенія природы, и душу не печалитъ жестокая борьба изъ-за одного существованія, которая идетъ въ многолюдномъ городѣ. Неоднократно посѣщала я узкія, грязныя улицы, въ которыхъ живутъ бѣдняки, и меня бросаетъ въ жаръ отъ негодованія при мысли, что есть хорошіе люди, которые согласны жить въ роскошныхъ домахъ, расти сильными и красивыми, тогда какъ другіе приговорены къ жизни въ отвратительныхъ притонахъ, безъ свѣта и солнца, и растутъ безобразными, безсильными и подобострастными... Мы говоримъ: солнце и воздухъ Богъ даромъ даетъ всѣмъ своимъ созданіямъ. Полно, такъ ли это? Тамъ, въ городскихъ трущобахъ, солнце не свѣтитъ, а воздухъ отравленъ... Ахъ, если бы только люди уходили изъ городовъ, отъ ихъ блеска, и суматохи, и золота, и возвращались въ лѣса и поля, къ простой, честной жизни! Тогда дѣти ихъ росли бы статными, какъ чудныя деревья, и мысли ихъ были бы чисты и душисты, какъ полевые цвѣты. Невозможно не думать обо всемъ этомъ, когда я возвращаюсь въ деревню послѣ года, проведеннаго за работой въ городѣ.

Таблица 10.4. «Елена Келлеръ со своей любимицей, собакой „Физь“»

Елена Келлеръ со своей любимицей, собакой „Физь“.

Какое наслажденіе снова чувствовать подъ ногами мягкую, упругую почву, идти поросшими травой тропинками, ведущими къ отѣннымъ папоротникомъ ручьямъ, въ которыхъ я могу купать ноги въ живой струѣ, или перелѣзть черезъ каменный заборъ въ роскошные луга...

Меня обыкновенно сопровождаетъ собака... Мои друзья-собаки точно понимаютъ мою немощь: онѣ ни на шагъ не отходятъ отъ меня, когда я одна. Я люблю ихъ ласки и краснорѣчивыя движенія ихъ хвоста.

Когда, вь дождливую погоду, мнѣ приходится сидѣть дома, я развлекаю себя тѣмъ же, что и другія молодыя дѣвушки. Люблю пошить и повязать. Читаю на удачу, то тутъ строку, то тамъ, а то съ кѣмъ-нибудь играю вь шашки и шахматы... Если я совсѣмъ одна, и лѣнь заняться, я раскладываю пасьянсы, это у меня любимая игра. На моихъ картахъ вь правомъ верхнемъ углу **брайлемъ** отпечатано наименованіе и значеніе каждой карты.

Если есть по близости дѣти, для меня нѣтъ большаго удовольствія, какъ съ ними возиться. Даже самый маленькій ребенокъ для меня занятень, и дѣти, къ радости моей, любятъ меня... Я часто рассказываю имъ сказки или учу ихъ какой-нибудь игрѣ, и часы летятъ, какъ на крыльяхъ.

Музеи доставляютъ мнѣ большое наслажденіе. Вѣроятно, покажется страннымъ, какъ можетъ рука, безъ помощи зрѣнія, найти вь холодномъ мраморѣ движеніе, чувство, красоту; а между тѣмъ, я получаю большое удовольствіе, оцупывая великое произведеніе искусства. По мѣрѣ того, какъ кончики пальцевъ моихъ слѣдятъ за линиями, они открываютъ мысль и чувство, которыя художникъ изобразилъ ими. Я ощущаю вь чертахъ боговъ и героев ненависть, мужество, любовь такъ же, какъ и на лицахъ живыхъ людей. Вь позѣ Діаны мнѣ чувствуется привольная лѣсная грація и духъ, способный укротить льва и свирѣпѣйшія страсти... Вь моемъ кабинетѣ на стѣнѣ виситъ медальонъ Гомера настолько низко, что я легко могу достать его руками. Какъ хорошо знакома мнѣ каждая черта на величественномъ челѣ, — слѣды, оставленные жизнью, горькіе свидѣтели борьбы и горести; эти темные глаза, даже вь холодномъ гипсѣ ищущіе свѣта и синяго неба его возлюбленной Эллады, — тщетно ищущіе; прекрасный ротъ, твердый, смѣлый и добрый! Это — лицо поэта и челоуѣка, знакомаго съ горемъ. О, какъ я понимаю тоску его, вь его вѣчной ночи...

Я считаю однимъ изъ величайшихъ, дарованныхъ мнѣ, благъ то, что я была знакома и бесѣдовала со столькими выдающимися личностями. Только тѣ, кто знали епископа Филлиппса Брукса, могутъ оцѣнить, чѣмъ была его дружба для тѣхъ, кому выпало счастье пользоваться ею. Ребенкомъ я любила сидѣть у него на колѣняхъ и крѣпко держать его большую руку одной рукой, между тѣмъ какъ миссъ Солливанъ вь другой писала чудныя слова его о Богѣ и мѣрѣ духа. Я слушала его съ ребяческимъ удивленіемъ и восторгомъ. Уму моему далеко было до него, но я, разставаясь съ нимъ, всегда уносила какую-нибудь прекрасную мысль, глубина смысла которой, раскрывалась передо мною по мѣрѣ того, какъ я росла духомъ. Однажды я выразила ему недоумѣніе, почему на свѣтѣ такъ много разныхъ религій. «Елена, — сказалъ онъ мнѣ: — религія — одна, всемірная: религія любви. Люби Отца Небеснаго всѣмъ сердцемъ и душой, люби каждого изъ дѣтей Божьихъ по мѣрѣ силъ своихъ, и помни, что, вь итогѣ, добра больше, чѣмъ зла, — и у тебя будетъ ключъ ко всему»...

Иногда, правда, чувство отрѣзанности охватываетъ меня, словно холодная мгла, и я чувствую, что сижу одна у закрытыхъ воротъ жизни и чего-то жду. Тамъ, внутри, — свѣтъ, музыка, сладкія бесѣды; но мнѣ нельзя войти. Судьба, безмолвная, безжалостная, стоитъ поперекъ. И шевелится во мнѣ вопросъ: «Почему?» — ибо сердце мое все еще мятежно и страстно; но я не произношу горькихъ, пустыхъ словъ, которыя просятся на уста, и они падаютъ мнѣ на сердце, какъ не выплаканныя слезы. Безмолвіе безпредѣльное давитъ мнѣ грудь. Но тутъ надежда подходитъ съ улыбкой и шепчетъ: «Вь забвеніи себя — радость». Вотъ я и стараюсь сдѣлать счастье, что свѣтится вь другихъ глазахъ, моимъ солнцемъ, звуки, радующіе другія уши, — моей музыкой, улыбку, расцвѣтающую на другихъ устахъ, — моимъ счастьемъ.

Навсегда ли Елена удовлетворится такимъ полнымъ отреченіемъ? Вь годы дѣтства и отрочества ее подерживали честолюбіе, борьба, тысячу разъ ею высказанное стремленіе достигнуть всего, чего она достигла бы, имѣй она и слухъ, и зрѣніе. Эти послѣдніе годы она жила гордымъ, побѣднымъ сознаниемъ совершеннаго невѣроятнаго подвига. Но вотъ, вь настоящемъ году она кончила курсъ. Слава ея гремѣла изъ конца вь конецъ ея обширной родины. Затѣмъ, — краткій періодъ торжества, съ оваціями, хвалебными гимнами, и пр. А тамъ что? Все сдѣлано; все достигнуто; напряжение уляжется, жизнь войдетъ вь колею. Вь какую? Какою дѣятельностью можетъ удовлетвориться такое исключительное существо, какъ Елена Келлеръ? Два поприща навѣрно ожидаютъ ее: литература и труды на пользу обездоленныхъ, такихъ же,

какою она сама была до своего почти чудеснаго пробужденія. Она уже давно носится съ планами, какъ выработать для этихъ несчастныхъ условія воспитанія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ возможности и об-суждаетъ эти планы со своей несравненной подругой, которая, конечно, останется навсегда и во всемъ ея помощницей. Писать она будетъ несомнѣнно. Теперь она уже выпустила небольшую книгу, подъ характер-нымъ заглавіемъ: «**Оптимизмъ**». Этой книгѣ посвящается послѣдняя глава настоящаго очерка.

Глава 11. «Оптимизмъ» — (Литературный дебютъ Елены Келлеръ)

«...Если я счастлива вопреки всему, чего я лишена, и если счастье мое такъ глубоко, что можетъ назваться вѣрой, такъ вдумчиво, что обратилось въ философію, руководящую моею жизнью, — словомъ, если я оптимистка, то мои взгляды относительно оптимистическаго вѣрованія стоить выслушать...»

Эти слова мы читаемъ на первой страницѣ небольшой книжечки, которую Елена Келлеръ выпустила въ свѣтъ не болѣе года послѣ своей, — извѣстной уже нашимъ читателямъ, — автобіографіи, подъ заглавіемъ «Оптимизмъ». Сама по себѣ книжечка эта, пожалуй, не представляетъ ничего настолько замѣчательнаго, чтобы заслужить особый, пространный отзывъ. Написана она хорошо, убѣжденно и убѣдительно, но не заключаетъ въ себѣ ничего особенно блестящаго или новаго (впрочемъ, трудно сказать что-либо **новое** на эту тему, за или противъ). Но, если принять во вниманіе, **къмъ** она написана и въ какихъ условіяхъ, она сразу пріобрѣтаетъ огромное значеніе и авторитетность въ спорѣ, раздѣляющемъ мыслящій міръ на два прямо противоположныхъ лагеря. И новою является она, во-первыхъ, потому, что прочувствована и продумана глубокою, самобытною душою писавшей, которая не слушаетъ чужого голоса, а даетъ то, что сама выработала изъ своихъ чтеній и своихъ одинокихъ думъ, во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что никогда еще эта удивительная дѣвушка не выступала на поле общественной дѣятельности въ роли автора въ печати, наравнѣ со всѣми людьми, нормально надѣленными природой для работы и борьбы. Давно ли сомнѣвались въ возможности пріобщить слѣпо-глухо-нѣмыхъ къ умственной жизни окружающей среды хотя бы настолько, чтобы не быть имъ слишкомъ въ тягость себѣ и другимъ, — и вдругъ, такое явленіе: Что бы ни написала Елена Келлеръ, все интересно, все имѣетъ глубокое значеніе. Написала же она вещь прекрасную, о которой критика ея родины говоритъ, что она «лучше многихъ проповѣдей ободрить и утѣшить тысячи душъ, удрученныхъ свыше силой».

Книжка «Оптимизмъ» есть въ нѣкоторомъ смыслѣ «проба пера» будущей писательницы, нѣчто въ родѣ диссертациі кандидата на литературную степень; но для автора она гораздо болѣе того: это — ея **profession de foi**, исповѣданіе вѣры, которая должна быть ея спасительнымъ якоремъ, ея посохомъ на предстоящемъ ей, вѣроятно, долгомъ и, во всякомъ случаѣ, нелегкомъ жизненномъ пути. Поэтому въ книгѣ чувствуется подчасъ, торжественное молитвенное настроеніе. Всѣ разнообразныя впечатлѣнія, оставленныя различными моментами удивительной исторіи этой души, разрѣшаются въ нихъ звучнымъ, заключительнымъ мажорнымъ аккордомъ.

Елена дѣлитъ свой очеркъ на три главы; въ первой она разсматриваетъ оптимизмъ, живущій въ ея собственной душѣ и выражающійся добрымъ настроеніемъ, мировоззрѣніемъ, исполненнымъ благодарности и надежды, вѣры въ добро и преобладаніе его въ мірѣ; во второй части, она быстрымъ взоромъ окидываетъ міръ, въ настоящемъ и въ прошломъ, т. е. въ ходѣ его историческаго развитія, чтобы въ фактахъ, непосредственно доступныхъ ей или подобранныхъ ею изъ критически прочитаннаго, найти оправданіе и подтвержденіе ея оптимистическихъ взглядовъ. Въ третьей главѣ она ищетъ, какъ проводить оптимизмъ въ жизнь, такъ чтобы онъ не оставался пассивнымъ самоуслажденіемъ, а сдѣлался активнымъ началомъ добра, а самъ оптимистъ — дѣятельнымъ орудіемъ распространенія этого добра, по мѣрѣ своихъ, хотя бы и слабыхъ, силъ, скромнымъ факторомъ въ томъ всемірномъ процессѣ совершенствованія, въ который человѣкъ свято вѣритъ, и въ этомъ неусыпномъ стремленіи, въ каждомъ успѣхѣ благого начинанія, въ **служеніи** великому дѣлу общаго счастья и постепеннаго устраненія зла, съ такими стремленіями человѣкъ находилъ бы удовлетвореніе благороднѣйшихъ потребностей душевныхъ и самый высшій видъ личнаго счастья: самозабвеніе.

Прежде всего необходимо точно опредѣлить понятіе, изображаемое этимъ названіемъ: «оптимизмъ», установить значеніе этого слова, такъ какъ понятію, и слову слишкомъ часто придается растяжимость, мѣшающая правильному пониманію. Спросите у десяти человѣкъ, что такое оптимистъ, — навѣрное восемь отвѣтятъ: это человѣкъ, который видитъ только хорошее въ мірѣ и жизни, все дурное же отрицаетъ или упорно игнорируетъ, стало быть доволенъ міромъ, каковъ онъ есть, во всякомъ случаѣ, не желаетъ портить себѣ кровь созерцаніемъ зла и страданія или утомлять себя попытками къ устраненію ихъ. Такой оптимизмъ граничитъ съ эгоизмомъ, съ черствою безучастностью къ людскимъ страданіямъ и потребностямъ съ тѣмъ пагубнымъ состояніемъ пассивнаго самообольщенія, который можно назвать летаргиче-

скимъ сномъ души. Такое чувство съ патриотическимъ оттѣнкомъ называется «шовинизмомъ». Но это вовсе не оптимизмъ, какъ миссъ Келлеръ убѣдительно доказываетъ.

Всегда созерцать одно добро и игнорировать зло — ошибка, — пишетъ она: — потому что это дѣлаетъ людей нерадивыми и впускаетъ бѣду. Есть оптимизмъ опасный, рожденный отъ невѣжества и равнодушія. Недостаточно твердить, что ХХ вѣкъ — лучший въ исторіи человѣчества и уходить отъ золь мірскихъ въ небесныя мечтанія о добрѣ. Сколько прекрасныхъ людей, благополучныхъ и довольныхъ, глядѣли кругомъ себя и видѣли одно хорошее, между тѣмъ, какъ милліоны ихъ ближнихъ продавали и покупали, какъ скотъ! Навѣрное были оптимисты, которые считали Уильберфорса надоѣдливимъ фанатикомъ, когда онъ всѣми силами души старался объ освобожденіи невольниковъ. Я съ подозрѣніемъ отношусь къ нашему американскому оптимизму, который кричитъ: «Ура! Какъ хорошо! Мы — величайшая нація на лицѣ земли!» — когда столько золь громко вопіеть о реформахъ. Это — ложный оптимизмъ, подобный дому, построенному на пескѣ. Нужно понять зло и познать горе, чтобы имѣть право назваться оптимистомъ и требовать, чтобы другіе увѣровали въ обоснованность этого убѣжденія.

Я знаю, что такое зло. Я разъ-другой въ жизни своей приходила въ столкновение съ нимъ, и именно потому я въ истинномъ смыслѣ — оптимистка. Могу съ убѣжденіемъ сказать, что борьба, на которую подвигаетъ причиненное намъ зло, есть одно изъ величайшихъ благъ. Она дѣлаетъ насъ сильными, терпѣливыми, способными помогать людямъ. Она вводитъ насъ въ самую душу жизни и научаетъ насъ, что, если міръ полонъ страданія, онъ полонъ также побѣднаго противленія страданію. Значитъ, мой оптимизмъ основанъ не на мнимомъ отсутствіи зла, а на радостной вѣрѣ въ преобладаніе добра и на волѣ всячески содѣйствовать добру, чтобы оно окончательно одолѣло. Я стараюсь усугубить данную мнѣ Богомъ способность видѣть лучшее во всемъ и во всѣхъ и дѣлать это лучшее частью моей жизни. Міръ засѣянъ добромъ, но если я радостно не обращаю мысль свою къ практической жизни и не стану воздѣлывать свою собственную ниву, для меня не взойдетъ ни одно изъ этихъ благихъ сѣмянъ.

Итакъ, мой оптимизмъ коренится въ двухъ мірахъ: во мнѣ самой и въ томъ, что меня окружаетъ... Я провозглашаю существованіе добра, — и факты сами собою выстраиваются передо мною и свидѣтельствомъ своимъ подтверждаютъ мое заявленіе. Всему хорошему я настежь отворяю ворота моего «я» и ревниво затворяю ихъ всему дурному. Такова мощь этого прекраснаго, упорно лелѣемаго убѣжденія, что оно превозмогаетъ все противное ему. Отсутствие добра никогда не приводитъ меня въ уныніе; никакое резонерство никогда не отниметъ у меня надежду. Сомнѣніе и недовѣріе — не что иное, какъ паника боязливаго воображенія; стойкое сердце побѣдитъ ихъ, а умъ широкимъ полетомъ возвысится надъ ними...

Два поколѣнія назадъ, Карлэйль объявилъ міру свое евангеліе труда. Мечтателямъ времени революціи, строителямъ радужныхъ, воздушныхъ замковъ всемірнаго благополучія, которые, когда неизбѣжныя бури разнесли ихъ видѣнія, обратились въ пессимистовъ, — всѣмъ этимъ безсильнымъ Вертерамъ, Эндиміонамъ и др., этотъ шотландскій крестьянинъ, самъ мечтатель въ жесткомъ практическомъ мірѣ, возвѣстилъ голосомъ могучимъ, какъ трубный звукъ: «Работайте! Производите! Хотя бы самую жалкую, безконечно малую кроху, но производите, ради самого Бога! Это все, что у тебя есть? Что-жь, давай и это! Воспрянь! Что бы тебѣ ни попало подъ руку, — дѣлай! дѣлай всѣми своими силами! Работай, пока стоитъ день; придетъ ночь, когда работать уже нельзя».

Значитъ, оптимизмъ прежде всего въ насъ самихъ и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, какъ мы себя поставимъ къ окружающему насъ міру и чего мы въ немъ будемъ искать. А что мы ищемъ, то мы и найдемъ. «Во всѣ годы моего пребыванія въ университетѣ, — такъ Елена начинаетъ вторую главу, — все мое чтеніе сводилось къ непрерывному открытію добра. Въ литературѣ, въ философіи, въ исторіи и религіи я нахожу великихъ свидѣтелей моей вѣры».

Философію въ обширнѣйшемъ смыслѣ и въ лицѣ ея безсмертныхъ представителей Елена сравниваетъ съ успѣшнымъ воспитаніемъ слѣпо-глухонѣмого, такъ какъ отъ Платона до Канта философія представляетъ рядъ усилій человѣческаго духа освободиться отъ обременяющаго его матеріальнаго міра и улетѣть въ

область чистаго мышленія. «Слѣпо-глухой, — говоритъ она, — долженъ извлекать особенный смыслъ изъ идеальнаго міра Платона: все то, что мы видимъ, слышимъ и осязаемъ, не есть сама действительность; это лишь несовершенное проявленіе идеи, принципа, духовности. Идея есть правда; все остальное — обманъ. Если это такъ, то братья мои, обладающіе всѣми чувствами, не признаютъ ничего такого, что не было бы доступно и моему пониманію. Философія даетъ уму способность узрѣть истину и уносить насъ въ такое царство, гдѣ я, слѣпая, ничѣмъ не разнюсь отъ васъ, зрячихъ. Когда я узнала, что глаза ваши воспринимаютъ образы навыворотъ, и мозгъ вашъ безсознательно возстановляетъ ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, я подумала, что глазъ въ сущности не такой ужъ благонадежный инструментъ, и почувствовала себя поставленною на одинъ уровень съ другими, и порадовалась, — не тому, что чувства даютъ такъ мало, а тому, что въ Божьемъ вѣчномъ мірѣ духъ и умъ даютъ такъ много».

Еще больше, чѣмъ въ самой философіи, Елена находитъ для себя утѣшеніе въ созерцаніи личности и жизни ея великихъ учителей: они особенно близки ей потому, что они, подобно ей самой, только нравственно пребывали «въ счастливомъ разобщеніи» отъ міра (**happy isolation**), были не отъ міра, хотя и вращались въ немъ, подобно Платону и другимъ, — потому что, они были глухи къ его буйному шуму, слѣпы къ его развлекающей пестротѣ. «Сидя въ одиночествѣ, они научились все находить въ самихъ себѣ, а если чего и не находили, они все же съ увѣренностью надѣялись узрѣть истину лицомъ къ лицу, покинувъ землю и приобщившись къ премудрости Божіей. Великіе мистики жили одни, глухіе и слѣпые, но близко къ Богу».

Особенную любовь и благоговѣніе внушаетъ Еленѣ Спиноза, находившій источникъ глубокаго, неизсякаемаго счастья въ своей любви къ добру, въ своей дѣтской вѣрѣ въ благою высшую силу, избравшую его своимъ смиреннымъ орудіемъ, среди такихъ личныхъ условий, такой жизненной обстановки, которыя, казалось бы, должны были сломить самый бодрый отъ природы, радостный духъ: жизнь въ убожествѣ, въ презрѣніи какъ среди христіанъ, такъ и среди евреевъ, въ отлученіи отъ родной среды. «Не то, — оговаривается милая дѣвушка съ дѣтской наивностью: — что добрые люди когда либо со мною такъ обходились, но отчужденія этого человѣка отъ міра чувственныхъ радостей отчасти подобно моему... Всѣ великіе философы любили Бога и вѣрили въ прирожденное человѣческой душѣ добро. Исторія философіи учитъ насъ, что самые возвышенные мыслители всѣхъ вѣковъ, вѣщія души всѣхъ народовъ были оптимистами».

Обращаясь отъ философіи къ «великому накопленію событій, называемому исторіей человѣчества», Елена видитъ въ послѣдней «эпическую поэму неустаннаго прогресса», — видитъ во всѣхъ составныхъ частяхъ ея духъ добра, благодаря чему исторія и представляетъ осмысленное цѣлое. Слѣдуетъ на немногихъ страницахъ бѣглый обзоръ хода всемірной исторіи, въ которомъ, однако, съ большимъ мастерствомъ схвачены характерные моменты каждой эпохи съ первенствующей въ ней народностью, въ смыслѣ внесеннаго добра каждою изъ нихъ въ міръ, — духовнаго, конечно. Греція, Римъ, распространеніе христіанства и одновременный наплывъ сѣверныхъ народовъ, пробужденіе отъ кажущагося средневѣковаго застоя, — всѣ эпохи быстро проходятъ передъ нами. Сравнивая нравственные идеалы, послѣдовательно выдвигаемые исторіей: пока суровый римлянинъ и даже изящный эллинь издѣвались, какъ надъ непонятнымъ ему, глупымъ мягкосердечіемъ, укрѣплялись устои общечеловѣческой морали, если разсмотрѣть, какъ много стремленіе къ этимъ общепризнаннымъ идеаламъ творило дѣлъ для ихъ пракческаго осуществленія, невольно приходишь къ заключенію, что нужно быть упрямымъ и закоснѣлымъ пессимистомъ, чтобы горевать о «добромъ старомъ времени» и отчаиваться въ будущемъ.

Шестіе мірового прогресса естественно приводитъ автора къ сужденію о родинѣ, воспріемницѣ всемірной культуры, продолжательницѣ начинаній всѣхъ предыдущихъ вѣковъ. Эта оцѣнка особенно интересна и поучительна, потому что характеризуетъ ту сторону Америки, которую иностранцы вообще мало знаютъ или игнорируютъ. Принято удивляться или ужасаться (смотря по враждебности или дружелюбности личнаго взгляда) единственно матеріальной и меркантильной, словомъ, — практической сторонѣ характера, дѣятельности, духа этой колоссальной, такъ называемой выскочки среди націй, забывая однако, что никакой народъ, тѣмъ болѣе такой великій народъ, не можетъ существовать однимъ сухимъ хлѣбомъ матеріальнаго благополучія, утоляя духовную жажду одними меркантильными расчетами или математическими вычисленіями. Вотъ эту-то забытую сторону духовной жизни и благотворной дѣятельности Америки, главнымъ двигателемъ которой являются ея женщины, молодая дочь ея ярко обрисовываетъ передъ нами въ немногихъ страницахъ, горячо прочувствованныхъ и истинно краснорѣчивыхъ, если принять за норму опредѣленіе Катона Древняго, что «краснорѣчіе — это когда честный человѣкъ говоритъ то, въ чемъ онъ искренно убѣжденъ». Такое краснорѣчіе, очевидно, не имѣетъ ничего общаго ни съ велерѣчивостью, ни съ краснорѣчивостью. Дѣйствительно, при всемъ горячемъ патріотизмѣ, миссъ Келлеръ ни разу не увлекается за предѣлы строгой правдивости.

Толстой, — такъ начинается она: — какъ-то выразился, что Америка, бывшая нѣкогда надеждою народовъ, нынѣ въ рабствѣ у Маммона. Толстому и прочимъ европейцамъ еще многое нужно узнать объ Америкѣ, прежде чѣмъ они будутъ въ состояніи оцѣнить не имѣющую себѣ нигдѣ равной гражданскую борьбу, которую она постоянно ведетъ. Ей выпала гигантская задача: принять въ себя всѣ инородные элементы, которые она притягиваетъ со всѣхъ концовъ свѣта, и слить ихъ, спаять въ одну народность съ единымъ національнымъ духомъ. Мы въ правѣ рассчитывать на снисхожденіе, пока Союзъ не покажетъ, способенъ ли онъ создать одну націю изъ всѣхъ народовъ земли. Лондонскіе экономисты пугаются присутствіемъ около полумилліона инородцевъ въ шестимилліонномъ населеніи и серьезно разсуждаютъ объ опасности отъ слишкомъ большого числа ихъ. Но что такое ихъ задача въ сравненіи съ положеніемъ Нью-Йорка, насчитывающаго почти полтора милліона иноземцевъ въ населеніи, не превышающемъ трехъ съ половиною милліоновъ? Вѣдь это значитъ, что на трехъ обывателей одинъ — иностранецъ!..

Правда, Америка въ большой мѣрѣ посвятила свои силы матеріальнымъ задачамъ, — вспахиванію нетронутыхъ плугомъ земель, открытію копей, орошенію пустырей, прокладыванію желѣзныхъ путей; но она все это дѣлаетъ на новый ладъ, — воспитывая народъ, дѣлая доступными каждому плоды изобрѣтательности всего человѣчества... такъ чтобы на ея землѣ не было тупоумныхъ чернорабочихъ, а чтобы всѣ трудящіеся прилагали умъ и душу къ подчиненію себѣ матеріи...

...При всемъ томъ, Америка все же могла бы стать поклонницей Маммона. Но у нея рядомъ съ торговлей процвѣтаетъ благотворительность. Среди уличнаго шума и гама, бокъ о бокъ съ фабриками и товарными складами, мы видимъ школу, бібліотеку, больницу, — все дѣла общественной благотворительности, — богатство, претворенное въ духовную силу, во вѣки несокрушимую. Пересчитайте все, что Америка уже совершила для облегченія страданія и возвращенія обществу его обездоленныхъ членовъ, — давъ зрѣніе пальцамъ слѣпыхъ, рѣчь нѣмымъ устами, мысль слабоумному мозгу, — и скажите, правда ли, что она исключительно поклоняется Маммону? Кто измѣритъ состраданіе, умѣніе, изобрѣтательность, съ которыми она помогаетъ всѣмъ, къ ней приходящимъ, постоянно уменьшая приливъ бѣдности, нужды, невѣжества, которыя ежегодно надвигаются къ ея берегамъ со всѣхъ концовъ свѣта?

Когда я размышляю обо всѣхъ этихъ фактахъ, мнѣ все же думается, вопреки Толстому и прочимъ теоретикамъ, что хорошо быть американцемъ. Здѣсь оптимистъ находитъ обильную пищу для своей вѣры въ настоящее и для надежды на будущее, и эту вѣру, эту надежду мы имѣемъ полный поводъ простирать и на всѣ другія великія націи земли. Сравнивъ наше время съ прошлымъ, мы убѣдимся, что современная статистика представляетъ солидное основаніе для такого мірового оптимизма. Подъ сомнѣніемъ, безпокойствомъ, матеріализмомъ, насъ окружающими, все-таки тлѣетъ и свѣтится упорная вѣра въ добро. Если послушать пессимиста, подумаешь, что міръ остановился въ средніе вѣка да такъ и не двинулся съ тѣхъ поръ. Пессимистъ забываетъ, что процессъ развитія никогда не совершается равномерно и непрерывно...

...Итакъ, приглядываясь къ нашему времени вообще, я радуюсь, что живу на свѣтѣ, а когда обращаю взоръ на свою родину, я убѣждаюсь, что быть американцемъ значитъ быть оптимистомъ. Мнѣ извѣстна печальная, возмутительная исторія того, что дѣлалось на Филиппинскихъ островахъ подъ нашимъ флагомъ, но я вѣрю, что въ правительственной политикѣ не всегда выражается лучшее сознаніе народа... Народъ идетъ своимъ путемъ честно и терпѣливо, а правители его часто спотыкаются. Я съ радостью вижу, что во всемъ мірѣ и здѣсь, въ Америкѣ, зарождается новый и лучшій патріотизмъ, чѣмъ тотъ, который ищетъ жизни врага на полѣ битвы, — патріотизмъ, побуждающій тысячи людей отдать свою жизнь общественному служенію... Итакъ, когда я узнала объ ужасахъ, творящихся на Филиппинахъ, я не впала въ отчаяніе, потому что знала, что сердце нашего народа непричастно къ нимъ, и что придетъ время, когда имъ будетъ положенъ конецъ.

Оптимизмъ, который исповѣдуетъ Елена Келлеръ, въ сущности сводится къ слѣдующему: «На свѣтѣ много дурного, возмутительнаго; но прежде было много хуже; а если теперь лучше, чѣмъ было прежде, то, значитъ, будетъ еще лучше; стремленіе къ добру присуще человѣку, и предѣловъ ему не положено; и разъ

начавшееся движеніе никогда вспять не обращается; наше дѣло — содействовать этому движенію, каждому по мѣрѣ своихъ силъ и возможности; тогда нѣтъ повода иначе, какъ съ надеждой, смотрѣть на будущее, а на зло слѣдуетъ смотрѣть, какъ на частичное явленіе, на временное препятствіе».

«Содѣйствовать добру». На эту тему написана третья часть статьи Елены Келлеръ, подъ заглавіемъ «Практика оптимизма» — начинается она словами: «Пробный камень всякаго вѣрованія — практическое воздѣйствіе этого вѣрованія на жизнь». Но какъ и чѣмъ воздѣйствовать? Прежде всего, воздержаніемъ отъ всякаго слова, устнаго или писаннаго, могущаго ослабить въ другихъ вѣру въ возможность добра и тѣмъ самымъ отнять силу къ проведенію его въ жизнь. Потому что всякое благое дѣло прочно осуществляется цѣной борьбы; на борьбу нужны силы, а силы даются лишь вѣрою въ дѣло, въ себя и въ то добро въ душахъ людей, которое почти никогда въ конецъ не умираетъ, а рано или поздно отзовется, **если** только не потеряна эта вѣра въ добро и не дать ему заглохнуть подъ всякими внѣшними бурными вліяніями. Выводъ отсюда ясенъ, и миссъ Келлеръ съ такою же ясностью формулируетъ его: «Если правда, что оптимизмъ двигаетъ міръ впередъ, а пессимизмъ задерживаетъ его, то опасно распространять пессимистическую философію. Тотъ, кто самъ убѣжденъ, что страданія въ мірѣ больше, чѣмъ хорошаго, и выражаетъ словами это злополучное убѣжденіе, только увеличиваетъ сумму страданія. Шопенгауэръ — врагъ человѣчества. Даже если онъ искренно вѣрилъ, что мы живемъ въ наихудшемъ изъ міровъ, ему не слѣдовало возвѣщать ученіе, которое отнимаетъ у людей самое побужденіе бороться противъ обстоятельствъ... Если бы я на свою участь смотрѣла съ точки зрѣнія пессимиста, я бы погибла... сидѣла бы въ сторонѣ отъ людей въ ужасномъ одиночествѣ, предаваясь страху и отчаянію. Но только потому, что я считаю своей обязанностью по отношенію къ самой себѣ и другимъ быть счастливой, я избавляюсь отъ пытки, которая хуже всякой физической немощи. Какъ смѣть набрасывать тѣнь собственной неспособности къ добру или надеждѣ на души тѣхъ, которые бодро несутъ свои ноши? Оптимистъ не можетъ отставать, не можетъ пошатнуться, такъ какъ знаетъ, что онъ этимъ помѣшаетъ сосѣду продержаться въ строю. Поэтому онъ безстрашно выстоитъ на своемъ мѣстѣ, помня долгъ молчанія. Довлѣетъ каждому свое горе. Онъ будетъ работать, какъ будто отъ него одного зависитъ судьба мірозданія»...

Если великіе мыслители были оптимистами, тѣмъ паче были ими великіе дѣятели. Тутъ Елена развертываетъ передъ нами цѣлый рядъ филантроповъ, посвятившихъ себя тѣмъ или другимъ несчастнымъ, обиженнымъ природой, или людей, встрѣчавшихъ въ началѣ насмѣшки, скептической отпоръ, даже прямо враждебность, и все же кончившихъ полнымъ торжествомъ своихъ идей не только въ теоріи, но и на практикѣ, такъ что ихъ робкія мечты теперь уже обратились въ солидную дѣйствительность. Обзоръ свой она, естественно, начинаетъ съ болѣе непосредственно близкаго ей благодѣтеля Лоры Бриджмэнъ, доктора Хоу: «Онъ нашель доступъ къ душѣ Лоры, потому что началъ съ твердой вѣры, что его возможно найти. Англійскіе юристы объявили что слѣпо-глухіе — идіоты въ глазахъ закона. Чтò же дѣлаетъ оптимистъ? Онъ опровергаетъ бездушную юридическую фикцію, заглядываетъ за тупо-пассивную плоть, видитъ тамъ плѣненную душу и со спокойной рѣшимостью приступаетъ къ освобожденію этой души. Его усилія увѣнчиваются успѣхомъ; онъ доказываетъ закону, что слѣпо-глухой, мнимый идіотъ — такой же отвѣтственный человѣкъ, какъ и всѣ».

Перваго, кто взялся учить слѣпыхъ чтенію, пессимизмъ осмѣялъ, какъ безумнаго фантазера. Сами слѣпые смѣялись ему въ лицо. Ихъ, какъ и глухихъ, увѣрили въ безнадежности ихъ положенія и этимъ именно и сдѣлали это положеніе безнадежнымъ. Не преступленіе ли погрузить людей въ такую бездну отчаянія, что самая мысль о помощи имъ самимъ кажется бессмыслицей, причудой больного мозга и вызываетъ въ нихъ только горькій смѣхъ отчаянія! А между тѣмъ, довольно было одному оптимисту **увѣрывать** въ возможность чуда, — и чудо совершилось, и пальцы слѣпыхъ превратились въ нѣчто подобное глазамъ.

Въ Италіи, нѣкто Джованни Боско задумалъ спасти бѣдныхъ, бездомныхъ дѣтей и отроковъ въ городскихъ трущобахъ. И его называли сумасшедшимъ, и всѣ отказывались бросать деньги на его, якобы, дикія фантазіи. Но онъ былъ оптимистъ и потому не унывалъ, не сложилъ рукъ, беспомощно сѣтуя на людское тупоуміе и жестокосердіе, а упорной, терпѣливой работой этихъ рукъ создалъ и содержалъ пріютъ для столькихъ маленькихъ уличныхъ бродягъ, насколько хватило его силъ, и безъ денегъ, безъ друзей, не переставалъ предсказывать осуществленіе своихъ обширныхъ плановъ, великолѣпной сѣти школъ и больницъ, которой онъ задумалъ покрыть Италію отъ края до края. И онъ имѣлъ счастье дожить до основанія Общества Спасителя (San Salvatore), которое оправдало его пророческій оптимизмъ¹. «Оптимизмъ, —

---

¹ Странно, что миссъ Келлеръ въ числѣ такихъ оптимистовъ-благодѣтелей не приводитъ такого блестящаго современнаго примѣра, какъ Букеръ Вашингтонъ, вся жизнь котораго есть не только подвигъ практическаго филантропическаго оптимизма среди почти неслыханно трудныхъ условій, но и служитъ доказательствомъ того, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

въ заключеніе пишетъ Елена, — вѣрить, дѣлаетъ дѣло и завершаетъ его. Никогда пессимистъ не раскрывалъ тайнъ звѣзднаго неба, не искалъ и не находилъ земли, не занесенной ни на какую карту, не раскрывалъ человѣческому духу новыхъ міровъ»...

Переходя къ міру литературы, Елена и тамъ находитъ, что истинная сила на сторонѣ оптимизма. Писатель-пессимистъ, хотя бы и гениальный, никогда не создастъ себѣ такого круга читателей, какъ другой, сравнительно менѣе талантливый, которымъ будутъ восхищаться именно потому, что онъ съ любовью представляетъ солнечную сторону жизни, а темную — безъ озлобленія, съ печалью и состраданіемъ. Диккенсъ, Гольдсмитъ, Ирвингъ, всѣ знаменитые юмористы, были оптимистами. Пессимистъ Свифтъ никогда не имѣлъ столько читателей, сколько заслуживалъ по своей гениальности; за исключеніемъ одного Гулливера, мало кто знаетъ даже названія его многотомныхъ писаній. Архи-оптимистомъ изъ всѣхъ писателей Елена называетъ Шекспира, въ твореніяхъ котораго цѣлое откровеніе нравственной красоты и гармоніи.

«Каждый оптимистъ раздѣляетъ и ускоряетъ ходъ прогресса, тогда какъ каждый пессимистъ силится остановить его. Вліяніе пессимизма на жизнь цѣлой націи то же самое, что на жизнь отдѣльнаго лица: онъ убиваетъ инстинктъ, понуждающій бороться противъ нищеты, невѣжества и преступленія и изсушаетъ всѣ источники радости на свѣтѣ... Перенесемъ мысленно въ Индію, эту твердыню фатализма, гдѣ миллионы людей коснѣютъ въ нуждѣ и невѣжествѣ и вязнутъ глубже и глубже въ трясины. Отчего? Оттого, что они тысячи лѣтъ были жертвами своей философіи, которая учитъ ихъ, что человѣкъ не больше, какъ трава, а трава вянетъ и ничего отъ нея не остается... Да, полюбуйте въ Индіи, что за цивилизація вырастаетъ тамъ, гдѣ цѣлая нація живетъ безъ вѣры въ прогрессъ и поклоняется силамъ тьмы. Подъ гнетомъ брахманизма зачахла гениальность и всякія стремленія. Некому заступиться за бѣдняка, призрѣть вдовицу и сироту. Больные валяются безъ ухода. Никто не видитъ за слѣпыхъ и никто не слышитъ за глухихъ; они брошены у дороги — пусть умираютъ. Въ Индіи считается грѣхомъ ихъ учить, потому что они, будто бы, несутъ наказаніе за зло, содѣянное ими въ какомъ-нибудь прежнемъ бытіи. Родись я тамъ, я такъ и сидѣла бы во мракѣ, и жизнь моя была бы пустыней, черезъ которую никогда не прошелъ бы караванъ съ грузомъ мыслей и знаній...»

...Оптимизмъ воодушевляетъ на подвиги. Безъ надежды ничто невозможно. Когда наши предки положили основаніе американской гражданственности, что придало имъ силу на подвигъ, какъ не предвидѣніе будущаго великаго зданія? На холодномъ, непривѣтномъ небѣ, надъ пустыней въ ея снѣжной пеленѣ, по которой рыскалъ свирѣпый дикарь, свѣтила имъ радуга, завѣтъ успѣха, и къ ней они обратились лицомъ съ той вѣрой, которая выравниваетъ горы, наполняетъ долины, перекидываетъ мосты черезъ рѣки и несетъ цивилизацію до концовъ земли...

Повторяю: оптимизмъ воодушевляетъ на подвиги. Міровые пророки всѣ были безусловно бодры сердцемъ, иначе знамена ихъ такъ и стояли бы среди пустого поля, безъ защитниковъ. Порицаніе Толстого теряетъ силу, оттого что оно имѣетъ пессимистической оттѣнокъ. Если бы, видя ошибки и недостатки Америки, онъ все-таки вѣрилъ, что она способна преодолѣть ихъ, нашъ народъ почувствовалъ бы въ его словахъ стимулъ къ самоисправленію. Но люди отворачиваются отъ пророка, отнимающаго у нихъ надежду, и внимаютъ Эмерсону, который признаетъ лучшія качества своего народа и нападаетъ только на пороки, которыхъ никто не отрицаетъ и не оправдываетъ. Они внимаютъ сильному мужу, Линкольну, который въ минуту сомнѣнія, смуты, бѣдствій, не теряется, не унываетъ, а видитъ побѣду впереди и силой собственной несокрушимой надежды, надежды наперекоръ всему, воодушевляетъ народъ. Когда **такой** человѣкъ порицаетъ и указываетъ на пороки, народъ повинуется, слова его западаютъ глубоко; но вѣчный плачъ и сѣтованіе утомляютъ и притупляютъ вниманіе... Хотя на свѣтѣ все еще много великихъ золь, и оптимистъ къ нимъ не слѣпъ, но онъ не теряетъ надежды; унынію нѣтъ мѣста въ его вѣрѣ, ибо онъ вѣритъ въ несокрушимую праведность Бога и въ достоинство человѣка.

Краткій обзоръ того, что сдѣлало христіанство для человѣчества, кончается прекраснымъ словомъ: «День Рождества Христова есть высшее празднество оптимизма». Затѣмъ, какъ бы подводя итогъ всему сказанному, миссъ Келлеръ предлагаетъ формулировать «вѣру оптимиста» приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: «Я вѣрую въ Бога, вѣрую въ человѣка, вѣрю въ силу духа. Вѣрю, что нашъ святой долгъ — поддерживать бодрость въ себѣ и другихъ, удерживать языкъ свой отъ всякаго злополучнаго слова противъ Божьяго міра, потому что никто не имѣетъ права хулить мірозданіе, которое Богъ сотворилъ благимъ и ты

сячи людей силились, дабы сохранить его благимъ. Я вѣрю, что мы должны жить такъ, чтобы все болѣе и болѣе приближаться къ тому времени, когда никому не будетъ житься легко, пока другой страдаетъ... Оптимизмъ есть гармонія между духомъ человѣка и духомъ Божьимъ, который Самъ призналъ творение Свое благимъ».

Итакъ, оптимизмъ бываетъ двоякій: активный, выражающійся дѣйствіями, и пассивный, состоящій въ томъ, чтобы самому свято хранить вѣру въ добро и удерживаться отъ всего, что можетъ ослабить или совсѣмъ отнять эту вѣру у другихъ. Казалось бы, что существо, столь жестоко обиженное природой, какъ Елена Келлеръ, должно довольствоваться послѣднимъ видомъ, и что безропотная, сознательная покорность, умѣніе извлекать изъ своей невеселой доли радости для себя и поощреніе для другихъ это выше того, что можно ожидать отъ нея. Но — не въ ея натурѣ мириться съ пассивной ролью. Эта душа — огонь; въ ней — почти стихійная сила протівленія и борьбы. Въ борьбѣ, — изъ-за идеала, изъ-за высокой цѣли, которая отодвигается по мѣрѣ того, какъ она къ ней приближается, — въ такой борьбѣ ея жизнь! Въ дѣтствѣ и ранней молодости, она и цѣль эту понимала и выражала по-дѣтски: «дѣлать то же, что и всѣ, другіе», и каждый шагъ къ ней былъ борьбою, — борьбой далеко не дѣтской по проявляемой въ ней силѣ воли и спокойному упорству. Съ годами, по мѣрѣ того, какъ расширялся кругозоръ и крѣпла молодая душа, и цѣль становилась шире, благороднѣе: «приносить посильную пользу». Рыцарю уже мало турнировъ, онъ рвется въ настоящій бой изъ-за добраго, святаго дѣла. Но на пути къ этой цѣли есть еще, такъ сказать, промежуточная цѣль: вооруженіе, экипировка, испытаніе и укрѣпленіе силъ. И вотъ — университетскіе годы. Посмотримъ, какъ сама Елена представляетъ себѣ свое участіе въ «настоящей» жизни.

По мѣрѣ того, какъ мои дни въ университетѣ подходятъ къ концу², я съ бьющимся сердцемъ и свѣтлыми надеждами заглядываю въ ожидающую меня въ будущемъ дѣятельность. Мое участіе въ міровой работѣ будетъ, можетъ статься, и ограниченное, но это будетъ работа: и то уже дорого. Самое желаніе работать есть уже оптимизмъ... Я могу работать, и потому что люблю работать головой и руками, я, не взирая ни на что, — оптимистка. Я прежде, бывало, думала, что моему желанію — совершить что-нибудь полезное — помѣшаютъ препятствія. Но я убѣдилась, что, если и не много такихъ путей, на которыхъ я могу приносить пользу, зато работѣ, открытой предо мной, конца нѣтъ. Самымъ усерднымъ работникомъ въ ветроградѣ можетъ быть калѣка. Если другіе и больше его наработаютъ, однако виноградъ зрѣетъ на солнцѣ отчасти и его трудами... Дарвинъ могъ работать всего полчаса за одинъ присѣсть; однако, въ эти полчаса онъ положилъ основаніе новой философской системѣ. Я всей душой стремлюсь исполнить одну высокую, чудную задачу; но главный долгъ мой — исполнять смиренныя обязанности, какъ будто онѣ самыя высокія и благородныя. Служеніе мое въ томъ, чтобы обдумывать, какъ лучше исполнять требованія, предъявляемыя мнѣ каждымъ днемъ, и я радуюсь, когда другіе дѣлаютъ то, чего я не въ состояніи дѣлать...

Въ чемъ состоитъ «высокая, чудная задача», которую Елена поставила себѣ въ жизни, ради которой она преодолѣла неимоверныя трудности университетскаго курса наукъ, извѣстно отчасти изъ ея автобіографіи. Еще дѣвочкой она сумѣла положить начало исполненію этой задачи, устройвъ судьбу маленькаго Томми Стрингера съ находчивостью и настойчивостью, повидимому, много превышающими мѣру дѣтскихъ силъ; ради этой же задачи она дважды, превозмогая сугубую робость очень молодой дѣвушки и глухонѣмой, только что выучившейся живой рѣчи, говорила публично передъ учеными и политически вліятельными собраніями. Нѣтъ сомнѣнія, что она посвятитъ свою жизнь организаціи въ Америкѣ такихъ же учебныхъ заведеній для слѣпо-глухонѣмыхъ дѣтей, какія имѣются для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ отдѣльно, притомъ настолько обезпеченныхъ въ финансовомъ отношеніи, единовременными и періодическими пожертвованіями частныхъ лицъ, возможно даже отчасти казноу отдѣльныхъ штатовъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными для небогатыхъ и даже для совсѣмъ бѣдныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что миссъ Келлеръ совершитъ то, за что она возьмется со свойственнымъ ей рѣдкимъ соединеніемъ горячности и упорства. Въ Америкѣ подобныя обращенія къ общественной совѣсти и человѣколюбію, рано или поздно, всегда находятъ откликъ, и **если** благотворители даютъ, то даютъ, не считая: старинный давно уже обезпеченный гарвардскій университетъ, получилъ въ теченіе 1903 г., пожертвованіями и завѣщаніями, 1,188.000 долларовъ! Но все же на такое предпріятіе потребуется борьба и — оптимизмъ. Какъ именно Елена приступить къ осуществленію своей завѣтной мечты, о томъ мы не имѣемъ еще ни малѣйшаго понятія. Но едва ли она очень долго промедлитъ: долго бездѣйствовать не въ ея характерѣ. Притомъ, безъ усиленной работы надъ какой-нибудь трудной задачей, — именно безъ борьбы, — въ жизни ея ощутилась бы пустота; —

---

² Они уже кончились, и блистательно: въ прошломъ іюнѣ она получила степень бакалавра — «Bachelor of Arts» В. А.

борьба ей необходима для того, чего она, вѣрная своему «долгу молчанія», не высказываетъ словами, и что, однако, чуткое сердце слишкомъ легко читаетъ между строками ея мужественной книжки: для того, чтобы **забыть**...

Но она не забываетъ. Если человѣкъ совершенно здоровъ, онъ пользуется своимъ здоровьемъ, какъ должнымъ, даже забываетъ радоваться ему, и не садится писать цѣлую книгу, чтобы убѣдить самого себя, что онъ здоровъ, долженъ быть здоровъ, не имѣетъ права не быть здоровымъ, что обязанность его къ другимъ требуетъ, чтобы онъ былъ здоровъ. А вѣдь, въ сущности, именно такъ тайный смыслъ этой книжечки. Она немножко напоминаетъ гейневскую пѣснь о ребенкѣ, который идетъ чернымъ боромъ въ темную ночь и поетъ для собственнаго ободренія. И этотъ голосъ въ темной ночи именно потому и звучитъ особенно убѣдительно. Если человѣкъ, пользующейся всѣми дарами природы, окруженный всѣми благами культуры, проповѣдуетъ оптимизмъ, его словамъ не придають большого вѣса: они скорѣе раздражаютъ, чѣмъ убѣждаютъ. «Хорошо-де ему говорить! Его бы устами... А вотъ попробоваль бы на нашемъ мѣстѣ — тогда что бы заговорилъ!» Но когда оптимистомъ, горячимъ, убѣжденнымъ, является существо, на мѣстѣ котораго многіе, при первомъ проблескѣ сознанія, проклинали бы часъ своего рожденія, тогда внимаешь почтительно и говоришь себѣ съ невольнымъ стыдомъ: «Ужъ если **она** покорна, мало того — жизнерадостна и свѣтла душой, то какъ **намъ** смѣть роптать и складывать руки въ уныніи, извиняя обстоятельствами наше собственное малодушіе и неохоту!»

Думается, что на русскаго читателя эта книжечка могла бы оказать особенно бодрящее и оздоровляющее вліяніе. Многія страницы въ ней точно имѣютъ спеціально въ виду нѣкоторыя, не то чтобы особенно дурныя, но печальныя и вредныя черты русскаго характера, въ особенности склонность пренебрегать малыми, близъ лежащими обязанностями, а также малыми, близъ лежащими, якобы буржуазными или ребяческими, радостями, въ поискахъ, — вѣрнѣе, праздныхъ мечтахъ, — за какимъ-то далекимъ, обширнымъ «дѣломъ» и счастьемъ, забывая, что именно изъ совокупности такихъ обязанностей и радостей и создается великое «дѣло», общее счастье. И еще одной обязанности хорошо бы нашимъ вѣчнымъ печальникамъ о своихъ и міровыхъ тяготахъ поучиться у той, на которую возложено такое бремя, о какомъ имъ и не снилось никогда, — обязанности поощрять и поддерживать въ себѣ веселость, жизнерадостность, способность восхищаться и наслаждаться каждымъ, самымъ скромнымъ цвѣткомъ, какихъ немало и на самомъ тернистомъ пути. Именно **обязанность** не столько къ себѣ, сколько къ другимъ. Ибо, чтобы приносить пользу, помогать, необходимы свѣжія силы, бодрость духа, а гдѣ ихъ взять, если никогда не выходить изъ-подъ гнета заботъ, печали и состраданія? Наконецъ, чуть ли не всего важнѣе то, что Елена называетъ «долгомъ молчанія»: если тебѣ не нравится жизнь, не отравляй ея другимъ; если у тебя нѣтъ охоты, не отбивай ея у другихъ; если ты потерялъ надежду, не отнимай ея у другихъ: молчи! И много еще полезнаго и утѣшительнаго въ одинокихъ думкахъ этой жертвы, сумѣвшей превратиться въ побѣдительницу, найдется для русскаго человѣка, слишкомъ склоннаго отъ природы къ тому гамлетовскому праздному самобичеванію и самоуглубленію, которое надламываетъ самыя пружины жизни и ведетъ къ мертвящему пессимизму. Такое отношеніе пессимиста къ жизни напоминаетъ осу, которая, собирая насѣкомыхъ въ пищу своему будущему потомству, выпускаетъ имъ каплю наркотическаго яда, не убивающаго ихъ, но отнимающаго у нихъ волю и движеніе...

Говоря объ Еленѣ Келлеръ, какъ-то невольно называешь ее «феноменомъ». Между тѣмъ, оказывается, что она, если и представляетъ собой феноменъ, то не совсѣмъ въ такой исключительной степени, какъ съ перваго взгляда можно было полагать. Во-первыхъ, слѣпо-глухихъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ; на нихъ стали теперь обращать вниманіе, тогда какъ прежде ихъ игнорировали, а потому они терялись въ массѣ несчастныхъ больныхъ, калѣкъ, слабоумныхъ, которые не выходятъ изъ предѣловъ семьи. Теперь тѣ, у которыхъ родные со средствами, стали поступать въ заведенія для слѣпыхъ или для глухонѣмыхъ, и къ нимъ приставили спеціалистовъ (большею частью женщинъ), изучившихъ методы д-ра Хоу и миссъ Солливанъ. Теперь оказывается, къ великому общему удивленію, что почти всѣ эти дѣти обладаютъ замѣчательными способностями, а нѣкоторыя — необыкновенно даровиты, такъ что труды и деньги, которые общество на нихъ потратитъ, воздадутся ему сторицей ихъ будущимъ служеніемъ. Начало; конечно, имъ дается труднѣе, чѣмъ геніальной Еленѣ, но разъ первая, болѣе или менѣе толстая, стѣна, отдѣляющая ихъ отъ міра, пробита, и они постигли значеніе **слова**, развитіе ихъ идетъ иногда съ удивительной быстротой.

Томми Стрингеръ сначала приводилъ своихъ наставниковъ въ отчаяніе. Почти цѣлый годъ ушелъ на то, чтобы научить его первому слову: «хлѣбъ». Каждый разъ, какъ ему давался кусокъ хлѣба, учитель писалъ это слово въ его рукѣ и заставлялъ мальчика повторять его. Когда онъ, наконецъ, понялъ, все-таки еще долго приходилось цѣлыми днями возиться съ каждымъ новымъ словомъ, пока онъ окончательно усвоилъ

значеніе существительнаго имени и могъ перейти къ составленію коротенькихъ предложеній. Семи лѣтъ онъ началъ читать выпуклый шрифтъ и тутъ уже пошелъ гораздо быстрѣе обыкновенныхъ дѣтей, — черта, какъ оказывается, общая слѣпо-глухимъ. Его любимыми предметами были грамматика, исторія, математика и физиологія. Изъ института Перкинса его перевели въ обыкновенное училище, съ учителемъ въ качествѣ переводчика. Представитель одной газеты видѣлъ его за работой и пишетъ, что во всемъ училищѣ нѣтъ мальчика болѣе прилежнаго и болѣе веселаго. «Если вы думаете, — пишетъ тотъ же наблюдатель, — что недостатокъ его сдѣлалъ его печальнымъ или угрюмымъ, то вы сильно ошибаетесь...»

Не менѣе замѣчательна двадцатидвухлѣтняя Линни Хэгвудъ, которая, послѣ семилѣтняго курса, поступила помощницей къ своей же наставницѣ, миссъ Дональдъ, въ заведеніе для слѣпыхъ, въ штатѣ Дакота, гдѣ бѣольшая часть ввѣренныхъ ей дѣтей только слѣпы, но не глухи, и, слѣдовательно, говорятъ. Замѣчательнѣе всего, что ей было уже четырнадцать лѣтъ, когда началось ея воспитаніе, а до того она росла совершеннымъ дичкомъ. При жалкой безпомощности, у нея, какъ и у маленькой Елены, проявлялись порывы необузданно горячей натуры, доходившей въ озлобленіи до неистовства. Миссъ Дональдъ пришла въ ужасъ отъ предлагаемой ей задачи; однако, уже съ перваго знакомства замѣтила въ своей будущей ученицѣ двѣ привлекательныя черты: улыбку и — руки. Передавая свои первыя впечатлѣнія, она пишетъ: «Эта удивительная улыбка озаряла ея лицо неотразимой душевной прелестью. Но руки ея прямо очаровали меня своей красотой и выразительностью. Тонкіе, изящныя пальцы, не испорченныя прикосновеніемъ житейской грубости, казались одаренными своей особой, духовной жизнью; они говорили, просили, ласстились и привлекали. Этой улыбкой и этими руками она вкралась въ мое сердце». Цѣлыхъ два года миссъ Дональдъ посвятила исключительно этому существу, лишенному, казалось, всякой умственной жизни. Успѣхи ея были отчаянно медленны. Притомъ наставница должна была обратить свое главное вниманіе на то, чтобы приручить молодую дѣвушку (не ребенка уже!) и исправить глубоко укоренившіяся въ ней дурныя наклонности. Ей было уже восемнадцать лѣтъ, когда можно было начать систематическое обученіе. Но, разъ прозрѣвъ, она пошла впередъ неудержимо. У нея оказался особенный даръ къ механикѣ. Ей стоило провести пальцами по частямъ швейной или пишущей машины, чтобы сразу понять весь механизмъ. Она пользуется не только машиной, пишущей **брайлемъ** (пунктирными письменами), но свободно пишетъ на простой машинѣ и читаетъ по всѣмъ извѣстнымъ системамъ для слѣпыхъ. Кромѣ того, у нея прекрасный почеркъ; только она пишетъ исключительно карандашомъ.

Елена Келлеръ, понятно, со страстнымъ вниманіемъ слѣдитъ за этими начинаніями близкаго ея сердцу дѣла, лично знакома почти со всѣми слѣпо-глухими дѣтьми, которыхъ поневолѣ привозятъ въ институтъ Перкинса, такъ какъ еще не существуетъ особаго для нихъ заведенія, и она не разъ снималась съ ними въ группахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она исподволь давно готовится къ тому, что она считаетъ святымъ дѣломъ, возложеннымъ на нее самимъ Провидѣніемъ. Будемъ ждать... Но, разставаясь съ этою удивительною душою, которую не могъ не полюбить всякій, кто подробно узналъ ея біографію, съ невольною грустью задаешь себѣ вопросъ: какъ-то сложится ея личная жизнь? Неужели ей не суждено узнать ни радости, ни горести той жизни, которая у насъ называется личной жизнью?

Приложение А. Приложения к электронному изданию

Выходные данные

Титульная страница

З. А. Рагозина.

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ ДУШИ.

(ЕЛЕНА КЕЛЛЕРЪ)

Съ 17 портретами, автографами и рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

Оборот титульной страницы

Артистическое заведение А.Ф. МАРКСА. Измайловский просп., 29.

Подготовка электронного издания

Посвящается дитя человека — Котс Рудольфу Александровичу

OCR, верстка: scaprus.ru

Организация: Котс Петр Рудольфович

2010

Опечатки, ошибки, исправления присылайте, пожалуйста, по адресу petya@kohts.ru